

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2023
ЧАСТЬ VI

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 20 (467) / 2023

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен Леонид Владимирович Занков (1901–1977), советский психолог, специалист в области дефектологии, памяти, запоминания, педагогической психологии. Ученик Л. С. Выготского. Проводил экспериментальные исследования детского развития, в которых выявлялись условия эффективного обучения.

Леонид Владимирович Занков родился 23 апреля 1901 года в Варшаве, городе Российской империи. Детство его прошло в семье офицера в окружении сестры и двух братьев. Детей обучали не только базовым наукам — математике, естествознанию, истории, но и иностранным языкам, творчеству. Будущий психолог особенно хорошо проявлял себя в музыке.

Любимым предметом Занкова была литература. Эмоции вызывали не столько произведения, сколько подача учителя, его заинтересованность в образовании учеников. Поэтому, окончив гимназию в 1916 году, Леонид задумался о будущем педагога. И тут же реализовал свое желание: уехал в Турдей, поселок Тульской области, и устроился в школу.

В 1919 году Занков впервые познакомился с трудными подростками. Он возглавил детскую сельскохозяйственную колонию Тамбовской губернии, где содержались беспризорники. Нужно было всерьез постараться, чтобы заразить их энтузиазмом, заинтересовать учебой. Леонид в этом деле преуспел.

В 1920 году его перевели в колонию «Островня» Московской области, где он трудился вплоть до поступления в Московский государственный университет в 1922 году.

В МГУ Леонид Занков познакомился со своим наставником Львом Семеновичем Выготским, которому было на тот момент всего 26 лет. Молодые люди очень подружились, вместе постигали основы и глубинные понятия психологии. Кончину товарища в 1934-м Леонид Владимирович воспринял как личную потерю.

По объективным причинам в СССР процент рождаемости детей с отклонениями был высоким. Ученые видели своей главной задачей создание уникальной концепции их обучения и развития. По этой теме Леонид Занков внес весомый вклад в науку.

Объектами его исследования были дети с пониженным уровнем концентрации, умственно отсталые, глухие и немые. Пообщавшись с ними, дефектолог пришел к выводу, что обучать обычных и особых детей совместно нельзя: каждому ребенку нужны индивидуальные условия для комфортного принятия знаний. Особые дети, наблюдая за успехами своих талантливых

сверстников, закрываются и разочаровываются в себе, у них быстрее возникают дополнительные комплексы.

До Леонида Владимировича мало кто всерьез уделял внимание умственно отсталым. Именно он написал первые фундаментальные труды по дефектологии, описал принципы развивающего обучения, впервые заговорил о том, что нужно создать классификацию умственной отсталости.

В своих работах Леонид Занков делал упор не на то, что дети с отклонениями в развитии отстают от своих сверстников, а на то, что их в принципе следует воспитывать иначе.

Психология воспитания детей с отставанием в развитии не главное достижение Леонида Владимировича. Стоит обратить внимание и на его педагогические труды, которые сложились в авторскую дидактическую систему. В 1960-х годах она активно внедрялась в начальную школу.

Суть системы Занкова состоит в том, что каждый ребенок индивидуален. Школьная программа не должна строиться по принципу среднего арифметического, а слабых учеников не нужно искусственно подтягивать до отличников. Каждый может стать вундеркиндом, если будет получать знания в комфортной обстановке и в своем темпе.

Леонид Занков подчеркивал, что детям нужно давать время на поиск ответа даже в самых трудных темах, позволять ошибаться и не ругать за это. Не будет толка от знаний, монотонно надиктованных учителями по учебнику. Также в школьную программу стоит вводить интерактивные занятия, например преподавать естествознание на природе, а уроки музыки проводить в театре.

Индивидуальный подход, кажущийся разумным в XXI веке, в СССР считался новаторским. Многие преподаватели и психологи критиковали Леонида Владимировича. Поэтому после его смерти дидактическую систему искоренили. Второе дыхание она получила в 1996 году, став государственной наравне с принципами Даниила Эльконина и Василия Давыдова.

До 2014 года по системе Занкова занимались около 30 % школ, затем его учебники убрали из списка рекомендованных к использованию. Но учителя, которые считают подходы дефектолога правильными, до сих пор обучают детей по его концепции.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ПСИХОЛОГИЯ

Балякина Г. Е.

Связь стиля воспитания со стороны матери и отца со склонностью к отклоняющемуся поведению подростков в созависимых семьях..... 395

Биджиева З. М.

Проблема развития позитивных межличностных отношений среди старших дошкольников..... 398

Волкова Н. Л.

Влияние ближайшего социального окружения на пищевое поведение и образ тела подростков: обзор 400

Гусев В. А.

Родительское отношение к молодым людям с наркотической и алкогольной зависимостью в период прохождения реабилитации 403

Демина Ю. М.

Наличие пищевых девиаций (по типу «переедание») при нарушении в Я-организации 406

Зорина Ю. К.

Исследование причин суицидального поведения среди подростков..... 408

Карпухин В. В.

Индивидуально-психологические характеристики и копинг-стратегии лиц с химической зависимостью 411

Кецбая Д. О., Кочетова Ю. А.

Личностные характеристики матерей, имеющих детей с зависимыми формами поведения..... 413

Коржикова И. В.

Феномен жизнестойкости..... 415

Московских А. Е.

Факторы, влияющие на уровень стресса у старших подростков, включенных в спортивную деятельность 418

Субботина К. С.

Развитие произвольного внимания у младших школьников 420

Тарасова В. В.

Теоретическое исследование возможности эмоционального развития дошкольников 5–6 лет посредством музыкально-двигательных заданий на образное взаимодействие 421

Топаллер Ю. Б., Кочетова Ю. А.

Связь эмоционального интеллекта и коммуникативной компетентности у старших подростков 424

Ходченко И. А.

К вопросу об исследовательской активности субъекта с позиции патопсихологии 425

Черская А. К., Кочетова Ю. А.

Специфика психологической защиты и способов совладающего поведения лиц зрелого возраста, зависимых от психоактивных веществ..... 427

Чубукова Н. С.

Выявление трансгенерационных связей в процессе психологического консультирования на примере детско-родительских отношений 430

ФИЛОЛОГИЯ, ЛИНГВИСТИКА

Баранова Д. Е.

Эксплицированность как прием создания оперного либретто: на материале опер «Тоска» Дж. Пуччини, «Дон Жуан» В.-А. Моцарта, «Эрнани» Дж. Верди, «Борис Годунов» М. П. Мусоргского..... 435

Галяутдинова К. Р.

Заголовки французских СМИ: особенности перевода на русский и английский языки..... 437

Коверсун А. С., Абдуллаева Ф. Э.

Когнитивное моделирование семантики пословиц про обувь в русском и китайском языках..... 441

Коновалова Е. А., Марина К. И.

Ценностный аспект лингвокультурного типажа «британский детектив» 443

Кораблёв В. С.

Стилистические особенности заголовка современной прессы (на примере газет «Коммерсантъ» и «Ведомости») 444

Курдугова М. Х., Табаксоева И. Р.

Теоретические проблемы исследования концепта
«горец» 447

Курдугова М. Х., Табаксоева И. Р.

Сравнительно-сопоставительный анализ
лингвокультурных типажей «модельный
(идеальный) горец», «классический горец»,
«современный горец»..... 448

Леоненко А. С.

Конструирование индивидуального профиля
публичной личности (на примере аккаунта
Джордана Питерсона в социальной сети
Facebook)..... 450

Lyubimova A. A., Putrya M. S.

Metaphor as a Means of Understanding
Writer's Creativity (the case of S. King and
V. Pelevin) 455

Нгуен Мань Хай

Градационные отношения в синонимических
рядах русских качественных имён
прилагательных с семантикой величины,
размера человека или предмета 457

Никитинская Л. В., Львова Е. М.

Разнообразие стилистических приемов
в предисловии к произведению Оскара Уайльда
The picture of Dorian Gray 460

Обмочиева А. М.

Специфика языковой объективации труда
в русских поговорках 463

Савина Е. А.

Язык и культура. Взаимосвязь и влияние 465

Сиразетдинова Ю. О., Колосовская Е. В.

Теория речевых актов и теория речевых жанров:
сходства и различия 467

Чуева Э. В., Якимова И. С.

Функциональная роль вводных слов
в публицистическом стиле..... 469

Шатковская А. В.

Особенности перевода глоттонического
дискурса (на материале русского
и французского языков) 470

ПСИХОЛОГИЯ

Связь стиля воспитания со стороны матери и отца со склонностью подростков к отклоняющемуся поведению в созависимых семьях

Балякина Галина Евгеньевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Лобанова Анна Вячеславовна, кандидат психологических наук, доцент

Московский государственный психолого-педагогический университет

В статье описываются результаты эмпирического исследования связи стилей воспитания со стороны матери и отца со склонностью подростков к отклоняющемуся поведению в созависимых семьях. В результате исследования получен вывод, что в созависимых семьях явно прослеживаются элементы потворствования и чрезмерного потакания ребенку, а также существует прямая корреляционная связь патологизирующего характера семейного воспитания со стороны отца и матери в созависимой семье с отклоняющим поведением подростков.

Ключевые слова: подростки, детско-родительские отношения, воспитание, созависимая семья.

Relationship of mother's and father's educational style with adolescent behavior in co-dependent families

Balyakina Galina Evgenievna, student master's degree

Scientific adviser: Lobanova Anna Vyacheslavovna, candidate of psychological sciences, associate professor

Moscow State Psychological and Pedagogical University

The article describes the results of an empirical study of the relationship between parenting styles on the part of mothers and fathers and adolescents' tendency to deviant behavior in co-dependent families. As a result of the study, the conclusion was drawn that in co-dependent families, elements of indulgence and excessive indulgence of the child are clearly traced, and there is also a direct correlation between the pathological nature of family upbringing on the part of the father and mother in a co-dependent family with the deviant behavior of adolescents.

Keywords: teenagers, parent-child relations, upbringing, co-dependent family.

Отношения детей и родителей являются предметом изучения и обсуждения большого количества исследователей и ученых ввиду присутствия обширной доказательной базы, которая свидетельствует о том, что психическое здоровье ребенка в первую очередь зависит от эмоционального состояния окружающих его людей. Традиции общения и коммуникации внутри семьи с течением времени видоизменяются, они зависят как от внешних, так и от внутренних факторов.

Психологический микроклимат в семье, особенно в случае проявления его негативных сторон, оказывает влияние на механизмы выработки и закрепления отрицательного защитного поведения, которое разрушительным образом влияет на еще не окрепшую психику ребенка. Одним из первых факторов, который свидетельствует о нарушениях в ее развитии, является наличие тревожных состояний, и низкой самооценки, сигнализирующей о неблагоприятной обстановке внутри семьи, в которой воспитывается ребенок [2]. Своевременный и раз-

вернутый анализ данного явления допускает возможность предупреждения формирования отклоняющегося поведения, которые проявятся уже во взрослом возрасте (А. М. Прихожан, 2000; В. В. Рубцов, И. А. Баева, 2008).

Подростковый возраст отличителен тем, что юноша или девушка начинают учиться самостоятельности в принятии решений, включаются механизмы осознанности и самоконтроля. Решающее значение имеет то, каким образом родители оказывали влияние на ребенка еще в раннем возрасте, от этого зависит, будет ли он активно применять различные защитные способы поведения в рядовых ситуациях [3].

Безусловно, воспитательный процесс, построенный на доверительных взаимоотношениях с ребенком, положительным образом повлияет на становление его личности, однако, не стоит забывать и о роли внутрисемейной атмосферы и взаимодействии между отцом и матерью. Благодаря наличию существенной и объемной доказательной базы, педагогам, исследователям и ученым удалось установить, что ребенок, который воспитывался родителями с алкогольной или наркотической зависимостью, рано или поздно сталкивается с психологическими нарушениями и отклонениями поведенческого характера [5]. Специалисты в сфере межличностных отношений охарактеризовали аномалию, проявляющуюся в результате совместной жизни с человеком, страдающим неконтролируемой тягой к наркотикам и алкоголю «созависимостью» [4].

Как и любое другое проявление межличностных отношений, деструктивный элемент в виде созависимости имеет под собой некий перечень предпосылок, одна из которых заключается в возникновении нарушенных коммуникативных связей внутри определенной ячейки общества, что в результате вытекает в деструктив, образованный между макросредой и микросредой. Семья, столкнувшаяся с такой ситуацией, становится изолированной, связи между близкими и социумом сводятся к минимуму, при этом ни один из членов семьи не может найти выхода из образовавшейся проблемы, не смотря на все усилия. Подросток, которому прививаются нормы, противоречащие законам общества, становится асоциализированным, он не может реализовать себя, проявить положительные стороны своего характера [1].

Проблемой адаптации родителей к наркомании близких людей занимались такие исследователи как С. А. Беличева, А. Г. Данилин., И. В. Данилина, Н. В. Дмитриева и др. Исследования, связанные с проблемой алкоголизма и наркозависимости, чаще всего концентрируются вокруг изучения личности зависимого (Н. И. Алешкин, С. В. Березин, Б. Г. Битенский., Ю. В. Валентик, С. А. Кулаков, Н. С. Курек, Э. Г. Эйдемиллер и др.). Механизмы формирования особенностей поведения детей и подростков из созависимых семей изучались авторами Н. В. Александровой, С. Г. Лафи, Д. В. Четвериковым, М. В. Четвериковой, В. Д. Москаленко, Н. А. Сиротой, А. А. Реан, Н. Л. Москвичевой, С. В. Березиным.

На сегодняшний день существует огромная база исследований, направленная на изучение характерных психологических изменений, происходящих у детей в переходном возрасте, большой интерес вызывает проблематика деструктивных семейных отношений, в условиях которых воспитывается ребенок, однако тематика созависимости раскрыта не полностью. Разрабо-

танные и внедренные методики работы с детьми, имеющими психологические проблемы, на данный момент малоэффективны.

Цель нашего исследования заключается в определении связи стиля воспитания со стороны матери и отца со склонностью к отклоняющемуся поведению подростков в созависимых семьях

В качестве гипотезы исследования выступает предположение о том, что существует связь стиля воспитания со стороны матери и отца со склонностью к отклоняющемуся поведению подростков в созависимых семьях.

Частные гипотезы:

- подростки, воспитывающиеся в созависимых семьях, по-разному расценивают взаимодействие с матерью и отцом;
- у подростков, воспитывающихся в созависимых семьях, прослеживаются склонности к отклоняющемуся поведению.

Задачи исследования:

1. Выявить семьи, в которых присутствуют созависимые отношения и сформировать экспериментальную группу.
2. Провести сравнительный анализ детско-родительских отношений в созависимых семьях и семьях, в которых созависимости нет;
3. Провести сравнительный анализ отношения подростков из созависимых и здоровых семей к матери и отцу;
4. Определить уровень склонности к отклоняющемуся поведению у подростков из созависимых семей и подростков из здоровых семей, сравнить полученные результаты.

В исследовании были использованы психодиагностические методики:

- Шкала созависимости в отношениях Спан Фишер (в адаптации В. Д. Москаленко);
- Опросник «Взаимодействие родитель-ребенок» (подростковая версия, И. М. Марковская);
- «Шкала семейной адаптации и сплоченности (FACES-3)» Д. Х. Олсона, Дж. Портнера, И. Лави, адаптированная М. Перре (1986г);
- Методика опросник «Анализ семейных взаимоотношений (АСВ)», разработанная Э. Г. Эйдемиллером и В. В. Юстицкисом;
- Определение склонности к отклоняющемуся поведению (А. Н. Орел).

Теоретико-методологические основы исследования.

- Периодизация психического развития Д. Б. Эльконина;
- Теории детско-родительских отношений и семейных взаимоотношений (С. Броди, А. В. Петровского, А. Я. Варги, В. В. Столина, Е. Т. Соколовой, Н. Штирмана, Д. Бомринд и др.);
- Концептуальные исследования особенностей созависимой семьи (М. Битти, Н. Г. Артемцева, Е. В. Емельянова, В. Д. Москаленко);
- Различные подходы к отклоняющемуся поведению (А. А. Реан, И. Н. Коноплева, А. С. Лозовенко, Р. Кармакар).

В исследовании принимают участие 50 испытуемых в возрасте 14–15 лет (из них 25 юношей и 25 девушек) из полных семей, учащихся общеобразовательных учреждений, а также их родителей (100 чел.).

В процессе анализа данных удалось выяснить, что подросток, который воспитывается в созависимой семье, склонен к проявлениям отклоняющегося поведения, о чем свидетельствуют показатели по шкалам «аддиктивное поведение», «са-

моразрушающее поведение», «агрессия и насилие» и «делинквентное поведение». Такое явление также может объясняться тем, что респонденты отбирались для данного исследования, исходя из присутствия у них следующих характерных особенностей: акцентуация на своих личностных качествах положительного и отрицательного характера, формирование образа своего «Я», изучение границ своих возможностей и дозволенности.

Также было отмечено присутствие низких показателей у подростков из семей без созависимости по следующим шкалам:

- «Агрессия и насилие»;
- «Саморазрушающее и самоповреждающее поведение»;
- «Делинквентное поведение».

Для анализа связей стилей семейных взаимоотношений в созависимых семьях использован коэффициент корреляции рангов К. Спирмена.

На основе корреляционного анализа был получен вывод, что склонность подростков из созависимых семей к отклоняющему поведению имеет положительную связь со следующими показателями стиля отношений со стороны отца:

- игнорирование потребностей ребенка со стороны отца: ($r=0,693$; $p<0,05$),
- общий уровень тревожности как показатель отца ($r=0,706$; $p<0,05$).

Выделена отрицательная связь с недостаточностью обязанностей подростка со стороны отца ($r=-0,824$; $p<0,05$).

Недостаточность обязанностей подростка со стороны отца имеет отрицательную связь с потворствованием подростку ($r=-0,798$; $p<0,05$) и с проекцией на ребенка собственных нежелательных качеств как показатель отца ($r=-0,677$; $p<0,05$).

Игнорирование потребностей подростка как показатель подростка имеет положительную связь с мягкостью как показатель отца ($r=0,865$; $p<0,05$) и с чрезмерностью санкций с его же стороны ($r=0,745$; $p<0,05$).

Мягкость как показатель отца имеет положительную связь с гипопротекцией как показатель подростка ($r=0,865$; $p<0,01$). Гипопротекция как показатель подростка имеет отрицательную связь с автономностью как показатель отца ($r=-0,694$; $p<0,05$).

В данном случае, поведение ребенка влияет на внутреннее состояние родителя в плане проявления такого аспекта, как тревожность, иными словами, отец проецирует свои желания и негативные черты характера на подростка, в результате чего существенно повышается степень притязаний и ожиданий к нему.

Сам по себе феномен отклоняющегося поведения у подростков тесно связан с тем, что ребенок отвечает родителям пренебрежением на их незаинтересованность, если отец или мать игнорируют потребности своего чада, он начинает проявлять демонстрацию своих отрицательных качеств через определенные поступки. В случае с отцами, и теми требованиями, которые они выдвигают в сторону детей, в первую очередь стоит обратить внимание на характерную модель поведения в семьях

при наличии созависимых отношений. Когда отец понимает, что подросток бунтует, он выдвигает в его сторону более жесткие санкции, ребенок, понимая, что его потребности игнорируют, проявляет еще большее сопротивление. Когда отец смягчается, ребенок начинает ощущать чрезмерную заботу со стороны родителя, по мере увеличения которой сокращается уровень автономности ребенка. Отец, не проецирующий свои отрицательные личные качества на подростка, или родитель, который делает это в меньшей степени, не позволяет ребенку почувствовать, что его капризам излишне потакают.

Посредством корреляционного анализа взаимоотношений между матерью и ребенком в созависимой семье, удалось отметить положительную связь между проявлениями отклоняющегося поведения и нижеперечисленными критериями:

- недостаточность требований и запретов ($r = 0,817$; $p<0,05$);
- гиперпротекция ($r = 0,756$; $p<0,05$).
- И отрицательную связь по следующим критериям:
- недостаточность обязанностей со стороны матери ($r = -0,929$; $p<0,01$);
- неустойчивостью стиля воспитания матери ($r = -0,783$; $p<0,05$).

Недостаточность обязанностей подростка имеет отрицательную связь с вмешательством в мир ребенка со стороны матери ($r=-0,795$; $p<0,05$).

Определено, что недостаточность требований-запретов к ребенку имеет положительную связь с неустойчивостью стиля воспитания со стороны матери ($r=0,870$; $p<0,05$), который, в свою очередь, имеет положительную связь с фобией утраты со стороны подростка ($r=0,908$; $p<0,05$) и отрицательную связь с раздражительностью со стороны матери ($r=0,843$; $p<0,05$).

Отклоняющееся поведение у подростков в данном случае зависит, в том числе от нестабильной воспитательной стратегии матери, чем больше мать стремится оградить своего ребенка от любой ответственности, тем большая вероятность того, что он будет склонен к демонстрации девиантного поведения. Аналогичная ситуация складывается и в случае проявления гиперопеки со стороны матери и отсутствия твердых убеждений в целесообразности применения санкций в отношении ребенка, если он осознанно не выполняет своих обязанностей или игнорирует мнение родителей. Подросток, который ощущает незаинтересованность матери и неустойчивость стиля ее воспитания, подсознательно развивает в себе страх потери тесной взаимосвязи с ней, при этом у матери наблюдается существенное снижение прямой или завуалированной трансляции признаков неврастенического поведения.

Подытожив результаты исследований вероятности проявления отклоняющегося поведения у ребенка из созависимой семьи, целесообразно отметить, что система воспитания со стороны обоих родителей оказывает влияние на возможность развития отклоняющегося поведения у подростка.

Литература:

1. Баумринд Д. Современные модели родительского авторитета / Д. Баумринд // Психология развития. — 2016 № 1 — С. 103–110.
2. Варга А. Я. О двух подходах к изучению родительского поведения / А. Я. Варга. — М.: Просвещение, 2017–180 с.

3. Зеленская, Е. Н. Стили семейного воспитания и их влияние на развитие личности ребенка / Е. Н. Зеленская // Воспитание школьников. — 2017 — № 6 — С. 69–71.
4. Коломинский, Я. Л. Психическое развитие детей в норме и патологии: Психологическая диагностика, профилактика и коррекция / Я. Л. Коломинский. — СПб.: Питер, 2015—480 с.
5. Спиваковская, А. С. Обоснование психологической коррекции неадекватных родительских позиций / А. С. Спиваковская. — М.: Просвещение, 2011—106 с.

Проблема развития позитивных межличностных отношений среди старших дошкольников

Биджиева Зарема Мудалифовна, студент магистратуры
Ставропольский государственный педагогический институт

Человек по своей природе является биосоциальным существом. Благодаря межличностным отношениям человек становится целостной личностью, учится взаимодействовать в мире социальных связей и может удовлетворить свои потребности в общении. В статье отмечено, что старший дошкольный возраст представляет собой период активного социального развития. Именно в это время ребёнок активно учится строить взаимоотношения со сверстниками, получает личный опыт общения и взаимодействия, осваивает первичные социальные ценности. От того как сложатся отношения ребёнка в группе, зависит его дальнейший путь социального и личностного становления. Поэтому важным является развитие позитивных межличностных отношений в детской группе.

Ключевые слова: старший дошкольник, личность, общение, детский коллектив, позитивные межличностные отношения.

The problem of developing positive interpersonal relationships of older preschoolers

Bidzhieva Zarema Mudalifovna, student master's degree
Stavropol State Pedagogical Institute

Man is by nature a biosocial being. Thanks to interpersonal relationships, a person becomes a whole person, learns to interact in the world of social connections and can satisfy their communication needs. The article notes that the senior preschool age is a period of active social development. It is at this time that the child actively learns to build relationships with peers, gets personal experience of communication and interaction, and learns primary social values. The child's further path of social and personal development depends on how the child's relationship in the group develops. Therefore, it is important to develop positive interpersonal relationships in the children's group.

Keywords: senior preschooler, personality, communication, children's team, positive interpersonal relationships.

Межличностные отношения являются основным фактором социального развития человека. Как и ряд других личностных механизмов и новообразований, они берут своё начало в дошкольном детстве. Как утверждал А. Н. Леонтьев, дошкольный возраст представляет собой период, когда начинает складываться база личности. Формируется самосознание и самооценка, активно развиваются эмоциональная и мотивационная сферы. Старший дошкольник интенсивно изучает окружающий его мир и мир человеческих взаимоотношений, постепенно готовясь к новому жизненному этапу — к обучению в школе [1].

С точки зрения психологии, межличностные отношения рассматриваются через следующие подходы:

- социометрический — разделение людей по признаку симпатии и антипатии;
- социокогнитивный — познание людей и решение социальных вопросов;
- деятельностный — взаимодействие, как способ общения и совместной деятельности людей.

По мнению ученых межличностные отношения представляют собой взаимосвязи людей, характер которых зависит от эмоционального состояния взаимодействующих и их психологических особенностей (Л. В. Лидак, Я. Л. Коломинский и др.).

К. А. Абульханова-Славская считает, что межличностные отношения имеют разную ценность в плане социального наполнения и по-разному воздействуют на его участников. Одни в процессе общения раскрываются и развиваются, а другие «обезличиваются» как личности [1].

К. Роджерс подметил, что через взаимодействия с другими людьми, человек познаёт себя и посредством общения выражает свою самость. Он учиться быть в гармонии с собой и окружающим его социумом [6].

Современный мир невозможно представить без межличностных отношений. Они охватывают все сферы жизни человека и являются важной составляющей социума. В зависимости от результативности общения, эмоционального окраса и психологического климата межличностные отношения бывают разных видов. Так А. В. Киричук выдвинула свою класси-

фикацию, по которой межличностные отношения делятся на три группы:

- 1) положительные отношения, характеризующиеся товариществом, симпатией, помощью и т.д;
- 2) индифферентные отношения, которые проявляются в безразличии, равнодушии, чёрствости и т.д;
- 3) отрицательные отношения, основой которых являются антипатия, недоверие, грубость и т.д.

Общение, представляет собой сложный многоуровневый процесс установления и развития контактов между людьми и группами, порождаемая потребностью во взаимодействии и включающая гармонично взаимосвязанные и дополняющие друг друга стороны:

- 1) коммуникативная сторона — обеспечивает информационный обмен между людьми;
- 2) интерактивная сторона — предполагает взаимодействие между людьми, которое проявляется в следующих формах: сотрудничество, компромисс, конкуренция, избегание, приспособление;
- 3) перцептивная сторона — содержит взаимное познание и восприятие участников общения, направленное на установление взаимопонимания.

Проблема становления и развития межличностных отношений дошкольников, вызывает интерес у многих представителей психологии и педагогики. Свои исследования этой теме посвятили Я. Л. Коломинский, Л. В. Лидак и др.

Межличностные отношения в детской среде являются непростым социопсихологическим феноменом, который подчиняется ряду закономерностей: детерминированность природы межличностных отношений занимаемым местом возрастной группы в обществе; взаимозависимость от общей деятельности; их уровневая природа.

У старших дошкольников можно наблюдать следующие виды межличностных отношений:

- межличностные отношения, возникающие в процессе общения и совместной деятельности детей, и выявляющиеся посредством анализа групповых социальных связей;
- межличностные отношения, имеющие избирательный характер при изучении групповых отношений;
- межличностные отношения, проявляющиеся при взаимном оценивании дошкольниками друг друга в процессе взаимодействия.

По мнению Т. А. Репиной, структурные единицы детского коллектива, имеют следующее содержание: поведенческую, эмоциональную, когнитивную.

Поведенческая, включает общение и взаимодействие в процессе совместной деятельности, поведенческое проявление относительно участников отношений. Эмоциональная, содержит самооценку и оценку окружающих, личностное отношение к субъекту деятельности и общения. Когнитивная, состоит из восприятия и понимания детьми друг друга, выражающаяся в социальной перцепции.

В дошкольном возрасте взаимоотношения могут носить как дружественный, так и конфликтный характер. Отношения детей, испытывающих затруднения в общении, могут перерасти в форму недоброжелательности, злобы и агрессии. Если

ребёнок вовсе закроется в себе, то у него может пропасть желание строить взаимоотношения со сверстниками, что в будущем может привести к социальной дезадаптации.

Неудовлетворённость в межличностных отношениях затрагивает многие психические явления и механизмы, и отрицательно сказывается на личности ребёнка. Поэтому важным и необходимым является формирование и развитие позитивных межличностных отношений в детском коллективе.

Позитивные межличностные отношения — это отношения, возникающие между детьми на основе взаимного доверия, симпатии, общих интересов, характеризующиеся глубиной и длительностью отношений во времени.

Для выстраивания позитивных межличностных отношений важно учитывать возрастные особенности детей, проявляющиеся в общении. Рассмотрим некоторые из них.

Первая особенность проявляется в широком диапазоне коммуникативных действий. Старшему дошкольному возрасту свойственны сложные формы поведения, такие как: притворство, кокетство, фантазирование и др.

Вторая особенность состоит в чрезмерной эмоциональной насыщенности. У детей проявляются крайние эмоциональные состояния: от яростного негодования до бурной радости. Этому способствует повышенность экспрессивно-мимических проявлений.

Третья особенность выражается в использовании ребёнком нестандартной и нерегламентированной формы общения со сверстниками, позволяющая ему проявить свою самобытность.

Четвёртая особенность характеризуется доминированием инициативных действий над поступающими. Для дошкольника приоритетным является его собственная активность, чем инициатива сверстника, которая в общении чаще не поддерживается. В дальнейшем это может привести к обидам и конфликтам.

Большую значимость в формировании позитивных межличностных отношений старших дошкольников играет организация совместной деятельности. З. С. Целенко утверждает, что дети перенимают социальный опыт, полученный в процессе общения с взрослыми, и переносят его на свой уровень, проигрывая его в разнообразных формах взаимодействия со сверстниками [7].

Позитивные межличностные отношения можно оптимально развить в рамках игровой деятельности: сюжетно-ролевой и подвижной игр. А также с помощью развития коммуникативно-речевых навыков.

В процессе сюжетно-ролевой игры дети учатся доброжелательно относиться друг к другу, примеряют на себя различные роли, намечают тему игры и план действий, решают возникающие конфликтные ситуации.

Подвижные игры представляют собой благоприятную среду для развития межличностных отношений. Во время игры возникают положительные чувства и эмоции, происходит сплочение детского коллектива.

Через развитие коммуникативно-речевых навыков происходит формирование нравственных норм и принципов, идёт обогащение познавательной-развивающей информацией, устанавливается ценность каждой личности.

Таким образом, межличностные отношения в дошкольном возрасте представляют сложную и целостную систему, со своей структурой и динамикой развития. Зачастую они развиваются в игре. Опыт взаимодействия, приобретённый старшими дошкольниками, отражается в дальнейшем на становлении их лич-

ности. Поэтому для развития успешной коммуникации и формирования культуры общения у дошкольников, необходимо создавать условия для развития позитивных межличностных отношений, использовать комплекс игр и игровых ситуаций, совершенствующих взаимодействие в детском коллективе.

Литература:

1. Абульханова-Славская К. А. Жизненные перспективы личности и образа жизни. / К. А. Абульханова-Славская. — М., 1987. — 311 с.
2. Бариленко Н. В. Становление взаимоотношений у старших дошкольников в совместной деятельности // Вопросы психологии. — № 4. — 1996.
3. Куницына В. Н., Казаринова Н. В., Погольша В. М. Межличностное общение. — СПб., 2001.
4. Коломинский Я. Л. Познай самого себя: Психологические беседы со старшеклассниками / Я. Л. Коломинский — Минск, 1981. — 44 с.
5. Лидак Л. В. Формирование культуры общения у детей старшего дошкольного возраста в процессе игры. Автореф. дисс. к. п. н., Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1982, С. 23.
6. Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека / К. Роджерс. — М.: Рефл-бук.: Ваклер, 1995. — 450 с.
7. Целенко З. С. Общение старших дошкольников в условиях совместной деятельности. — М., 1986.

Влияние ближайшего социального окружения на пищевое поведение и образ тела подростков: обзор

Волкова Наталья Лаврентьевна, студент магистратуры
Московский государственный психолого-педагогический университет

В статье предпринята попытка проанализировать влияние родителей и сверстников на пищевое поведение и образ тела подростков. Это является актуальным вопросом поиска причин и способов профилактики расстройств пищевого поведения среди подростков.

Ключевые слова: пищевое поведение, образ тела, расстройства пищевого поведения.

Понятие пищевого поведения охватывает все компоненты поведения, присутствующие в процессе приема пищи [2]. Оно включает в себя различные аспекты, от физиологических потребностей до психологического и социокультурного контекста. Пищевое поведение человека формируется и изменяется под влиянием множества факторов. Это начинает происходить с самого рождения ребёнка. Процесс приема пищи в раннем детстве ассоциируется с первыми эмоциями, развитием привязанности и отношений с матерью и другими членами семьи. Со временем это поведение начинает становиться частью общественной и культурной идентичности индивида [5]. Семейное и дружеское окружение играет ключевую роль в формировании пищевого поведения подростков. Эти социальные факторы могут оказать значительное влияние на пищевые предпочтения, привычки и режим питания, массу тела и состояние здоровья человека на протяжении всей его жизни.

Подростковый возраст является критическим этапом развития, который характеризуется значительными физическими, когнитивными и эмоциональными изменениями. В этот период подростки претерпевают изменения в форме, размере и составе тела, что может оказать глубокое влияние на то, как они вос-

принимают себя. Искажения образа тела часто сопровождают расстройства пищевого поведения (РПП). РПП представляют собой класс психогенных поведенческих синдромов, относящихся к нарушениям в приеме пищи (анорексия, булимия, компульсивное переедание и другие) [4]. Они связаны с одними из самых высоких уровней медицинской и социальной инвалидности среди психиатрических расстройств, а их распространённость в мире стремительно увеличивается [8, 11]. Поэтому актуально изучение факторов риска развития РПП для поиска эффективных средств профилактики РПП.

Риск развития РПП у подростков увеличивается при наличии различных факторов, включая гендерные и возрастные особенности, негативное отношение к своему телу, низкую самооценку, тревожные расстройства, насилие и недостаточную близость в семье, семейные проблемы с питанием, негативную критику внешности от близких людей, перфекционизм, страх перед взрослением и другие. Стоит отметить, что высокий ИМТ не является решающим фактором риска развития пищевых расстройств у подростков. Насильственный контроль пищевого поведения может причинять вред здоровью подростков, и эксперименты с диетами в этом возрасте могут привести

к различным патологиям, включая диетическую депрессию и нервную анорексию [5].

Девочки-подростки являются главной группой риска для развития пищевых расстройств. Значительное количество девушек подросткового возраста не довольны своим телом и желают быть стройнее. По результатам восьмилетнего лонгитюдного исследования, в котором приняли участие 496 девушек-подростков, было выявлено, что 12% выборки были подвержены той или иной форме РПП [12].

В зарубежной психологии эмпирические исследования, посвященные поиску факторов риска РПП, широко представлены в научных публикациях. Одним из направлений таких работ является оценка влияния родителей и сверстников на пищевое поведение и образ тела подростков.

Обзор экспериментальных исследований П. Де Коста и его коллег выявил, что проявления контроля со стороны родителей, такие как ограничение, навязывание и использование пищи в качестве вознаграждения, могут негативно влиять на детское пищевое поведение. Действия родителей, направленные на стимуляцию выбора детей в пользу здоровых продуктов питания, менее эффективны по сравнению с влиянием пищевых привычек самих родителей, которые дети воспринимают как пример для подражания [7].

Систематический обзор и метаанализ, проведенный А. Йи и коллегами, показал, что пищевое поведение родителей сильно коррелирует с поведением детей в отношении потребления пищи, как здорового, так и нездорового [14].

Популяционное исследование К. А. Лофа и коллег показало, что отцы чаще практикуют ограничительное контролирующее поведение в отношении пищевого поведения детей, особенно сыновей. Для предотвращения набора лишнего веса у детей родители должны обеспечивать доступность питательных продуктов питания в доме, быть примером в выборе здоровых пищевых привычек и поощрять самостоятельность подростка в саморегуляции потребления пищи [9].

Результаты пятилетнего лонгитюдного исследования М. Дж. Циммер-Гембек и её коллег показали, что ранние факторы риска, включая влияние сверстников, родителей, убеждений и риска развития РПП, оказывают влияние на озабоченность внешностью при контактах с Интернет-контентом (обеспокоенность при взаимодействии с контентом, связанным с внешним видом и самопрезентацией в Интернете, а также при сравнении с другими пользователями в сети) у подростков. Социальные факторы, особенно разговоры с друзьями о внешности в раннем подростковом возрасте, являются ключевыми факторами риска для озабоченности внешностью и активности в Интернете в позднем подростковом возрасте. Для мальчиков значимыми факторами риска возникновения озабоченности внешностью при контактах с Интернет-контентом являются установки и поведение родителей, связанные с внешностью, а для девочек — интернализация идеалов внешности и эмоциональное переживание. Социальный опыт, взаимодействие, личные убеждения и установки являются потенциальными ранними факторами риска возникновения озабоченности внешностью при контактах с Интернет-контентом в старшем возрасте. Повышение грамотности в области социальных сетей, осо-

бенно среди младших подростков, может помочь предотвратить неудовлетворенность телом и нарушенное пищевое поведение [15].

В исследовании, проведенном К. Н. Балантекин и коллегами, были изучены последствия ранней диеты, которую родители поощряют у своих дочерей в младшем школьном и подростковом возрасте. Исследование обнаружило, что ограничительное пищевое поведение является распространенным среди девочек в возрасте от 9 до 15 лет, и некоторые из них начинают соблюдать диету уже в 11 лет. Важным результатом исследования стало выявление связи между ранним поощрением диеты со стороны матери и отца и повышенным риском раннего начала диеты у девочек. Участницы исследования, чьи родители поощряли к диете, имели в 8 раз большую вероятность начать диету в раннем возрасте по сравнению с девочками, чьи родители не поощряли к диете. Это указывает на то, что и материнское, и отцовское поощрение диеты способствуют раннему началу соблюдения диеты. Исследование выявило связь между родительским поощрением диеты и естественным увеличением индекса массы тела (ИМТ) у девочек в период полового созревания в возрасте от 9 до 15 лет. Родители, обеспокоенные риском ожирения у своих дочерей, поощряют ограничительное пищевое поведение, такая стратегия является контрпродуктивной. В старшем возрасте девочки, которые прибегали к ранней диете, имели более высокий ИМТ по сравнению с их сверстницами, которые к диете не прибегали [6].

Одной из самых распространенных теорий, объясняющих влияние социокультурных факторов на формирование РПП является Трехсторонняя модель влияния (Tripartite Influence Model), которую выдвинул коллектив ученых из США во главе с Дж. К. Томпсоном. Эта модель объясняет развитие негативного образа тела и РПП через воздействие трех основных источников влияния: родителей, сверстников и СМИ. Предполагается, что существует два посредника между этими влияниями и проблемами образа тела и питания: интернализация общественных идеалов красоты, навязываемых СМИ, и повышенная склонность к сравнениям своей внешности с идеальными образами. Авторы Трехсторонней модели влияния провели исследование на выборке, состоящей из взрослых женщин 18–22 лет, выявили, что сравнение внешности опосредует влияние семьи и СМИ на неудовлетворенность телом, которая, в свою очередь, влияет на ограничительное и булимическое пищевое поведение. Влияние сверстников оказывало прямое воздействие на ограничительное пищевое поведение. Предположение о том, что перфекционизм связан с неудовлетворенностью телом, не подтвердилось, был сделан вывод о том, что он влияет на сравнение внешности. Была обнаружена связь между факторами, такими как подражание со стороны сверстников, родительское давление на достижение идеала красоты, восприятие СМИ и неудовлетворенность телом, и риском развития РПП. Это указывает на комплексное влияние различных факторов на формирование отрицательного образа тела и пищевого поведения. Также по мнению Дж. К. Томпсона и его коллег на нарушение образа тела и РПП влияют самооценка, тревожность и депрессия [13].

Позже Трехсторонней модели влияния расширялась, дополнялась и подтверждалась в исследованиях на подростковых

выборках. Одним из таких стало лонгитюдное исследование, проведённое Р.Ф. Роджерсом с коллегами. Они сосредоточились на проверке трехсторонней модели влияния, чтобы выявить возможные долговременные связи между интернализацией идеала внешности, транслируемого СМИ, сравнением внешности и неудовлетворенностью телом, которая является ключевым фактором риска РПП. В рамках исследования были оценены параметры интернализации медийного идеала, социальных сравнений внешности и неудовлетворенности собственным телом. Повторные измерения проводились спустя 8 и 14 месяцев после начала исследования. Результаты исследования показали, что интернализация медийного идеала внешности, передаваемого СМИ, является предиктором параметра социальных сравнений внешности и неудовлетворенности телом спустя 8 месяцев. Социальные сравнения внешности же стали предиктором формирования негативного образа тела на третьем этапе исследования. Интересно, что также был обнаружен обратный результат: неудовлетворенность телом на втором этапе исследования предшествовала интернализации медийного идеала на третьем этапе. Полученные результаты подтверждают социокультурную теорию неудовлетворенности телом, согласно которой интернализация медийного идеала красоты предшествует и предсказывает социальные сравнения внешности и неудовлетворенность телом. Это означает, что воздействия, направленные на формирование позитивного образа тела с учетом медийного идеала, социальных сравнений и снижения неудовлетворенности телом, могут оказаться эффективными в предотвращении или лечении проблем пищевого поведения [10].

Внутрисемейные отношения в качестве фактора риска развития РПП рассмотрели в своём исследовании Р.В. Александрова и Т.А. Мешкова. Они использовали скрининговый опросник пищевого поведения ЕАТ-26, исследовательский опросник оценки факторов риска РПП (ФР РПП) и опросник «Подростки о родителях» (ПоР). Сравнив группы с высоким и низким риском РПП, они сделали вывод, что семейная обстановка и воспитание оказывают влияние на формирование пищевого поведения у подростков. В семьях с риском РПП родители чаще беспокоятся о внешности своих дочерей, игнорируя их эмоциональное состояние. Матери проявляют холодность и властность в отношении девочек, в то время как отцы

ведут себя пассивно. Такие семьи часто характеризуются конфликтной обстановкой, недостатком любви и поддержки со стороны родителей, что может приводить к эмоциональным и поведенческим нарушениям у подростков. Также родители проявляют непоследовательность в поведении, используют противоречивые воспитательные методы. Было выявлено, что подростки, предрасположенные к развитию РПП, часто ищут поддержку среди сверстников. Результаты исследования подчеркивают важность семейного воспитания и поддержки для формирования здорового пищевого поведения и эмоционального благополучия у подростков. В семьях, где родители больше заботятся о внешности своих детей, чем об их эмоциональном состоянии и внутреннем мире, необходимо уделить внимание укреплению эмоциональных связей и созданию доверительных отношений [1].

М.Ю. Келина, Е.В. Маренова и Т.А. Мешковой изучили неудовлетворенность телом и влияние родителей и сверстников на возникновение риска РПП у девушек в возрасте от 13 до 25 лет. Результаты исследования показали, что риск развития РПП сильнее коррелирует с негативным отношением к собственному телу, чем с фактическим наличием избыточного веса. Девушки, учащиеся в престижной гимназии, оказались в группе с высоким риском развития РПП, что может быть связано с наличием перфекционистических установок как среди самих девушек, так и в их семьях. Авторы отмечают, что неудовлетворенность телом можно назвать основным фактором риска развития РПП у девушек-подростков [3].

Ближайшее социальное окружение играет значимую роль в становлении пищевого поведения и образа тела девушек-подростков. Разговоры с друзьями о внешности, в том числе в Интернете, ограничительное пищевое поведение отцов и матерей, контроль, навязывание и поощрение диет и использование ими пищи в качестве вознаграждения для ребёнка, отсутствие доступности здоровых продуктов питания дома, а также недостаточно поддерживающая холодная, конфликтная внутрисемейная обстановка и поощрение перфекционизма родителями способствуют риску развития у подростков РПП.

Разработка эффективных программ профилактики и поддержки в области предотвращения РПП должна включать мероприятия, направленные на повышение психологической грамотности не только самих подростков, но и их родителей.

Литература:

1. Александрова Р. В., Мешкова Т. А. Особенности внутрисемейных отношений девочек-подростков с риском нарушения пищевого поведения // Клиническая и специальная психология. — 2016. — № 2. — С. 33–45.
2. Жмуров, В. А. Большая энциклопедия по психиатрии. — Москва: Джангар, 2012. — 864 с.
3. Келина М. Ю., Маренова Е. В., Мешкова Т. А. Неудовлетворенность телом и влияние родителей и сверстников как факторы риска нарушений пищевого поведения среди девушек подросткового и юношеского возраста // Психологическая наука и образование. — 2011. — № 5. — С. 44–51.
4. Международная классификация болезней 11-го пересмотра [Электронный ресурс]. — URL: <https://icd.who.int/browse11/l-m/en> (дата обращения: 19.01.2023).
5. Мешкова Т. А. Пища, стресс и здоровье // Человек Работающий. Междисциплинарный подход в психологии здоровья / К. А. Бочавер, А. Б. Данилов [и др.]. — Москва: Перо, 2018. — С. 154–193.
6. Balantekin K. N., Savage J. S., Marini M. E., Birch L. L. Parental encouragement of dieting promotes daughters' early dieting // Appetite. — 2014. — № 80. — Р. 190–196.

7. De Costa P., Moller P., Frost M. B., Olsen A. Changing children's eating behavior — A review of experimental research // *Appetite*.— 2017.— № 113.— P. 327–357.
8. Galmiche M., Dechelotte P., Lambert G., Tavolacci M. P. Prevalence of eating disorders over the 2000–2018 period: a systematic literature review // *The American Journal of Clinical Nutrition*.— 2019.— № 109.— P. 402–413.
9. Loth K. A. Food-related parenting practices and adolescent weight status: a population-based study/ *Pediatrics*.— 2013.— № 5.— P. 1443–1450.
10. Rodgers R. F., McLean S. A., Paxton S. J. Longitudinal relationships among internalization of the media ideal, peer social comparison, and body dissatisfaction: implications for the tripartite influence model // *Developmental Psychology*.— 2015.— № 51.— P. 706–713.
11. Statistics&Research on eating disorders [Электронный ресурс] // National eating disorders association. — URL: <https://www.nationaleatingdisorders.org/statistics-research-eating-disorders> (дата обращения: 12.04.2023).
12. Stice E., Marti C. N., Shaw H., Jaconis M. An 8-year longitudinal study of the natural history of threshold, subthreshold, and partial eating disorders from a community sample of adolescents // *Journal of Abnormal Psychology*.— 2009.— № 118.— P.587–597.
13. Van den Berg P., Thompson J. K., Obremski-Brandon K., Coover M. The tripartite influence model of body image and eating disturbance: a covariance structure modeling investigation testing the mediational role of appearance comparison // *Journal of Psychosomatic Research*.— 2002.— № 53.— P. 1007–1020.
14. Yee A., Lwin M. O., Ho S. S. The influence of parental practices on child promotive and preventive food consumption behaviors: a systematic review and meta-analysis // *International Journal of Behavioral Nutrition and Physical Activity*.— 2017.— № 14.— P.14.
15. Zimmer-Gembeck M. J., Hawes T., Scott R. A., Campbell T., Webb H. J Adolescents' online appearance preoccupation: A 5-year longitudinal study of the influence of peers, parents, beliefs, and disordered eating // *Computers in Human Behavior*.— 2023.— № 140.— P. 2–14.

Родительское отношение к молодым людям с наркотической и алкогольной зависимостью в период прохождения реабилитации

Гусев Валерий Андреевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Шаповаленко Ирина Владимировна, кандидат психологических наук, зав. кафедрой
Московский государственный психолого-педагогический университет

В статье автор анализирует специфику родительского отношения к молодым людям в период прохождения реабилитации, имеющих наркотическую и алкогольную зависимость.

Ключевые слова: родительское отношение, молодые люди, алкогольная зависимость, наркотическая зависимость, реабилитация.

Актуальность проблемы изучения специфики родительского отношения к людям с наркотической и алкогольной зависимостью в период реабилитации обусловлена тем, что она является, как личной проблемой зависимого, так и общей семейной [1]. Поведение созависимых родственников, основанное на неадекватном представлении о заболевании, может осложнить процесс лечения и реабилитации зависимых [2]. И наоборот, получение родственниками специализированной медико-психологической помощи вырабатывает у них адекватное отношение к зависимому человеку и увеличивает шансы на положительные результаты программы реабилитации [3]. Современная парадигма к оказанию медико-психолого-социальной помощи пациентам с алкогольной и наркотической зависимостью с целью их реабилитации, предполагает инкорпорированность в работу специалистов не только пациентов, но и их родственников [4].

С целью определения особенностей родительского отношения к молодым людям 20–30 лет с наркотической и алкогольной зависимостью в период прохождения их реабилитации, были выбраны следующие диагностические методики:

– опросник Егорова Р.Н. и Шаповаленко И.В. «Родительская позиция по отношению к взрослым детям», раскрывающий поведенческие и когнитивные установки родительской позиции;

– опросник «Самодиагностика по созависимым отношениям» О.А. Шороховой;

– опросник «Шкала самооценки депрессии» В. Зунга;

– шкала самооценки тревоги Шихана;

– опросник «Семейные эмоциональные коммуникации» А.Б. Холмогоровой, С.В. Воликовой.

В исследовании приняли участие 60 родителей (20 родителей наркозависимых молодых детей в возрасте от 20 до 30 лет, 20 — зависимых от алкоголя, 20 — родители условно здоровых взрослых детей). Проводилось исследование на базе Реабилитационного центра по излечению от наркомании и алкоголизма «Ильинка».

Результаты исследования по опроснику для самооценки созависимости «Самодиагностика по созависимым отношениям» О.А. Шороховой показали, что среди 20 родителей больных алкогольной зависимостью 14 родителей осознали свою созави-

симось. Все матери наркозависимых молодых людей назвали свою жизнь созависимой. 3 матери относительно здоровых взрослых детей задумались об отношениях с детьми, и критически отозвались о полноценности своей собственной жизни, не подтвердив отсутствие созависимости. (См. Рис. 1).

Далее были обработаны результаты диагностики и самодиагностики расстройств тревожного спектра (по методике Шкала самооценки тревоги Д. Шихана). При сравнении результатов трёх групп испытуемых были выявлены отличия между группами по признаку наличия психических нарушений по методике Д. Шихага «Шкала самооценки тревоги». Так, оказалось, что у 11 матерей наркозависимых (55%) были диагностированы аффективные расстройства: выявлены расстройства сна, повышенная утомляемость. У 16 матерей наркозависимых клиентов были выявлены (80%) психические нарушения: в основном, связанные с работой головного мозга. У 13 матерей алкогольно зависимых молодых людей (65%) были выявлены психические нарушения: психомоторные расстройства, болезни вен, неврозы. Среди родственников взрослых алкогольно зависимых детей наблюдался реактивный психоз у 13 человек (65%), психические нарушения также у 13 человек (65%). Расстройства настроения были у 6 человек (30%). Среди испытуемых контрольной группы отсутствие психических нарушений опреде-

лялось в 80% случаев (у 16 матерей условно здоровых лиц). Симптомы невротических расстройств наблюдались у 2 человек (10%), а реактивный психоз у одного человека (См. Рис. 2).

Далее были обработаны полученные результаты исследования по опроснику Егорова Р.Н. и Шаповаленко И.В. «Родительская позиция по отношению к взрослым детям» показали. Так, оказалось, что родители в целом здоровых молодых людей 90% определили свою родительскую позицию сбалансированного типа. Для 80% родителей алкогольно зависимых взрослых детей человек наиболее свойственен контролирующий тип родительского отношения. Для матерей наркозависимых молодых людей наиболее свойственен отстранённый тип отношений (60%) (См. Рис. 3).

Оценка особенностей эмоциональных коммуникаций в семье по опроснику «Семейные эмоциональные коммуникации» (А.Б. Холмогорова, С.В. Воликова) показала, что:

- матери химически зависимых молодых людей склонны заикливаться внимание на негативных переживаниях, инициировать тревожность вне ситуации, проявлять несовместимые, непоследовательные требования к поведению ребенка;
- матерям алкогольно зависимых лиц свойственно заострять внимание на негативных эмоциях, предъявлять противоречивые требования к ребенку;

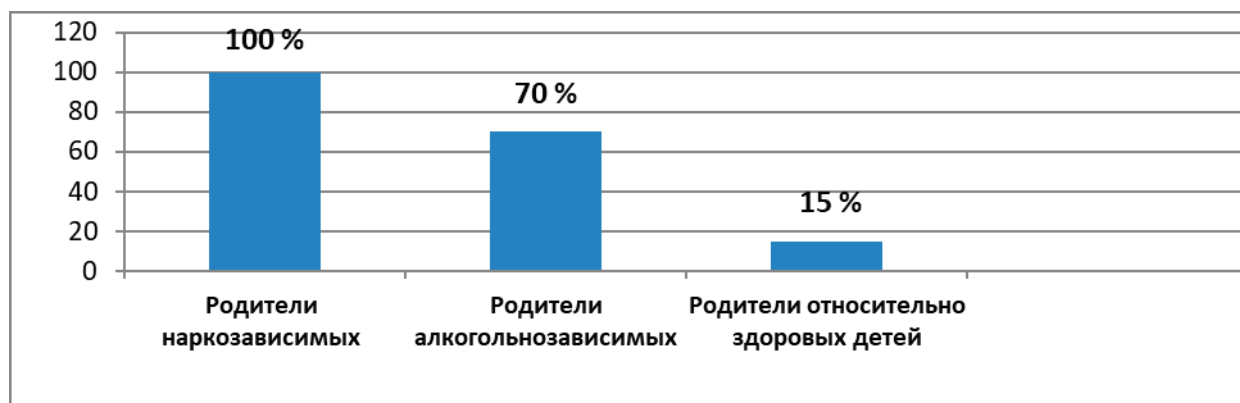

Рис. 1. Самодиагностика созависимых отношений (опросник О. А. Шороховой)

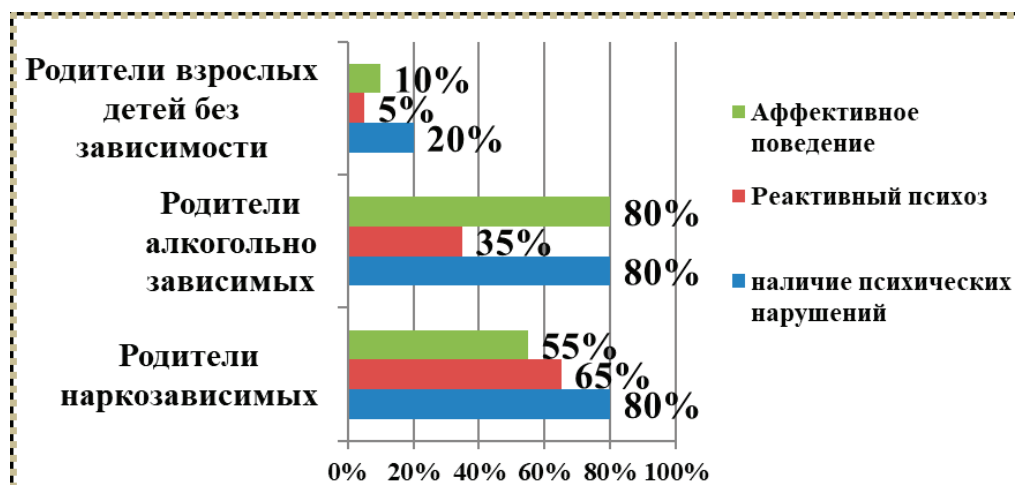

Рис. 2. Результаты диагностики и самодиагностики расстройств тревожного спектра

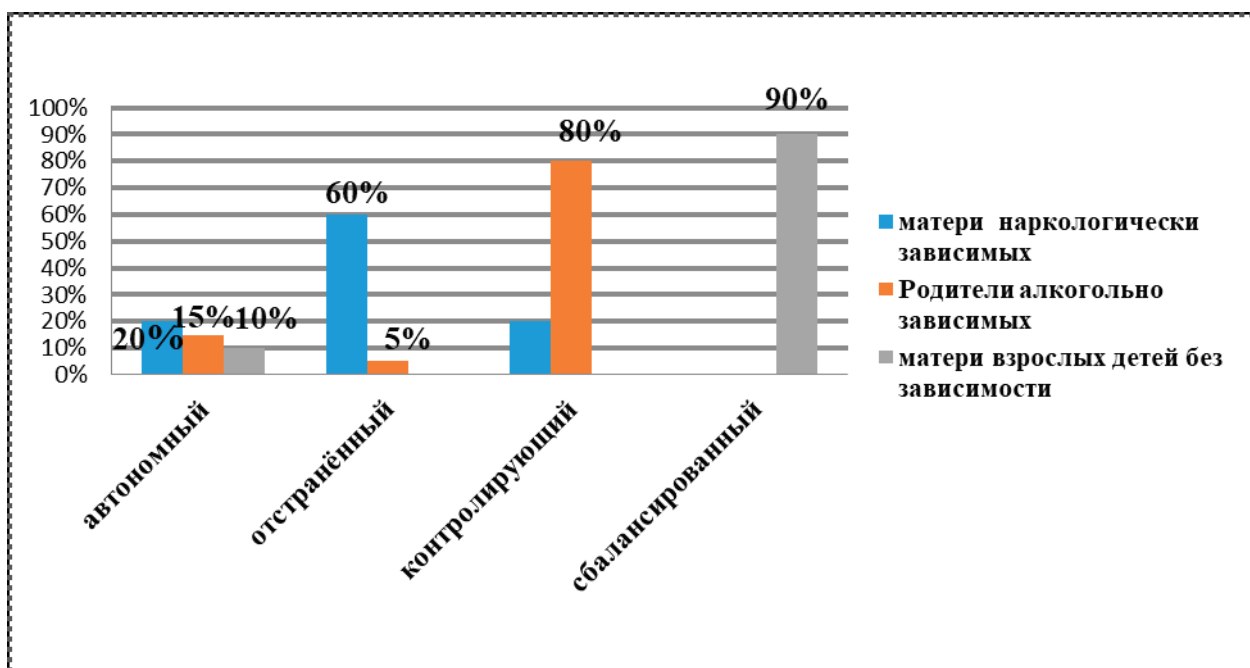

Рис. 3. Типы родительской позиции (методика Егорова Р. Н. и Шаповаленко И. В.)

- матери химически зависимых молодых людей склонны заикливаться вниманием на негативных переживаниях, инициировать тревожность вне ситуации, проявлять несовместимые, непоследовательные требования к поведению ребенка;
- матери химически зависимых клиентов, в отличие от матерей здоровых детей, имеют высокий уровень враждебности, большее количество фобий. Высокий и средний уровень созависимости связан с повышенным включением матери в жизнь ребенка, желанием поддержать видимость благополучия. Им свойственно индуцировать недоверие к окружающим, прояв-

лять враждебность, что приводит к затруднениям в межличностном общении (См. Рис. 4).

Полученные по методике «Шкала самооценки депрессии» В. Зунга результаты продемонстрировали повышенные оценки по шкале «Депрессия» у матерей из двух групп зависимых (См. Табл. 1).

Таким образом, результаты исследования показали, что у матерей зависимых молодых людей наблюдается неблагополучие в области здоровья по сравнению с матерями взрослых детей без зависимостей.

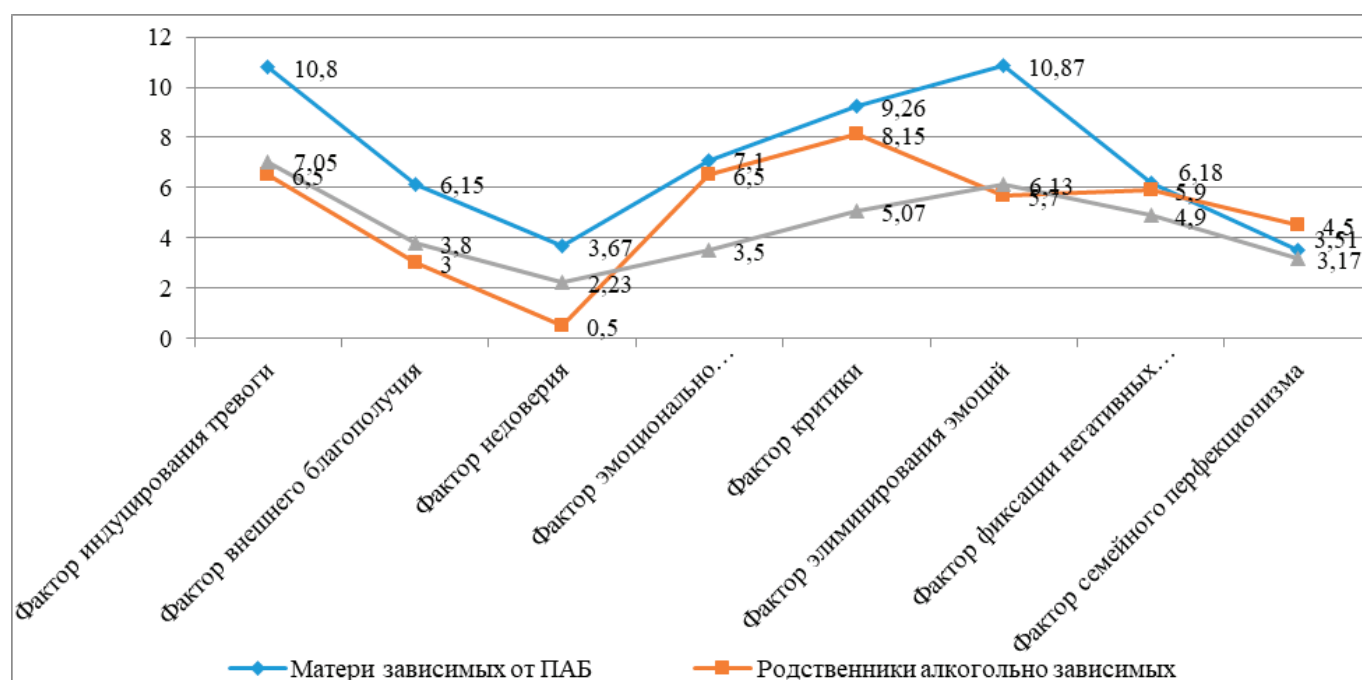

Рис. 4. Особенности семейных эмоциональных коммуникаций

Таблица 1. Результаты по шкале самооценки депрессии В. Зунга

Шкала самооценки депрессии	Матери зависимых от ПАБ	Родственники алко-гольно зависимых	Матери условно здоровых	Норма
уровень депрессии	60,08	65,07	34,5	34,26–46,24

– Высокий показатель созависимости у матерей химически зависимых взрослых детей взаимосвязан с сверхвысоким уровнем раздражительности, апатии, соматизации, недоброжелательности, общим уровнем дистресса, детерминантом сверхвключенности матери в жизнь ребёнка. Степень клинической лабильности этих проявлений тем сильнее, чем более выражены обсессивные паттерны поведения.

– У матерей наркозависимых детей наблюдается неблагоприятное психоэмоциональное состояние (высокий уровень тревожности, неприязни и агрессивности). Также им свойственен критикующий стиль поведения.

– — Контролирующий тип отношения родственников к взрослым алкогольнозависимым детям (80%), высокая родительская тревожность и сверхвключенность в жизнь взрослого ребёнка, «критикующее» отношение формирует в детях инфантильность и равнодушие к собственной жизни

– Родителям двух групп зависимых свойственна заикленность на отрицательных эмоциях, состояние безнадёжности.

– Уровень созависимости связан с выраженностью клинико-психологических нарушений у родителей зависимых групп и нарушением внутрисемейного функционирования.

– Родительские семьи химически зависимых дисфункциональны, нарушены эмоциональная функция, духовная, функция социализации.

– Матери химически зависимых характеризуются заострением черт личности: депрессия, ипохондрия, психастения, оказывающих отрицательное воздействие на социальную интеграцию.

– Высокий уровень созависимости матерей химически зависимых лиц связан с сверхвысоким уровнем тревожности, высоким уровнем дистресса, стремлением к социальной изоляции.

– На психологическом уровне человек впадает в эмоциональную зависимость от другого человека, который воспринимается, как объект, вызывающий приятные чувства и эмоции, и в этом смысле эта зависимость не сильно отличается от химической.

Литература:

1. Баранок Н. В., Крупицкий Е. М. Влияние психотерапии созависимости родственников на стабилизацию ремиссии больных наркоманией // Обозрение психиатрии и мед. психологии им. В. М. Бехтерева. — 2012. — № 4. — С. 21–25.
2. Ваисов С. Б. Наркотическая и алкогольная зависимость: практическое руководство по реабилитации детей и подростков. — СПб.: Наука и техника, 2008. — 272 с.
3. Москаленко В. Д. Созависимость: характеристики и практика преодоления // Лекции по наркологии. — М.: Нолидж, 2000. — С. 365–405.
4. Психология кризисных и экстремальных ситуаций: учебник / под ред. Н. С. Хрусталёвой. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. — 748 с.

Наличие пищевых девиаций (по типу «переедание») при нарушении в Я-организации

Демина Юлия Михайловна, студент магистратуры

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

Переедание является распространенной проблемой среди людей, которая может привести к различным физическим и психологическим проблемам. Каждые 62 минуты от расстройства пищевого поведения умирает как минимум один человек. К пищевым девиациям относят психические расстройства, связанные с искаженными представлениями о приеме пищи и негативно влияющие на физическое здоровье человека, — среди них анорексия, булимия и психогенное переедание. В среднем в развитых странах в конкретный момент времени болеют анорексией 4%, булимией — 2%, психогенным перееданием — 2%. Психогенное переедание встречается у мужчин реже, чем

у женщин (ежегодно заболевают 0,8% и 1,6% соответственно). В России до сих пор нет точной статистики по распространенности РПП (Падун М., <https://postnauka.ru/faq/155235>)

В 2018 году Всемирная организация здравоохранения представила 11-ю редакцию Международной классификации болезней (МКБ-11)1.

В эту редакцию, помимо посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), вошло комплексное посттравматическое стрессовое расстройство (КПТСР). Кроме трех групп симптомов ПТСР («повторное переживание», «избегание» и «чувство угрозы»), КПТСР включает три дополнительные группы

признаков: эмоциональная дисрегуляция (emotional dysregulation), негативный образ Я (negative self-concept), нарушения в отношениях (disturbance in relationships). Эти дополнительные симптомы объединяются понятием «нарушения в Я-организации» (disturbances in self-organization) [Maercker].

В последние годы было проведено множество исследований, чтобы выявить связь между переизменением и другими психологическими проблемами. В данной статье представляю результаты моего исследования, в котором была выявлена связь переизменения с нарушением во взаимоотношениях, эмоциональной дисрегуляцией и негативным образом я или нарушением в Я-организации.

Эмпирическое исследование было проведено в марте 2023 года. Выборку составили 30 исследуемых в возрасте от 20 до 50 лет, из них 14 мужчин и 16 женщин. Отметим, что все исследуемые состоят в отношениях либо находятся в браке.

Эксперимент был проведен посредством использования Google-платформы.

Нами были использованы следующие валидизированные и стандартизированные психодиагностические методики:

- Тест отношения к приему пищи EAT-26 (D.M. Garner, 1982), позволяющего выявить поведенческие синдромы расстройства пищевой девиации.

- Для измерения самоуважения и самопринятия использованы: шкала М. Розенберга, а также шкалы на самопринятие из опросника САТ Э. Шострома.

- Тест-опросник удовлетворенности браком (В.В. Столин, Т.Л. Романова, Г.П. Бутенко) для оценки взаимоотношений с партнером.

Тест предназначен для экспресс-диагностики степени удовлетворенности-неудовлетворенности браком. Опросник представляет собой одномерную шкалу, состоящую из 24 утверждений, относящихся к различным сферам: восприятия себя и партнера, мнения, оценки, установки и т.д.

- Методика экспресс-диагностики состояния стресса К. Шрайнера (ДСС, 1993) позволяет выявить особенности переживания стресса: степень самоконтроля и эмоциональной лабильности в стрессовых условиях. Методика предназначена для людей старше 18 лет без ограничений по образовательным, социальным и профессиональным признакам.

Анализ полученных данных по каждой методике осуществлялся отдельно.

Для определения тесноты и направленности взаимосвязи между показателями был использован статистический критерий Спирмена.

Исследование включало в себя ряд этапов.

На подготовительном этапе был осуществлен анализ литературы по проблеме исследования, принималось решение относительно выборки исследования, подбирались методы и методики, осуществлялась мотивационная работа с участниками исследования.

На основном этапе осуществлялась диагностика, на этапе обработки результатов проводили количественный и качественный анализ результатов, на завершающем этапе формулировали выводы и предоставляли результаты исследования исследуемым.

Результаты

Первым этапом был проведен тест EAT-26, который позволил разделить участников исследования на 2 группы — экспериментальную (14 человек) и контрольную (16 человек)

Согласно результатам теста, у 16 (60%) исследуемых вероятность пищевых девиаций не обнаружена и у 14 (40%) исследуемых, возможно, присутствуют пищевые девиации, наличие которых должно быть подтверждено или опровергнуто через ряд клинических анализов и проведение дополнительных наблюдений, в том числе и самонаблюдений, через оценку прибавки или снижения веса.

В данном исследовании я рассматриваю вероятность пищевых девиаций в их взаимосвязи личностными особенностями и спецификой отношений.

Далее будут представлены сравнительные результаты в двух группах: исследуемые с вероятностной пищевой девиацией и исследуемые, у которых согласно методике EAT-26 не были обнаружены вероятности пищевых девиаций. Первая группа — экспериментальная и вторая — контрольная.

В экспериментальной группе низкий уровень самоуважения был выявлен более чем у половины исследуемых (8 человек), средний — 29% (4 человека) и низкий — у 14% (2 человека). В контрольной группе были получены следующие результаты: у 25% (4) исследуемых был выявлен низкий уровень самоуважения, у 43% (7) — средний и у 32% (5) — высокий.

Исследуемые с низким уровнем самоуважения склонны винить во всем плохом себя, видят преимущественно свои недостатки, акцентируют внимание на своих слабостях.

Исследуемые со средним уровнем самоуважения в некоторых случаях могут проявлять уважение к себе, но в определенных ситуациях относятся к себе критически и негативно.

Исследуемые с высоким уровнем самоуважения делают все для того, чтобы уважать себя дальше: самосовершенствуются в личностном и профессиональном плане, стремятся к выстраиванию гармоничных отношений с окружающими людьми.

Далее рассмотрим результаты диагностики уровня самопринятия у исследуемых.

Проведенное исследование показало, что 64% (9) исследуемых экспериментальной группы был выявлен низкий уровень самоуважения, у 22% (3) — средний и у 14% (2) — высокий. В контрольной группе были получены следующие результаты: у 25% (4) — низкий уровень, у 25% (4) — средний и у 50% (8) — высокий.

Исследуемые с высоким уровнем самопринятия принимают как свои достоинства, так и недостатки и слабости.

Результаты диагностики уровня самопринятия у исследуемых показали следующие результаты:

У 64% (9) исследуемых экспериментальной группы был выявлен низкий уровень самоуважения, у 22% (3) — средний и у 14% (2) — высокий. В контрольной группе были получены следующие результаты: у 25% (4) — низкий уровень, у 25% (4) — средний и у 50% (8) — высокий.

Исследуемые с высоким уровнем самопринятия принимают как свои достоинства, так и недостатки и слабости.

Однако, для оценки достоверности различий в показателях нами был использован критерий Стьюдента (таблица 1).

Таблица 1. Результаты оценки достоверности различий в показателях групп

№	Признак	Экспериментальная группа	Контрольная группа	Критерий Стьюдента	p*
1	Самоуважение	11.57±2.12	21.37 ±4.42	9	<0,01
2	Самопринятие	11.35±1.1	17.6±0.8	9.6	<0,01
3	Удовлетворенность отношениями	20.35±4.44	30±3.05	6.3	<0,01
4	Самоконтроль	7.1±3.11	4.8±2.11	5.2	<0,01

Итак, были выявлены достоверные различия в двух группах по всем показателям. В контрольной группе, то есть у исследуемых, у которых не было выявлено высокого уровня возможности пищевых девиаций выше показатели самопринятия, самоуважения, удовлетворенности отношениями и самоконтроля. Следовательно, исследуемые с высоким уровнем веро-

ятности пищевых девиаций в большей степени не уверены в себе. Кроме того, наблюдаются проблемы и во взаимодействии с партнерами, недостаточен уровень саморегуляции.

Далее нами была проведена математико-статистическая обработка данных с целью выявления корреляционных связей между показателями. Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2. Взаимосвязь предрасположенности к пищевым расстройствам и показателей самоуважения, самопринятия, удовлетворенности браком и самоконтролем.

	EAT-26
Самоуважение	-0,813, p≤0,01
Самопринятие	-0,78, p≤0,01
Удовлетворенность браком/отношениями	-0,826 p≤0,01
Самоконтроль	-0,748, p≤0,01

Итак, были выявлены статистически значимые обратные связи между показателями предрасположенностями к пищевым девиациям и самоуважением, самопринятием, удовлетворенностью браком/отношениями и самоконтролем. То есть чем выше вероятность пищевых девиаций, тем ниже уровень самоуважения, самопринятия, удовлетворенности отношениями и самоконтролем.

Таким образом, в нашем исследовании мы выявили связь между переизбытком и нарушением во взаимоотношениях, эмоциональной дисрегуляцией и негативным образом я. Это подтверждает необходимость более глубокого изучения этой проблемы и разработки эффективных методов лечения.

Литература:

1. Падун М., <https://postnauka.ru/faq/155235>
2. Maercker A., Brewin C. R., Bryant R. A., Cloitre M., van Ommeren M., Jones L. M., Humayan A., Kagee A., Llosa A. E., Rousseau C., Somasundaram D. J., Souza R., Suzuki Y., Weissbecker I., Wessely S. C., First M. B., Reed G. M. Diagnosis and classification of disorders specifically associated with stress: proposals for ICD-11 // World Psychiatry. 2013 Vol. 12(3). P. 198–206. DOI: 10.1002/wps.2005.
3. Международная классификация болезней (10-й пересмотр). Классификация психических и поведенческих расстройств: МКБ-10 / УСД-10: Клинич. описания и указания по диагностике / ВОЗ; Пер. на рус. яз. под ред. Ю. Л. Нуллера, С. Ю. Циркина. — СПб.: Оверлайн, 1994. — 303 с
4. Всемирная организация здравоохранения. Психическое здоровье // Информационный бюллетень. Апрель 2016.

Исследование причин суицидального поведения среди подростков

Зорина Юлия Константиновна, студент

Муромский институт (филиал) Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

В статье описывается создание и интерпретация результатов опросника, который был разработан для выявления связи между окружающей средой подростка и риском суицидальных намерений. Опросник включает вопросы, касающиеся семейного окружения, друзей, школы и склонности к суициду у респондента. Авторы статьи подчеркивают важность социальных связей для подростков

и отмечают, что отсутствие поддержки внутри семьи и дружественных связей со сверстниками может увеличить риск самоубийства.

Ключевые слова: подростки, суицид, опросник, семья, окружение, друзья, социальные связи, самоубийство.

Основная цель исследования заключается в отслеживании связи между окружающей обстановкой ребенка и риском суицидальных намерений. Значительную часть в формировании риска самоубийства составляют проблемы, связанные с близким окружением подростков: семьей, друзьями и школой. Именно поэтому первая часть вопросов в опроснике направлена на изучение окружающей действительности ребенка.

Первый блок состоит из вопросов, характеризующих состояние семьи: уровень материального достатка, доверия и взаимопонимания внутри семьи, тех кто занимается воспитанием респондента, наличия вредных привычек у родителей или опекунов. Именно в кругу семьи ребёнок учится правильно реагировать на жизненные трудности, получает ощущение защищенности и понимания. Если внутри семьи нет поддержки, то подростку крайне трудно заменить её и получить где-либо ещё, что является важным суицидогенным фактором.

Другой важный блок потенциальных причин включает в себя ближайшее окружение ребенка: его друзей, одноклассников, учителей и общую атмосферу в коллективе школы. Проверялось наличие друзей в реальной жизни и в сети интернет, токсичность отношений с ними. Отсутствие дружественных связей со сверстниками у подростков, способствует чувству одиночества, что является частой причиной подростковых самоубийств. В подростковом возрасте крайне важен контакт со своими сверстниками, поскольку именно в этом возрасте авторитет родителей отходит на задний план, ребенок учится самостоятельности, выстраиванию социальных связей,

Последний блок вопросов, связанный с окружением, должен рассказать об отношениях внутри школьного коллектива, возможных конфликтах с учителями и одноклассниками. Школа — занимает крайне важное место в жизни подростка, поскольку именно там он проводит большую часть дня и контактирует со сверстниками и авторитетными взрослыми, не связанным с ним родственными узами. Конфликты внутри школы оказывают сильное влияние на психическое состояние подростка.

Вторая часть вопросов посвящена определению склонности к суициду у респондента. Туда включены вопросы направленные на определение чувства счастья, собственной необходимости, ощущения безысходности, даются базовые вопросы на определение депрессивных настроений, углубляются вопросы из первой части. Таким образом, обе части вопросов работают во взаимосвязи между собой. Первая служит для выяснения внешних причин, концентрируясь на количестве и качестве социальных связей подростка, ведь именно в этом возрасте общение играет ключевую роль. Вторая часть вопросов необходима для диагностики депрессивных состояний и риска суицида, углубляя вопросы первой части опроса.

Благодаря этому опросу можно наглядно проследить взаимосвязь между особенностями окружающей социальной среды подростка и риском суицида.

Опрос прошли 199 респондентов возрастом от 14 до 18 лет. Значительная часть опрошенных (92,5%) женского пола. Примечательно добавление в опрос неопределенного пола в качестве дополнительного выбора выявило следующие результаты:

1. Подростков, испытывающих трудности с гендерной самоидентификацией 4% от общей массы опрошенных.

2. Трое из четверых людей, испытывающих трудности с гендерной самоидентификацией, совершали попытки самоубийства, и все они были подвержены селфхарму.

Возможно, это связано с трудностями принятия самого себя, дисфории, непринятием окружающих. Ответы на вопросы касательно окружающей обстановки у респондентов разнятся. Среди этих четверых представлены как люди из малообеспеченных семей, так и из семей с высоким уровнем достатка, количество и качество иных социальных связей так же разнятся.

Возвращаясь к общим результатам опроса, хотелось бы сказать, что нанесением себе вреда занималось более половины респондентов (71,9%). При этом, 40,7% отмечает, что это помогает им справляться с жизненными трудностями, а 31,2% не знают зачем они это делают.

Люди, занимающиеся селфхармом, и в самом деле могут ощущать себя лучше. Это связано с тем, что в период стрессов и депрессии, человек утрачивает контроль над своей жизнью, в подростковом возрасте это особенно выражено, поскольку, именно в этот период дети склонны демонстрировать свою независимость и самостоятельность, но родительский контроль ещё слишком велик для жизни без опеки. Единственная вещь, над которой ребенок ещё может сохранять контроль — это его собственное тело. Аутоагрессия как психологическая защита позволяет снять напряжение, сместить фокус с отсутствия возможности управления жизненной ситуацией: «Это мой выбор — не спать несколько дней. Это мой выбор — не есть весь день. Это мой выбор — сделать себе больно».

Среди всех опрошенных 29,6% признаются в том, что совершали попытки уйти из жизни. Возможные причины разнятся, так же, как и условия внутри семьи, школы, но важно отметить, что каждый из них намеренно причинял себе физический вред, следовательно, выраженная аутоагрессия свидетельствует о предрасположенности к суициду.

У многих респондентов, кто ответил «да» на вопрос «Были ли у вас попытки суицида?», отмечают либо проблемы с доверием родителям, либо полное его отсутствие. Это является тревожным звоночком, поскольку, несмотря на стремление подростков к самостоятельности, весомую роль в жизни ребенка все ещё играют детско-родительские отношения. Крайне важно, чтобы в этот период родитель оставался авторитетом для подростка, во многом взаимное уважение между родителями и подростком зависит не столько от социального статуса

взрослых и их профессиональных достижений, сколько от того, стали ли родители значимой личностью для сына или дочери и возникли ли между ними сотрудничество и доверие.

Другой важной и часто встречающейся проблемой у подростков, совершавших попытки самоубийства, является одиночество.

9. Ваши друзья

199 ответов

Рис 1. Диаграмма ответа на вопрос о количестве друзей

Сравнительно небольшое число людей (8,5%) отмечают, что у них нет друзей совсем, но большее число людей (15,1%) говорит о том, что у них есть друзья исключительно в интернете, что, несомненно, влияет на чувство одиночества у подростков.

Живое общение важный этап социализации, обучения взаимодействию с другими людьми, и многочасовые переписки, даже при качественных отличиях не могут заменить разговоров в реальной жизни.

17. Испытываете ли вы недостаток в общении?

199 ответов

Рис 2. Диаграмма ответов на вопрос «Испытываете ли недостаток в общении?»

Эти цифры не идут в сравнение с ответами на прямой вопрос о чувстве одиночества. Многие респонденты признаются, что чувствуют себя так на постоянной основе или испытывают чувство одиночества приступами, лишь иногда. Поскольку, число людей, отвечающих утвердительно на вопрос о том, что они чувствуют себя одиноко (87%) значительно превышает число людей, говорящих о том, что у них нет друзей или у них есть только интернет-друзья (23,6%), значит, возможные причины чувства одиночества скрыты где-то ещё.

Например, разрыв детско-родительских отношений. Некоторые подростки с высокоразвитым чувством одиночества указывают на то, что не ощущают по отношению к себе интереса со стороны вечно занятых родителей. Это связано с тоской по пониманию, поддержке и защищенности. В этой связи построение адекватных уважительных отношений между по-

взрослевающими детьми и родителями является очень важной частью.

Не редко подростки так же отмечают, что их недостаточно хвалят (49,8%) и окружающие не ценят их вовсе (53,2%), что так же является фактором, который может подтолкнуть подростка к суициду, поскольку в этом возрасте важна оценка от окружающих, важно быть «как все».

Таким образом, анализируя итоги работы можно заметить, что факторами, которые могут склонить подростков к самоубийству могут быть:

1. Сложности в детско-родительских отношениях
2. Чувство одиночества, связанное, как с отсутствием друзей, среди сверстников, так и в целом своих родителей.
3. Отсутствие ощущения собственной ценности в глазах окружающих.

Литература:

1. Алимova М. А. Суицидальное поведение подростков: диагностика, профилактика, коррекция. — Барнаул, 2014. — 100 с.
2. Амбрумова А. Г. Возрастные аспекты суицидального поведения // В сб.: Сравнительно-возрастные исследования в суицидологии. — М., 1989. С. 824.
3. Журлова И. В. Девиантное поведение школьников: диагностика, профилактика, коррекция: пособие для студентов педагогического университета, Мозырь, 2011. — 173 с.
4. Методики диагностики и измерения психических состояний личности/ Автор и составитель А. О. Прохоров. — М., 2004. — 176 с.
5. Попов Ю. В., Пичиков А. А. Особенности суицидального поведения у подростков (обзор литературы) // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева. 2011. № 4. С. 4–8.

Индивидуально-психологические характеристики и копинг-стратегии лиц с химической зависимостью

Карпукhin Виталий Вячеславович, студент магистратуры

Научный руководитель: Лобанова Анна Вячеславовна, кандидат психологических наук, доцент
Московский государственный психолого-педагогический университет

В статье описывается эмпирическое исследование индивидуально-психологических характеристик и копинг-стратегий лиц с химической зависимостью в сравнении с лицами, такой зависимости не имеющими. Определено, что зависимые от наркотиков люди, чаще всего чрезмерно экспрессивны, они всецело подчинены эмоциональным порывам, у них явно прослеживается тревожность, депрессивность, апатия. В большинстве случаев они готовы бросить вызов обществу, преступить закон, нарушить общепринятые правила и нормы не только на подсознательном уровне, не редко и некое разобщение с интересами окружающих.

Ключевые слова: лица с химической зависимостью, индивидуально-психологические характеристики, копинг-стратегии.

Individual psychological characteristics and coping strategies of persons with chemical addiction

Karpukhin Vitaly Vyacheslavovich, student master's degree

Scientific adviser: Lobanova Anna Vyacheslavovna, candidate of psychological sciences, associate professor
Moscow State Psychological and Pedagogical University

The article describes an empirical study of the individual psychological characteristics and coping strategies of individuals with chemical dependence in comparison with individuals who do not have such dependence. It has been determined that people addicted to drugs are most often overly expressive, they are completely subject to emotional impulses, they clearly show anxiety, depression, and apathy. In most cases, they are ready to challenge society, break the law, violate generally accepted rules and norms, not only on a subconscious level, and not infrequently, some kind of disunity with the interests of others.

Keywords: persons with chemical dependence, individual psychological characteristics, coping strategies.

По факту исследований Всемирной Организации Здравоохранения — из 7 млрд человек населения нашей планеты — 210 млн употребляют психоактивные вещества. Другими словами, 3% человечества является химически зависимыми. Те же данные свидетельствуют об «омоложении» возрастного диапазона наркоманов, десять лет назад это 15–17 лет, сегодня 12–17 лет [4].

Каждый год в нашей стране регистрируются новые наркотические средства, которые создают угрозу психическому и физическому здоровью молодых людей, способных к созданию института семьи, деторождению и профессиональному развитию. В психологии не раз предпринята попытка построить «специ-

фический профиль» личности, употребляющей психоактивные вещества [2, 5]. Но исследований по этому поводу недостаточно, а уже имеющиеся бывают крайне противоречивы. Поэтому вопрос особенностей личности лиц с химической зависимостью требует более тщательного изучения, так как практическая значимость состоит в разработке более эффективных методов психокоррекции лиц с наличием химической зависимости. К тому же высокий уровень патологии среди молодых людей подчёркивает актуальность данной проблемы в наше время.

Изучение различных характеристик лиц с химической зависимостью, в современной науке происходит комплексно с кли-

нико-психологических (Сирота Н.А., А.Е. Личко, В.С. Битенский, И.Н. Пятницкая, Б.Д. Карвасарский, Ю.П. Сиволап, М.Л. Аграновский и другие) и социо-психолого-педагогических позиций (Н.А. Сирота, В.М. Ялтонский, И.И. Хажиллина, Н.С. Видерман, В.В. Шаталина, А.А. Реан, Я.Л. Коломинский и другие). Также широко рассматриваются учеными факторы риска приобщения к психоактивным веществам (В.С. Битенский, С.В. Березин, К.С. Лисецкий и другие); проблема предрасположенности к употреблению психоактивных веществ (Б.С. Братусь, И.Н. Пятницкая, А.Е. Личко, В.К. Смирнов и другие). В достаточной степени изучены изменения в эмоциональной, мотивационно-волевой, поведенческой, когнитивной сферах личности наркозависимых, выделены особенности психологической защиты (Н.С. Курек, Ю.В. Валентик, А.С. Кулаков, Б.С. Братусь, Ц.П. Короленко и другие).

В психологии не раз предпринята попытка построить «специфический профиль» личности, употребляющей психоактивные вещества. Но исследований по этому поводу недостаточно, а уже имеющиеся бывают крайне противоречивы [3]. Поэтому вопрос особенностей личности лиц с химической зависимостью требует более тщательного изучения, так как практическая значимость состоит в разработке более эффективных методов психокоррекции лиц с наличием химической зависимости.

Цель нашего исследования заключается в определении индивидуально-психологических характеристик и копинг-стратегий у лиц с химической зависимостью.

В качестве гипотезы исследования выступают предположения, что:

1. лицам с химической зависимостью соответствует большая объектность, безличная каузальная ориентация относительно здоровых респондентов;
2. копинг-стратегии у лиц с химической зависимостью имеют неадаптивный характер.

Задачи исследования:

1. Изучить основные подходы к изучению проблем формирования: химической зависимости; копинг-стратегий у лиц с химической зависимостью; индивидуально-психологических характеристик у лиц с химической зависимостью.
2. Выявить индивидуально-психологические характеристики у лиц с химической зависимостью в сравнении с результатами здоровых респондентов.
3. Выявить особенности копинг-стратегий у лиц с химической зависимостью в сравнении с результатами здоровых респондентов.

В исследовании были использованы психодиагностические методики:

- Многофакторный личностный опросник Р. Кеттелла 16 PF (форма С).
- Опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса.
- Опросник каузальных ориентаций Э. Деси и Р. Райана в адаптации Д.А. Леонтьева, О.Е. Дергачевой, Л.Я. Дорфмана (Дергачева О.Е., 2005).
- Опросник «Уровень развития субъектности личности» (М.А. Щукина, 2004) [1].

Теоретические и методологические основания исследования образуют теория психосоциального развития личности Э. Эриксона; научно-теоретические взгляды на проблему индивидуально-психологических характеристик лиц с химической зависимостью (Т.А. Безенкова, Г.В. Слепухина, О.П. Степанова и др.); научные теории совладающего поведения и копинг-стратегий (I. Janis, R. Lazarus, S. Folkman, E. В. Куфтяк, Т.Л. Крюкова, и др.); научно-теоретические концепции зависимого поведения (Н.А. Сирота, С.А. Шеин, Т.Л. Чугунова, В.М. Ялтонский, Д.А. Автономов и др.).

Исследование проводилось на базе Московского научно-практического центра наркологии и его филиалов, в том числе клинических больниц г. Москва. В исследовании приняли участие молодые люди возрасте от 18 до 37 лет, среди которых есть как здоровые, так и те, кто имеет химическую зависимость. В контрольную группу (здоровые) вошли люди никогда не употреблявшие наркотические вещества — 30 человек (15 мужчин и 15 женщин, средний возраст $24,6 \pm 0,5$ лет). В ходе исследования представители данной группы охарактеризованы как практически здоровые, на основании того, что у них отсутствовали соматические и психические расстройства, они не состояли на учете в диспансерах. Экспериментальную группу составили 30 лиц с химической зависимостью — 15 мужчин и 15 женщин, средний возраст — $24,6 \pm 0,5$ лет.

Полученные данные были обработаны качественно и количественно.

В процессе анализа данных удалось выяснить, что у лиц с химической зависимостью преобладают такие личностные характеристики как эмоциональная нестабильность, экспрессивность, подозрительность, тревожность, радикализм, неконформизм, напряженность.

У лиц с химической зависимостью высокий уровень напряженности выявлен по субшкалам «принятие ответственности», «бегство-избегание»; по субшкалам «конфронтационный копинг», «самоконтроль» уровень близок к высокому. Личность не признает свою роль в возникновении проблемы и не предпринимает попытки ее разрешения; избегает саму проблему и поиск путей ее решения; проявляет агрессивные усилия для изменения ситуации.

У лиц с химической зависимостью на 27% превышают показатель безличной каузальной ориентации по сравнению с данным показателем среди здоровых респондентов. Это свидетельствует о неадаптивности реакций лиц с химической зависимостью, характеризующейся пассивностью по отношению к решаемой задаче, умышленным отказом от веры в собственные силы, занижением собственной значимости, уходом от ответственности.

Лицам с химической зависимостью соответствует наименьшая способность быть субъектом своей жизни, относительно здоровых респондентов. Им присущи подавленное эмоциональное состояние, состояние безнадежности, покорности и недопущения других чувств, переживание злости и возложение вины на себя и других.

В перспективе продолжением данного исследования может быть оценка эффективности проведения коррекционных мероприятий с лицами, страдающих химической зависимостью.

Литература:

1. Брюханов А. В. Преимущественные копинг — стратегии при психических и поведенческих расстройствах в результате употребления психоактивных веществ // Таврический медико-биологический вестник. — 2012. — Том 15. — № 1(57). — С. 42–49.
2. Гордеев А. Ю. Современное состояние, тенденции наркотизма в России и система мер по его противодействию // Вопросы российского и международного права. — 2018. — Том 8. — № 7А. — С. 115–127.
3. Леонова К. М. Копинг-стратегии лиц, страдающих зависимостью от психоактивных веществ, с различным уровнем жизнестойкости // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. — 2017. — № 2. — С. 203–206.
4. Молчанов Н. А. Алкоголизм, наркомании и другие психические и поведенческие расстройства, связанные с употреблением психоактивных веществ. Учебное пособие / Н. А. Молчанов, Л. М. Барденштейн и др. — М.: ГЭОТАР-Медиа, 2022. — 646 с.
5. Степаненко А. С., Исурина Г. Л. Сравнительная клинико-психологическая характеристика наркозависимых и лиц, распространяющих наркотики // Научные исследования выпускников факультета психологии СПбГУ. — 2017. — Том 5. — С. 86–93.

Личностные характеристики матерей, имеющих детей с зависимыми формами поведения

Кецбая Давид Омариевич, студент магистратуры;
Кочетова Юлия Андреевна, кандидат психологических наук, доцент
Московский государственный психолого-педагогический университет

В статье описывается исследование личностных особенностей и системы воспитания у матерей подростков с зависимыми формами поведения и матерей подростков без зависимых форм поведения. В результате исследования получен вывод, что для матерей, воспитывающих детей с зависимыми формами поведения, в отношениях с ребенком характерно неприятие, низкая требовательность, отсутствие близости и сотрудничества, непоследовательность, неудовлетворённость и низкая степень авторитетности.

Ключевые слова: матери, подростки, зависимое поведение, детско-родительские отношения, воспитание.

Features of self-attitude of mother and adolescents with dependent forms of behavior and style of their child-parent relationship

Ketsbaya David Omarievich, student master's degree;
Kochetova Yulia Andreevna, candidate of psychological sciences, associate professor
Moscow State Psychological and Pedagogical University

The article describes the study of personality traits and the system of education in mothers of adolescents with dependent forms of behavior and mothers of adolescents without dependent forms of behavior. As a result of the study, it was concluded that mothers raising children with addictive behaviors are characterized by rejection, low demands, lack of closeness and cooperation, inconsistency, dissatisfaction and a low degree of authority in their relationship with the child.

Keywords: mothers, teenagers, dependent behavior, parent-child relations, upbringing.

Период взросления у современных детей проходит в социальной среде, сложной по своему содержанию и тенденциям социализации. На этом фоне у них повышается возможность появления форм зависимого поведения (наркомания, алкоголизм, токсикомания, игромания и другие).

Как известно, жизнь подростка тесно связана с общением, он проходит все этапы социализации, учится выстраивать отношения со сверстниками, соблюдать общепринятые нормы поведения, находить друзей, взаимодействовать с окружающими на регулярной основе. Далеко не всегда подросток взрослеет в благоприятной обстановке, в связи с этим, довольно часто ребенок с еще не окрепшей психикой становится склонным к раз-

личного рода проявлениями аддиктивного поведения, которое может выражаться в бунтарстве, увлечении алкоголем и наркотиками, агрессии и пр.

Немаловажно также упомянуть о семье подростка, члены которой в том числе являются «заложниками» сложившейся ситуации по причине того, что зависимые формы поведения ребенка распространяются и на их эмоциональное состояние. В научной среде подобная форма взаимодействия именуется созависимостью.

Созависимость, как определение, стало изучаться и активно обсуждаться сравнительно недавно. Существует довольно внушительный перечень толкований вышеупомянутого термина,

в большинстве своем созависимостью именуется тревожное состояние, отрицание своей ценности и значимости, излишняя, болезненная привязанность к зависимому партнеру, родителю, члену семьи, подсознательное желание полностью контролировать любую ситуацию, подавление своих чувств и желаний, чрезмерная опека и забота [3].

Семья, которая воспитывает ребенка с созависимым поведением, всегда испытывает серьезные трудности психологического и эмоционального плана, при этом под негативное влияние попадет каждая ее единица. Стоит отметить, что созависимое поведение далеко не всегда выступает исключительной чертой самого ребенка. Созависимые семьи проживают в обстановке постоянного стресса и напряжения, что в последствие может выражаться и в виде физических нарушений, вызванных психосоматическими заболеваниями. Исходя из перечисленных ранее аспектов, можно сделать вывод о том, что семьи с созависимой формой взаимоотношений не могут самостоятельно справиться с возникшей проблемой и своевременное вмешательство психологов в данном случае крайне необходимо.

Проблемы девиантного, зависимого и созависимого поведения изучались в рамках психологических школ эволюционного подхода (Б. Уайнхолд, Дж. Уайнхолд), транзактного анализа, (Э. Берн, С. Карпман), психоанализа (К. Хорни), системной семейной психологии (М. Боуэн), бихевиоризма (А. Бандура), социологических учений Н. Смелзера, Э. Дюркгейма, Р. Мертона [2, 5].

Авторы, перечисленные выше, склонялись к тому, что в созависимых отношениях у каждого члена семьи постепенно видоизменяются личностные поведенческие особенности, преобладает концентрация на проблемах зависимого, созависимые члены семьи негласно ставят его в «эпицентр» своей жизни, при этом личные интересы, проблемы и чувства отодвигаются на второй план.

Исследование и изучение проблематики созависимости в первую очередь затрагивает интересы общества, по этой причине эксперты и ученые накопили внушительную базу знаний и опыта по данному направлению, однако дискуссии относительно специфических сторон созависимости продолжаются и по сей день, сущность феномена до сих пор до конца не изучена. Психологи и психиатры делают акцент на поиске первопричин обусловленного явления и более глубоком его изучении с упором на исследование и наблюдение за отношениями между матерью и ребенком [4].

Таким образом, актуальным становится изучение личностных особенностей матерей, воспитывающих ребенка с зависимыми формами поведения, с целью повышения качества психологического сопровождения семей с подобными проблемами.

Цель нашего исследования заключается в определении личностных характеристик матерей подростков с зависимыми формами поведения.

В качестве гипотезы исследования выступает предположение о том, что существуют различия в личностных характеристиках матерей подростков с зависимыми формами поведения и без зависимых форм поведения.

Также была выдвинута частная гипотеза: уровень созависимости матерей подростков с зависимыми формами поведения выше, чем у матерей подростков без зависимых форм поведения.

Задачи исследования:

1. Эмпирически выявить акцентуированные черты характера матерей подростков с зависимыми формами поведения и без зависимых форм поведения.
2. Определить особенности самоотношения матерей подростков с зависимыми формами поведения и без зависимых форм поведения.
3. Выявить уровень созависимости и особенности детско-родительского взаимодействия матерей подростков с зависимыми формами поведения и без зависимых форм поведения.
4. Провести сравнительный анализ личностных характеристик, детско-родительского взаимодействия и уровня созависимости матерей подростков с зависимыми формами поведения и без зависимых форм поведения.

В исследовании были использованы психодиагностические методики:

- Методика акцентуации характера и темперамента личности Г. Шмишека, К. Леонгарда.
- Тест-опросник самоотношения В. В. Столина и С. Р. Пантелева.
- Личностный опросник «Мини-мульт» Дж. Кинканнон в адаптации Ф. Б. Березина и М. П. Мирошникова.
- Опросник «Взаимодействие родитель-ребенок» И. М. Марковской.
- Шкала созависимости Б. Уайнхолд в адаптации А. С. Кочарян, Е. В. Фроловой, Н. А. Смахиной [1].

Теоретико-методологические основы исследования.

1. Концепция периодизации психического развития Д. Б. Эльконина.
2. Исследования феномена зависимого поведения (Н. В. Дмитриева, Т. А. Донских, Ц. П. Короленко и др.).
3. Исследования детско-родительских отношений (С. Броди, А. Я. Варга, В. В. Столин, Е. Т. Соколова, Н. Штирман, Д. Бомринд и др.).
4. Исследования особенностей созависимой личности (Н. Г. Артемцева, Е. В. Емельянова, В. Д. Москаленко, М. Битти), в том числе теория драматического треугольника С. Карпмана.

В исследовании принимали участие 70 женщин, 35 из которых имеют детей с алкогольной или наркотической зависимостью, 35 — имеют детей с зависимыми формами поведения. Группа женщин с зависимыми детьми была сформирована на основании нахождения их детей на лечении в реабилитационных центрах.

Большинство женщин имеют средне-специальное образование, работают, состоят в первом браке, имеют одного ребенка. У большинства женщин, имеющих детей с алкогольной или наркозависимостью, пил отец, у 35% пьет муж. Полученные данные были обработаны качественно и количественно.

В процессе анализа данных удалось выяснить, что среди матерей подростков с зависимыми формами поведения преобладает тревожный тип акцентуаций характера. По мнению Г. Шмишека, К. Леонгарда людям данного типа свойственны

низкая контактность, сниженное настроение, наличие страхов, неуверенность в себе.

Матери подростков с зависимыми формами поведения имеют особенности самооотношения — они замкнуты и демонстрируют высокий уровень самообвинения. Также матери подростков с зависимыми формами поведения имеют более высокий уровень самопринятия.

При оценке свойств личности матерей подростков с зависимыми формами поведения были выявлены достоверные различия по шкалам паранойальность и гипомания. Это говорит о том, что матери подростков с зависимыми формами поведения в отличие от матерей подростков без зависимых форм поведения склонны к формированию сверхценных идей, навязыванию своих взглядов, наличию частых конфликтов с окружающими (паранойальность), также они более активны и деятельны, при этом их интересы поверхностны и неустойчивы (гипомания).

Были выявлены различия в детско-родительском взаимодействии: матери подростков без зависимых форм поведения

демонстрируют адекватный уровень требовательности к ребенку;

- матери подростков с зависимыми формами поведения имеют более низкий уровень принятия, эмоциональной близости по отношению к ребенку;

- для матерей подростков с зависимыми формами поведения характерно проявление низкого уровня сотрудничества и согласия с ребенком, непоследовательность родительского воспитания;

- матери подростков с зависимыми формами поведения имеют низкий уровень авторитетности у ребенка и не удовлетворены взаимодействием с ним.

5) Уровень выраженности созависимости в отношениях матерей и подростков с зависимыми формами поведения выше чем у матерей и подростков без зависимых форм поведения.

В перспективе продолжением данного исследования может быть оценка эффективности проведения коррекционных мероприятий с матерями, воспитывающих детей с зависимыми формами поведения.

Литература:

1. Бердичевский А. А., Падун М. А., Гагарина М. А. Апробация модифицированной версии методики «Шкала созависимости Спенн–Фишер» // Клиническая и специальная психология. — 2019. — Том 8. — № 1. — С. 215–234.
2. Бухановский А. О. Зависимое поведение: клиника, динамика, систематика, лечение, профилактика. // Ростов-на-Дону, Бурбо, Л. К. Отношения родитель — ребёнок // Киев: 2002 — Владин, В. Гармония семейных отношений // Петрозаводск: Карелия, 1991. — 333 с.
3. Дичина, Н. Ю. Диагностика выявления проблем в детско-родительских отношениях: метод. пособие / Н. Ю. Дичина. — Ангарагск — Иркутск: УМЦ РСО, 2017. — 104 с.
4. Мазурова Л. В., Стоянова И. Я., Бохан Н. А. Особенности адаптивно-защитного стиля у женщин с семейной созависимостью и алкогольной зависимостью // Сибирский психологический журнал. — 2009. — № 31. — С. 33–36.
5. Смирнова, Е. О. Опыт исследования структуры и динамики родительского отношения [Текст] / Е. О. Смирнова, М. В. Быкова // Вопросы психологии. — 2000 — № 3 — С. 3–14.

Феномен жизнестойкости

Коржикова Ирина Вадимовна, психолог, арт-терапевт
 Центр «Ежедневная психология» (г. Североморск, Мурманская обл.)

Ключевые слова: жизнестойкость, стресс, стратегии поведения, тревога вовлеченность, контроль, принятие риска.

Актуальность изучения жизнестойкости обусловлена тем, что условия сложной и многообразной жизни постоянно побуждают человека искать выход из создавшихся противоречивых ситуаций. Нестабильность социально-экономического, межличностного и нравственного положения человека не может не сказаться на его психологическом состоянии. Человек, предпринимая попытки справиться с теми или иными жизненными трудностями, выбирает определенную стратегию поведения, которая обусловлена характеристиками его личности, ответственными за успешные совладание и адаптацию с жизненными трудностями.

Как психологический феномен понятие жизнестойкости начали рассматривать относительно недавно. «В начале 80-х годов

XX века термин «hardiness», что в переводе с английского языка означает «выносливость», «стойкость», «крепость», вводится в понятийный аппарат психологической науки американскими психологами Сьюзен Кобейса и Сальватором Мадди» [3, с. 54].

Сальватор Мадди отмечает, что жизнестойкость выступает операционализированным понятием более ранних категорий веры.

Сёрена Кьеркегора и мужества (отваги) Пауля Тиллиха. О жизнеспособности упоминает и Эрих Фромм в книге «Искусство любить». Об экзистенциальном мужестве говорит Джеймс Холлис в книге «Грезы об Эдеме: в поисках доброго волшебника». Как мы видим из вышеперечисленного, «мужество, от-

вага, вера, любовь и жизнестойкость представляют собой общий категориальный аппарат экзистенциальной философии и психологии» [8, с. 19].

Данный психологический феномен привлек внимание многих исследователей. Отечественный психолог Д. А. Леонтьев перевел на русский язык понятие «hardiness» как жизнестойкость, что впоследствии придало данному термину особую эмоциональную окраску. «Таким образом, понятие «жизнестойкость» включает в себя эмоционально насыщенное слово «жизнь» и психологически актуальное свойство «стойкость» [2, с. 74].

Рассмотрим понятия «жизнь» и «стойкость» более подробно.

Вопросы, касающиеся отношения к жизни, долгое время рассматривались в рамках религиозных и философских концепций. Эта проблематика стала объектом психологического изучения сравнительно недавно, что определяется глубоко интимным и личностно-индивидуализированным характером этих отношений. Вполне логично и обоснованно, что обсуждение этих вопросов началось в контексте психологического анализа проблем человеческого бытия и смысла жизни.

«В настоящее время в общей психологии активно разрабатывается процессуально-динамический подход к изучению личности. С позиций этого подхода психическая жизнь личности рассматривается как процесс — непрерывный, изменчивый, порожденный постоянным взаимодействием человека с окружающей действительностью» [4, с. 41].

Стойкость включает в себя адаптацию к травмирующему событию и устойчивость в совладании с травмой. Стойкость дает возможность человеку сохранять целостность и равновесие в травматичной ситуации, успешно и эффективно решать задачи развития. К термину «стойкость» близок термин «резилиенс», который активно применялся в работах Джорджа Бонанно и понимался как некая отражательная способность человека, помогающая ему в поддержании здорового уровня физического и психического функционирования. «Рост понимается как человеческая способность использовать травматичное и причиняющее боль событие в качестве источника роста и развития. Человек может учиться придавать осмысленность произошедшей ситуации, стремиться быть полезным, поддерживать других или более полно и ярко ощущать свое существование» [6, с. 218].

Психологическая устойчивость — это качество личности, аспектами которого являются стойкость, сопротивляемость и уравновешенность. Это качество позволяет человеку сопротивляться неблагоприятному давлению обстоятельств, противостоять жизненным трудностям, сохранять работоспособность и здоровье в разных испытаниях. Психологическую устойчивость личности связывают как со способностью сохранять относительно постоянный уровень активности и хорошего настроения, так и с проявлением таких личностных качеств, как отзывчивость, избегание упрощенности в ценностях, стремлениях и целях, наличие разносторонних интересов.

Согласно концепции С. Мадди, жизнестойкость формируется в раннем возрасте, в ее основе лежит опыт детско-родительских отношений. Но также жизнестойкость может развиваться и во взрослом возрасте с помощью заботы о собственном здоровье,

развития необходимых личностных качеств, взаимодействия с другими людьми, в том числе принятия их помощи. Таким образом, жизнестойкость становится ядром мотивации применения эффективных стратегий совладания со стрессом, включения в социальное взаимодействие и заботы о своем здоровье.

Жизнестойкость понимается С. Мадди как «один из способов преодолеть онтологическую тревогу, связанную с обдумыванием или принятием решений в пользу будущего» [7, с. 91].

В своем труде «Открытие бытия» Ролло Р. Мэй говорит об онтологической тревоге следующее: «Тревога, рассматриваемая обычно в ряду множества аффектов, таких как удовольствие или печаль, аффектом не является. Это скорее онтологическая характеристика человека, корнями уходящая в само его существование. Так, например, это не второстепенная угроза, которую можно воспринять или не придавать ей значения; это не реакция, которую можно классифицировать, отделив ее от других подобных реакций; это всегда угроза самим основам, ядру моего бытия. Тревога есть переживание угрозы надвигающегося небытия» [9, с. 102].

Феномен жизнестойкости С. Мадди также раскрывает через процессы обретения смысла и принятия решений: «Чем значительнее масштаб решений, тем сильнее он влияет на личностный смысл. Но и накопление небольших решений также влияет на него в определенной степени. В конечно счете, экзистенциальный смысл решения (будь оно принято в уме или воплощено в действии, будь оно небольшим или значительным) состоит в том, приводит это решение человека к новому опыту или удерживает в пределах знакомой территории» [7, с. 71]. Решения, которые принимает человек, могут вести его по направлению в будущее или удерживать в прошлом. Решения, принимаемые в пользу будущего, основаны на схожем опыте из прошлого, но требуют поиска другого способа действия. Решения, удерживающие человека в прошлом, отличаются тем, что опираются на его предыдущий опыт и характеризуются отсутствием необходимости действовать иным способом.

На основе проведенных исследований С. Мадди и С. Кобейса сделали вывод, что жизнестойкость — личностная характеристика, является общей мерой психического здоровья человека и включает нижеперечисленные компоненты.

1. Вовлеченность (включенность)

Данный компонент жизнестойкости понимается как убежденность человека в том, что вовлеченность в происходящие жизненные события дает максимальный шанс найти в них нечто важное, интересное и стоящее для личности. Человек с развитым компонентом вовлеченности получает удовольствие от собственной деятельности, в процессе которой он чувствует свою ценность и значимость. «Если вы чувствуете уверенность в себе и в том, что мир великодушен, вам присуща вовлеченность» [7, с. 66]. Если же вовлеченность не развита, то это приводит к возникновению у человека чувства отверженности и подавленности. В этой ситуации у личности также появляется убежденность в том, что жизнь проходит мимо ее.

Компонент вовлеченности позволяет человеку максимально включаться в процесс решения жизненных задач, несмотря на наличие стрессовых условий. «Этот компонент также предполагает принятие на себя безусловных обязательств, ве-

дущих к идентификации себя с намерением выполнить действие и с его результатом» [11, с. 11].

2. Контроль

Этот компонент представляет собой убежденность человека в том, что борьба дает возможность повлиять на результат происходящих событий, пусть даже это влияние не абсолютно и успешный исход не гарантирован. Личность с хорошо развитым компонентом контроля чувствует, что сама выбирает свой путь и собственную деятельность. «Для развития этого компонента важна поддержка инициативы человека и его желания выполнять задачи все возрастающей сложности» [1, с. 6]. Компонент контроля позволяет личности воспринимать стрессовое событие не как удар судьбы и влияние неподконтрольных ей сил, а как естественное явление, как результат своих действий или действий других людей.

В противоположность у человека может сформироваться «чувство собственной беспомощности, ощущение, что от собственного выбора ничего не зависит, и что всё решается кем-то другим, но никак не самим человеком» [2, с. 76].

3. Принятие риска

В основе этого компонента жизнестойкости лежит убежденность в том, что все происходящее в жизни человека, способствует его личностному росту и развитию. Человек ценит все знания, извлекаемые из своего опыта, при этом позитивный это опыт, или негативный — роли не играет. В основе принятия риска лежит идея развития через активное усвоение знаний из опыта и последующее их использование. Этот компонент позволяет личности оставаться открытой окружающему миру и принимать происходящие события как вызов и испытание. Опасность воспринимается как сложная задача, знаменующая собой очередной поворот изменчивой жизни, побуждающей человека к непрерывному росту. «Любое событие переживается в качестве стимула для развития собственных возможностей» [11, с. 12].

Если человек относится к жизни как к способу обретения опыта, он готов действовать на свой страх и риск даже при отсутствии надежных гарантий успеха. Личность в развитом компонентом принятия риска считает стремление к безопасности и простому комфорту обедняющим жизнь.

В основе этой составляющей жизнестойкости лежит идея развития через активное усвоение знаний из опыта и последующее их использование в жизни.

У людей с низким показателем принятия риска отсутствует навык должным образом использовать полученный жизненный опыт, чаще всего они предпочитают довольствоваться малым.

Степень выраженности того или иного компонента жизнестойкости оказывает влияние на формирование стратегий совладания со стрессовыми ситуациями и индивидуальный стиль поведения личности.

Рассмотрим способы реагирования человека на стресс при выраженных показателях того или иного компонента жизнестойкости:

- при высоком уровне включенности у человека в трудной жизненной ситуации возрастает потребность во взаимодействии с другими людьми;
- при высоком уровне контроля человек будет стараться оказать влияние на события, а не унывать от чувства беспомощности;
- при высоком уровне готовности к риску человек будет извлекать из своего жизненного опыта (позитивного и негативного) максимум пользы и знаний, не будет бездействовать и ждать от жизни легкости и комфорта.

Обобщая вышеизложенное, можно сделать вывод, что жизнестойкость — интегральная характеристика личности, позволяющая преобразовывать стрессогенные обстоятельства в жизненный опыт, справляться с онтологической тревогой, делать выбор в пользу будущего и тем самым обретать смысл в происходящих в жизни событиях.

Литература:

1. Воронина, М. Ф., Карпова, Е. А. Ресурсные факторы жизнестойкости / М. Ф. Воронина, Е. А. Карпова. — Текст: электронный // Социология и право. — 2013. — № 3 (20). — С. 5–11. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/resursnye-factory-zhiznestoykosti>
2. Евтушенко, Е. А. Жизнестойкость личности как психологический феномен / Е. А. Евтушенко. — Текст: электронный // Личность, семья и общество: вопросы психологии и педагогики — 2016. — № 1 (58). — С. 72–78. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhiznestoykost-lichnosti-kak-psiologicheskij-fenomen>
3. Калашникова, М. Б., Никитина, Е. В. Жизнестойкость как необходимая личностная характеристика современных подростков / М. Б. Калашникова, Е. В. Никитина. — Текст: электронный // Вестник Новгородского государственного университета. — 2017 — № 4(102). — С. 51–55. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhiznestoykost-kak-neobhodimaya-lichnostnaya-harakteristika-sovremennyh-podrostkov>
4. Коваленко С. В. Теоретический анализ подходов к понятию смысла жизни в психологической литературе / С. В. Коваленко. — Текст: электронный // Вестник Нижневартковского государственного университета. — 2010 — № 1. — С. 39–43. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskiy-analiz-podhodov-k-ponyatiyu-smysla-zhizni-v-psiologicheskoy-literature>
5. Леонтьев, Д. А., Рассказова, Е. И. Тест жизнестойкости / Д. А. Леонтьев, Е. И. Рассказова. — Москва: Смысл, 2006. — 63 с. — Текст: непосредственный.
6. Магомед-Эминова О. И. Психологический анализ феномена стойкости О. И. Магомед-Эминова. — Текст: электронный // Историческая и социально-образовательная жизнь. — 2015 — № 3. — С. 218–223. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/psiologicheskij-analiz-fenomena-stoykosti> Maddi S. R. Relevance of Hardiness Assessment and Training to the Military Context. Military Psychology. 2007, pp. 61–70.

7. Митрофанова Е. Н. Два мужества. К концепции жизнестойкости С. Мадди / Е. Н. Митрофанова. — Текст: электронный // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. — 2018 — № 1. — С. 17–26. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/dva-muzhestva-k-kontseptsii-zhiznestroykosti-s-maddi>
8. Мэй, Р. Открытие бытия / Р. Мэй. — Москва: Институт общегуманитарных исследований, 2016. — 192 с. — Текст: непосредственный
9. Фоминова А. Н. Жизнестойкость личности: монография / А. Н. Фоминова. — Москва: Прометей, 2014. — 186 с. — Текст: непосредственный
10. Шамардина М. В., Матерова, Т. А. Формирование жизнестойкости и совладания с трудными жизненными и стрессовыми ситуациями детей и подростков в образовании: учебно-методическое пособие / М. В. Шамардина, Т. А. Матерова. — Бийск: АГГПУ им. В. М. Шукшина, 2016. — 190 с. — Текст: непосредственный.

Факторы, влияющие на уровень стресса у старших подростков, включенных в спортивную деятельность

Московских Арина Евгениевна, студент
Иркутский государственный университет

Данная статья посвящена исследованию факторов, влияющих на уровень стресса у старших подростков, занимающихся спортивной деятельностью. Авторы рассматривают множество факторов, таких как семейное окружение, уровень физической и психологической подготовки, социальные взаимодействия и т.д. По результатам исследования были сделаны выводы о том, что каждый из этих факторов оказывает значительное влияние на уровень стресса у подростков и способствует формированию их личностной сферы. Однако необходимо учитывать и индивидуальные особенности подростка и создавать условия для адаптации к стрессовым ситуациям в рамках занятий спортом. Результаты исследования могут быть использованы в сфере психологической подготовки спортсменов.

Ключевые слова: стресс, старший подростковый возраст, спортивная деятельность, факторы, влияющие на уровень стресса, адаптация к стрессовым ситуациям.

Стресс является нормальной реакцией организма на изменения внешней среды, однако его длительное и частое проявление может привести к серьезным проблемам, как физическим, так и психологическим. Старшие подростки, занимающиеся спортивной деятельностью, являются особой группой людей, которые сталкиваются с большим уровнем стресса, связанного с тренировочным процессом, соревнованиями, высокими ожиданиями окружающих людей.

Цель данной статьи заключается в исследовании факторов, которые влияют на уровень стресса у старших подростков, включенных в спортивную деятельность.

Существует множество ученых, которые занимались изучением факторов, влияющих на уровень стресса у старших подростков, включенных в спортивную деятельность. Среди них можно выделить: Р. Уайнштейна; К. Лежны; Д. Хейнделья; М. Меллони и Ш. Хьюз. Все они внесли значительный вклад в исследование факторов, влияющих на уровень стресса у старших подростков, включенных в спортивную деятельность, и в разработку рекомендаций по управлению стрессом в спорте [1].

Так, Р. Хьюз объяснял факторы, влияющие на уровень стресса как физические, психологические, социальные или эмоциональные события, вызывающие потребность в адаптации к сложившейся ситуации. Такими факторами могут быть переживание травматического опыта, работа под постоянным да-

влением, недостаток социальной поддержки, затруднения в отношениях и т.д. Они могут отличаться для каждого человека в зависимости от переживаемых им ситуаций и личных особенностей [3].

Научный обзор психолого-педагогической литературы позволил определить, что изучение факторов целесообразно начать с изучения самого понятия «стресса». В связи с этим необходимо обратиться к изучению его сущностной характеристики.

В научных трудах Р. Лазаруса и С. Кобба, стресс описывается как процесс, который возникает с оценки события, как угрозы личным ценностям, сопровождающийся набором физиологических и психологических реакций на это событие.

Х. Саппе же напротив, определял стресс как адаптивную реакцию организма на любые внешние или внутренние факторы, которые могут привести к нарушению его равновесия.

На наш взгляд, самое точное определение стрессу дал знаменитый канадский психолог Г. Селье. Он определил стресс как адаптационный ответ организма на любое требование со стороны окружающей среды. Это может быть как физическое, так и эмоциональное воздействие. Также ученый отметил, что стрессовая реакция оказывает положительный эффект только при коротком воздействии, но при продолжительном, приводит к развитию различных заболеваний и нарушений в работе организма [1].

Стресс может проявляться в спорте по-разному, но наиболее распространенными симптомами являются: замедление восстановления после тренировок и соревнований, быстрое истощение энергетических ресурсов, нарушение координации движений, напряжение мышц, снижение способности сосредоточиться во время соревнований, чрезмерная тревога, замедление реакции, нарушение принятия решений [8].

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что стресс — это нарушение равновесия в организме, вызванное воздействием внешних или внутренних факторов. Он может быть как физическим, так и психологическим, и проявляться в различных формах, включая беспокойство, раздражительность, головные боли, усталость и другие.

Продолжительный стресс может оказывать негативное влияние на здоровье старших подростков, включенных в спортивную деятельность, и приводить к ухудшению результатов в спорте [2]. Именно поэтому важно выявить факторы, вызывающие стресс, и на основе этого, искать способы его снижения, для более эффективного выполнения спортивных задач и достижения высоких результатов.

Одними из авторов, выделяющих классификацию факторов, влияющих на уровень стресса у старших подростков, включенных в спортивную деятельность, являются А. Компас, С. Хинден и М. Герхардт. Они выделяют следующие факторы:

1. Факторы, связанные с характеристиками спортивной деятельности (тренировочный режим, социальные взаимоотношения в команде, уровень важности соревнований и т.д.);
2. Факторы, связанные с индивидуальными особенностями спортсмена (возраст, пол, степень самоконтроля и т.д.);
3. Внешние факторы, такие как семейный и социальный контекст (отношения с родителями, учебная успеваемость, финансовые проблемы и т.д.);
4. Факторы, связанные со здоровьем и травмами, которые могут повышать уровень стресса и ухудшать результаты спортсменов;
5. Факторы, связанные с построением целей спортсмена, его мотивацией и эмоциональной регуляцией;
6. Факторы, связанные с управлением стрессом и тренировками, которые помогают спортсменам успешно справляться со стрессом и достигать своих спортивных целей.

Также следует обратить внимание на похожую классификацию, от М. Келлермана и М. Мьюррейла, а именно:

1. Конфликты с тренерами или родителями — часто подростки испытывают стресс, связанный с несогласием с тренером или несправедливыми оценками со стороны родителей;
2. Повреждения и травмы — подростки, занимающиеся спортом, часто сталкиваются с травмами, которые могут негативно повлиять на их психическое состояние;
3. Соревнования и ожидания успеха — высокие ожидания и давление, связанные с соревнованиями, могут быть источником серьезного стресса для подростков;
4. Недостаток времени — дети могут испытывать стресс, связанный с ограниченным количеством времени, которое они могут уделить другим интересам и занятиям;
5. Социальное давление — подростки, занимающиеся спортом, могут испытывать дополнительное давление со сто-

роны своей социальной среды и общества в целом, что может увеличить уровень стресса.

Таким образом, под факторами, влияющими на уровень стресса у старших подростков, включенных в спортивную деятельность, понимается множество внешних и внутренних условий, которые могут оказывать негативное воздействие на психическое состояние спортсменов.

С этой целью, Д. Хейндель, в своих научных исследованиях, разработал рекомендации для старших подростков по управлению стрессом в спорте [4]:

1. Регулярные практики медитации, визуализации и глубокого дыхания для уменьшения тревожности и напряжения;
2. Создание позитивной внутренней ритмичной дисциплины, т.е. ритуалов, которые позволяют спортсмену сосредоточиться и чувствовать себя уверенно;
3. Правильное планирование и подготовка, чтобы максимально снизить уровень страха и неопределенности;
4. Установление реалистичных целей и приоритетов для уменьшения давления и разочарования;
5. Поддержка и коммуникация с тренером и командой для уменьшения чувств одиночества и увеличения чувства поддержки;
6. Регулярный отдых для восстановления физических и эмоциональных сил;
7. Развитие позитивного мышления и умения справляться с неудачами и преградами.

Остановимся подробнее с одним из методов эффективного регулирования эмоционального состояния спортсмена, с визуализацией.

Визуализация — это метод, при котором спортсмен ментально воспроизводит в своем воображении ситуацию спортивного успеха или ситуацию, когда он чувствует себя уверенным и спокойным. Благодаря данной практике, спортсмены учатся правильно справляться со своими мыслями и эмоциями, повышать свою уверенность и концентрацию во время соревнований [6].

Для того чтобы использовать визуализацию, спортсмен должен отыгрывать в своем воображении событие, которое хотел бы увидеть. Например, это может быть гол, забитый издалека или успешный прыжок через препятствие. Учащийся должен заметить все детали, звуки, ароматы и ощущения, должен почувствовать эмоции, которые испытывает в результате достижения цели [9]. Так, спортсмены, используя визуализацию, не только видят, как разворачивается действие, но и чувствуют, что событие происходит мысленным взором.

В качестве вывода из всего вышеизложенного можно сказать, что существует множество факторов, влияющих на уровень стресса у старших подростков, включенных в спортивную деятельность. Одним из главных факторов является давление со стороны окружающих, включая родителей, тренеров, товарищей по команде и даже широкую общественность. Это может проявляться в виде неуместных ожиданий, критики, сравнения с другими спортсменами и прочее. Именно поэтому необходимо уделить внимание психологической подготовке спортсменов, а также организации тренировок и мероприятий, которые избегают повышенного напряжения и предоставляют возможность для релаксации и отдыха.

Литература:

1. Андрианова И. Н., Янчук В. Т. Стрессы и адаптация в спорте. // Физкультура и спорт. — 2009. — № 3. — С. 22–25.
2. Белоусов Ю. Б. Стресс и психические расстройства. — М.: Медицина, 2003. — 328 с.
3. Бурцев Д. С., Литвин Ю. А. Стресс и функциональное состояние человека. // Бюллетень сибирской медицины. — 2011. — Т. 10, № 1. — С. 26–30.
4. Верещагин Н. В. Стрессовые реакции и пути их коррекции. // Здоровье и физическая культура. — 2010. — № 1. — С. 38–41.
5. Гаврилова Е. В., Иванов С. В. Стресс и его влияние на здоровье человека. // Наука и здоровье. — 2012. — Т. 1, № 22. — С. 7–10.
6. Деменев В. А., Деменев М. В. Современные подходы к оценке уровня стресса. // Медицинский журнал. — 2009. — Т. 11, № 5. — С. 27–31.
7. Иванов С. В., Кареев О. Л. Стресс и его последствия для здоровья. // Медицинский альманах. — 2007. — № 2. — С. 98–101.
8. Катаржиева О. Х., Шелестин А. С. Факторы, влияющие на уровень стресса у подростков-спортсменов. // Вопросы практической психологии. — 2011. — Т. 1, № 2. — С. 105–108.
9. Лапина И. В., Мамонтова Е. А. Стресс и его влияние на состояние здоровья подростков. // Молодой ученый. — 2013. — № 3. — С. 24–26.
10. Мелешко В. Е. Стресс и его последствия для организма. // Медицинские новости. — 2008. — № 4. — С. 22–26.
11. Ошерова Е. Б., Козлова М. Н. Стрессы и адаптация в спорте. // Спортивная наука и практика. — 2010. — Вып. 1(20). — С. 14–20.

Развитие произвольного внимания у младших школьников

Субботина Кристина Сергеевна, студент магистратуры
Московский городской педагогический университет

В статье раскрывается актуальная и значимая на сегодняшний день тема развития произвольного внимания у детей младшего школьного возраста. В рамках данной темы, также рассматриваются вопросы: что такое произвольное внимание, какова его структура, виды и особенности развития. Внимание является одним из главных психических процессов, оказывающих существенное влияние на качество обучения. Без внимания невозможно ни одно познавательное действие. Его дефицит или перенапряжение сказывается на эффективности учебно-познавательной деятельности. При этом внимание не является врожденным психическим процессом. Оно формируется в процессе обучения и воспитания, а также в результате развития интеллектуальных и волевых качеств личности.

Ключевые слова: произвольное внимание, младший школьный возраст.

Произвольное внимание — это внимание, возникающее вследствие сознательно поставленной цели и требующее определенных волевых усилий. Оно характеризуется сосредоточенностью на определенном объекте, которое может быть направлено на восприятие, запоминание, мышление и т.д. При этом могут быть задействованы различные компоненты внимания — концентрация, распределение, объем, переключение и др.

Произвольное внимание может быть активным и пассивным. При активном произвольном внимании человек сознательно стремится сосредоточить свое внимание на том или ином объекте. Пассивный произвол является результатом непроизвольного внимания. При активном произвольном внимании человек сознательно ставит перед собой цель и целенаправленно ее достигает. При пассивном произвольном внимании цель сознательно не ставится, но человек может направлять свое внимание на какой-то объект. Внимание становится произвольным, если оно подчинено сознательной цели, т.е. если человек сознательно выбирает объект, на который оно направлено. Произвольно направленное внимание — одна из основных характеристик любой деятельности человека, поскольку оно обеспечивает ее целенаправленность и эффек-

тивность. Если внимание самопроизвольно направлено на что-либо, то это означает, что человек не осознает, на чем он сосредоточивает свое внимание. Поскольку произвольное внимание может быть направлено только на то, что осознано, то непроизвольное внимание неизбежно связано с неосознаваемыми явлениями, а произвольное — с осознаваемыми. Тем не менее не всякое неосознаваемое воспринимается в качестве объекта произвольного внимания.

В частности, внимание младших школьников характеризуется непроизвольным, неустойчивым, кратковременным характером. Первоклассники и отчасти второклассники ещё не умеют длительно сосредоточиваться на работе, особенно если она не интересна и однообразна, их внимание легко отвлекается. Однако у первоклассников уже появляется некоторая устойчивость внимания, которая в течение учебного года постепенно возрастает. Заметно повышается работоспособность детей. Они лучше переносят умственные нагрузки, быстрее переключаются с одного вида деятельности на другой. У них появляется способность к распределению и переключению внимания. Это способствует повышению эффективности учебной работы.

Формирование произвольного внимания у младших школьников происходит в процессе формирования их учебной деятельности.

Три направления развития произвольного внимания младших школьников:

- 1) развитие произвольного наблюдения, когда ученик может наблюдать не только за отдельными предметами, но и за их действиями;
- 2) развитие способности к произвольному вниманию, т.е. способности удерживать в памяти до конца урока материал, который нужно усвоить;
- 3) развитие умения планировать и организовывать свои действия.

В процессе обучения должны быть созданы условия для формирования произвольного внимания. Эти условия должны быть связаны с обучением, с воспитанием и развитием школьника. В связи с этим мы считаем, что в основе формирования произвольного внимания лежит формирование учебной деятельности, а также развитие всех познавательных процессов.

Именно поэтому необходимо организовать учебный процесс так, чтобы обеспечить ребенку возможность переключения с одного вида учебной деятельности (чтение, письмо, изобразительная работа) на другой (например, при выполнении письменных упражнений). Особенно важны условия для переключения внимания в конце учебного дня, когда дети чувствуют усталость. Необходимо организовать обучение в одно и то же время суток, так как в другое время происходит более медленное восстановление работоспособности.

В учебном процессе следует использовать приемы, обеспечивающие переключение с одной деятельности на другую без потери направленности на учебный материал. Так, например, в начальных классах можно использовать задания, требующие выполнения операций по заданному алгоритму, а также за-

дания по воспроизведению образца. При выполнении таких заданий внимание учащихся переключается с выполнения действия на воспроизведение образца, и в этот момент происходит переключение на выполнение учебного действия.

Способность избирательно реагировать на критические характеристики стимула и игнорировать других — является неотъемлемой частью процесса обучения, и необходимо понимать развитие этой способности, чтобы создать адекватную модель обучения и мышления детей. Исследователи изучили, как мозг детей реагирует на различные стимулы, например, лица людей или геометрические фигуры, с помощью функциональной МРТ (fMRI). Они обнаружили, что в возрасте до 10 лет, дети легче реагируют на лица, чем на геометрические формы, но со временем это различие уменьшается. Дети также предпочитали лица, когда они имели опыт общения с людьми, в то время как геометрические образы предпочитались, когда у них не было опыта общения с этими фигурами.

Формирование произвольного внимания у детей является одной из наиболее важных задач в воспитании. Оно представляет собой способность человека сосредоточиваться на каком-либо объекте или действии, сохраняя при этом способность к переключению с одного объекта или действия на другое. Развитие произвольного внимания — это процесс, который происходит в единстве и взаимосвязи с развитием познавательных и психических процессов ребенка: восприятием, памятью, мышлением, речью, воображением, вниманием, волевой регуляцией поведения. Мышление и внимание тесно связаны между собой. Они являются взаимообусловленными, взаимопроникающими сторонами единого процесса познавательной активности человека. Развитие произвольного внимания у детей младшего школьного возраста необходимо для дальнейшего успешного обучения в школе.

Литература:

1. Выготский, Л. С. Развитие высших форм внимания в детском возрасте: хрестоматия по вниманию [Текст]: под ред. А. Н. Леонтьева, А. А. Пузыря, В. Я. Романова / Л. С. Выготский. — М., 1976. — С. 184–219.
2. Гальперин, П. Я. Экспериментальное формирование внимания [Текст] / П. Я. Гальперин, С. Л. Кабыльницкая. — М., 1974.
3. Марцинковская, Т. Д. Диагностика психического развития детей [Текст] / Т. Д. Марцинковская. — М.: Наука, 1997–176с.
4. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии [Текст] / Рубинштейн С. Л. — СПб.: Питер, 2004. — 720 с.

Теоретическое исследование возможности эмоционального развития дошкольников 5–6 лет посредством музыкально-двигательных заданий на образное взаимодействие

Тарасова Валентина Владимировна, студент магистратуры
Московский государственный психолого-педагогический университет

В статье рассматривается теоретическое и исследовательское изучение возможности эмоционального развития детей 5–6 лет на занятиях (в детском саду) посредством музыкально-двигательных заданий на образное взаимодействие; приводятся результаты констатации с принципом построения занятий.

Ключевые слова: музыкально-двигательные задания, эмоциональное развитие, чувства, музыкально-двигательное взаимодействие, образное взаимодействие.

Дети, посещающие детский сад, окружены непрерывным образовательным процессом, который насыщен досугами, развлечениями, а также непосредственной образовательной деятельностью, которая не всегда приносит детям радость. Безразличие к окружающим событиям автоматизируется до такой степени, что проявляются в безрадостном и безразличном настроении, которое Л. Выготский называл «засушение» сердца, полное отсутствие чувства» [2]. А ведь: «Подлинные чувства — высшие социальные эмоции — при определённых условиях формируются уже в пятилетнем возрасте и составляют основу личностных убеждений и поведенческих установок» [10, с. 9].

Эмоции — не просто набор меняющихся реакций организма, а то, благодаря чему организм помогает человеку приспособиться к быстро меняющейся окружающей среде. Эмоции являются ответной реакцией на любой раздражитель, — так, понимая себя и управляя своими эмоциями, человек может адекватно реагировать на все происходящее вокруг него.

Проведенный теоретический и исследовательский анализ ориентировался на рассмотрение музыкально-двигательных видов деятельности, как средство эмоционального развития дошкольников 5–6 лет.

Взаимодействие — рассматривается в качестве процесса воздействия субъектов (объектов) друг на друга. Определённая система (взаимных) действий одного человека по отношению к другому, с целью повлиять на него. Такой процесс порождает взаимообусловленность, взаимосвязь и включает различные формы общения и деятельности, осуществляемой совместно, процессы обмена (эмоциями, информацией, энергией), прямых и обратных воздействий.

В культурном развитии ребенка процесс взаимодействия первоначально возникает со взрослым, и существует не в индивидуальном сознании ребенка, а между ребенком и взрослым, в пространстве их взаимоотношений, поэтому имеет интерпсихическую форму. Впоследствии переходит во внутренний мир ребенка, интериорируется, т.е. становится его индивидуальным достоянием, приобретает интрапсихическую форму. Закон перехода от интер- к интрапсихическим процессам имеет фундаментальное значение для детской психологии. Положение Л.С. Выготского: «Всякая функция в культурном развитии ребенка выходит на сцену дважды, в двух планах, сперва — социальном, потом — психологическом, сперва между людьми, как категория интерпсихическая, затем внутри ребенка, как категория интрапсихическая» [3].

Образное взаимодействие — выразительное воплощение (средствами языка движений) процесса общения разнохарактерных персонажей, обусловленного особенностями их характеров и контекстом сюжетной (воображаемой) ситуации.

В начале XX в. появляются педагогические системы музыкального воспитания, составной частью которых стала музыкально-двигательная деятельность (Ж.-Далькроз, К. Орф), создавались школы (Институт музыки и ритма в Геллерау; школа музыки и танца Гунтершуле), благодаря которым эти идеи

широко распространялись и порождали новые направления (выразительный танец, созданный Р. Лабаном и М. Вигман) и новые общественные движения — стремления молодежи развивать своё тело, заниматься гимнастикой и танцами.

Издавались произведения о музыкально-педагогических системах («Шульверк» К. Орфа, «Ритм» Э. Ж.-Далькроза). Так, в системе К. Орфа сочетаются в едином процессе звучание голоса, игра на музыкальных инструментах и движение, возникшее из естественной потребности проявить себя [8].

Ритмическая гимнастика Ж. Далькроза сочетает в себе развитие музыкально-ритмического чувства с идеей нравственного совершенствования и «освобождения духа» через мышечно-двигательное переживание музыки [5]. Далькроз считавший, что ритм формирует тело и дух человека, избавляет от физических и психологических комплексов, помогает осознать свои силы и обрести радость жизни через творчество [6].

В связи с этим вызывают интерес психолого-педагогические исследования (труды) о взаимосвязи эмоций, движений и музыки, о развитии эмоциональной сферы (ребенка) через музыкальное движение.

С.Л. Рубинштейн отмечал: «Для того, чтобы подход к выразительному движению от действия, от поведения был плодотворен, необходимо, чтобы в самом действии раскрывалось внутреннее содержание действующего лица... Выразительным может быть не только движение, но и действие, не только его намечающееся начало, но и дальнейшее течение» [11, с. 568].

Взаимодействие эмоциональных и когнитивных процессов исследовали С.Л. Рубинштейн и А.А. Леонтьев, которые отмечали важность эмоций в исследовательском процессе и их влияние на результативность научной деятельности.

С.Л. Рубинштейн, критикуя разные психологические теории выразительных движений, сформулировал положение, отражающее собственное понимание их природы «от эмоции — к выразительному движению». То есть существует не односторонняя, а диалектическая связь между эмоциями и внешними телесными проявлениями: «выразительное движение (или действие) и переживание взаимопроникают друг в друга, образуя подлинное единство... Выразительное движение, в котором внутреннее содержание раскрывается вовне — это не внешний лишь спутник или сопровождение, а компонент эмоций» [7].

Л.С. Выготский указывал на то, что эмоции развиваются и каждая эмоция классифицируется не иначе, как с точки зрения её развития [12, с. 280]. Он выдвигает принцип активного участия эмоций в общем развитии сознания [12, с. 213]. Важную роль в развитии эмоциональной сферы человека играет деятельность. Деятельность может оказывать влияние опосредованно (в деятельности развивается мышление, вызывающее изменения в аффективной сфере) и непосредственно — в определенных видах деятельности, связанных с эмоциями, как это происходит, например, в игре. Развитие аффективной сферы подчиняется той же логике, что и развитие других психических функций. Овладение своими чувствами, есть умение

владеть их внешними проявлениями. «Поэтому чувство по-беждается только через овладение его двигательным выражением» [2]. Например, выпрямить спину и победить трусость, а не сгибаться и трястись при виде мышей.

В.М. Бехтерев в своих работах по развитию музыкального слуха у детей отмечал, что **музыка** играет значительно большую роль в развитии в отличие от живописи, так как начиная с раннего возраста, **способна возбуждать эстетическую эмоцию**. В.М. Бехтерев, убежден, что от детально разработанного вопроса о музыкальном воспитании с раннего детского возраста в значительной мере зависит эстетическое, а следовательно, и нравственное развитие человеческой личности [1].

Каждый вид искусства можно представить как способ обратной связи, при помощи которой человек передаёт вовне окружающим своё эмоциональное состояние. Если такой обратной связи нет, то невыраженное чувство, «застревает» в теле в виде мышечного напряжения, вызывая деформацию осанки. Человек становится рабом своего невыраженного и неосознаваемого чувства, под воздействием которого совершает неконтролируемые действия и поступки, порой идущие вразрез с нормами социального поведения. А выражая свои чувства и переживания вовне, в окружающий социум при помощи образов искусства, человек справляется со своими переживаниями, осознаёт их.

Видный психолог Б.М. Теплов писал: «В наиболее прямом и непосредственном содержании музыки являются чувства, эмоции, настроения». Благодаря тому, что музыка представляет собой временный вид искусства, она передает смену настроений, переживаний, динамику эмоционально-психологических состояний.

«Большое значение в эмоциональном развитии ребенка принадлежит музыке. Б.М. Теплов подчеркивал, что музыка — это, прежде всего, путь к познанию огромного и содержательнейшего мира человеческих чувств. Лишенная своего эмоционального содержания музыка перестает быть искусством» [9]. С этих позиций **большое значение в развитии ребенка имеет эмоциональная отзывчивость на музыку**.

В музыкально-двигательной работе движение является средством выражения музыки. Движение, связанное с музыкой, всегда сопровождается эмоциональным подъёмом, поэтому оно благотворно влияет и на физическое развитие детей [13, с. 5]. Поэтому с психологической точки зрения, очень важно какое музыкальное произведение звучит для детского движения. Оно должно соответствовать слуху ребёнка, служить его сосредоточением, доступно уровню его развития. Так как то, что превосходит силы ребёнка, — сразу сказывается невозможностью привлечь и удержать его сосредоточенность.

Известно, как колыбельная привлекает ребёнка, действуя на его психику успокоительно. В.М. Бехтерев приводит пример, как 3-летний капризный шаловливый ребёнок, при нежных звуках дуэта из «Пиковой дамы» — успокаивался и забывал о своих капризах.

Известен факт, что отношение детей к музыкальным произведениям, с возрастом резко меняется. Так, В.М. Бехтерев отмечает, что бравурная музыка в раннем детском возрасте не переносится, вызывая у ребёнка слёзы, а со временем оживляет ребёнка, возбуждая радостную эмоцию, как и оживляет детей мирная музыка танцев.

Слух для ребёнка важнее зрения, ибо лишенный слуха ребёнок, из-за глухоты, резко отстаёт в своем развитии, что не наблюдается со слепыми. Известно, что дети рано начинают воспроизводить мотивы и даже умственно отстающие дети могут быть отличными музыкантами.

К настоящему моменту не проводилось исследований, в которых бы экспериментально проверялась возможность эмоционального развития дошкольников посредством музыкально-двигательных заданий на образное взаимодействие. Программы, где использовались музыкально-двигательные задания, упражнения, преследовали другие цели: развитие музыкальности, творчества, продуктивного воображения. Так, в методике Е.В. Горшковой, согласно возрастным особенностям детей, предлагаются упражнения на образное взаимодействие (описаны в книге «Развитие выразительных движений у дошкольников»), некоторые из них рекомендуются исполнять с музыкой. Но системы подобных музыкально-двигательных заданий нет. В методе «Музыкальное движение» (С.Д. Руднева и др.) есть музыкально-двигательные задания, но они исполняются индивидуально, без образного взаимодействия с партнером-сверстником. Некоторые способы взаимодействия в танце осваиваются в круговых (или иных) построениях, но в них нет образов персонажей. В музыкально-двигательных играх (Н.А. Ветлугина и др.) есть персонажи и музыка, но они чаще всего исполняются с песенными текстами, и выразительные движения в них выступают как иллюстрирующие (вспомогательные) средства передачи образного содержания — даже не столько эмоций, сколько действий и характерной пластики персонажей (причем в очень обедненном спектре).

Е. Горшкова в своей работе отмечает, — развитие выразительных движений у детей-дошкольников — важнейшей составляющей их общего психического развития. Осваивая язык выразительных движений, многообразный репертуар невербальных средств — мимики, пластики, жестов, ребенок учится общаться; учится управлять своими действиями и эмоциями; обретает уверенность в себе; у него развивается способность к творчеству (в театрализациях, танцах и др. видах деятельности). Все это помогает ему эффективно проявлять свои возможности в культурном пространстве человеческих отношений [4]

Выразительные движения в общении с окружающими чаще используются бессознательно, телесные проявление — это компонент эмоций, в силу чего существует психофизическое единство внешних телесных проявлений и внутренних переживаний. Не только внутреннее переживание, эмоция, проявляется в выразительных движениях, становится их источником, но и выразительные движения, произвольно воспроизведённые в определённом «рисунке», инициируют соответствующее переживание. Вот почему возможно перестраивать своё текущее настроение — путем изменения позы, жестов.

Таким образом, музыкально-двигательные задания на образное взаимодействие:

- побуждают к действиям;
- регулируют поведение, эмоции;
- способствуют психологическому раскрепощению через выразительные движения и пониманию партнера при взаимодействии с ним (ориентировочная часть на понимание чувств партнера).

Литература:

1. Бехтерев В. М. Значение музыки в эстетическом воспитании ребенка с первых дней его детства / [Соч.] Акад. В. М. Бехтерева; Психоневрол. ин-т. — Москва: типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°. 1916. — 13 с.; 22.
2. Выготский Л. Педагогическая психология. Под редакцией В. Давыдова. — М.: АСТ Астрель Хранитель, 2008 — с. 671
3. Выготский Л. С. Собр. соч. Т. 4
4. Горшкова Е. В. Развитие выразительных движений у дошкольников. Учебное пособие. 2018. — 366 с.
5. Жак-Далькроз Э. и его метод (система) музыкального воспитания / Сост. Н. Л. Вашкевич. Тверь: «Правка», 2012. — 32 с.
6. Жак-Далькроз Э. Ритм. М.: Классика XXI века. 2021. — 248 с.
7. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2019. — 713с.
8. Система детского музыкального воспитания Карла Орфа. Под редакцией Л. А. Баренбойма. — Ленинград: «Музыка», 1970. — 160 с.
9. Теплов Б. М. О музыкальном переживании // К 35-летию научной деятельности Д. Н. Узнадзе. Тбилиси, 1945. С. 427–447.
10. Орехова О. А. Цветовая диагностика эмоций ребёнка. — СПб: «Речь». 2002.
11. Рубинштейн С. Л. Выразительные движения. 1998.
12. Выготский Л. С. Собр. соч.: В 6 т. — М.: Педагогика. 1984. — Т. 6.
13. Музыкально-двигательные упражнения в детском саду: сост. Е. П. Раевская и др. — М.: Просвещение, 1991.

Связь эмоционального интеллекта и коммуникативной компетентности у старших подростков

Топаллер Юлия Борисовна, студент магистратуры;

Кочетова Юлия Андреевна, кандидат психологических наук, доцент

Московский государственный психолого-педагогический университет

Изучение эмоционального интеллекта и его связи с коммуникативной компетентностью является значимым и востребованным направлением в психологической науке.

Эмоционально-личностная сфера — сложный феномен психической жизни старших школьников. Крайне важно выявить связь между компонентами эмоционального интеллекта и уровнем развития коммуникативной компетентности у старших подростков.

Эмоциональный интеллект — это способность понимать отношения личности, репрезентируемые в эмоциях и управлять эмоциональной сферой на основе принятия решений (Н. Холл). [4]

Предметом данного исследования выступает связь эмоционального интеллекта и коммуникативной компетентности в старшем подростковом возрасте.

Гипотеза предполагает существование связи эмоционального интеллекта и уровня развития коммуникативной компетентности у старших подростков.

Данная исследовательская работа посвящена изучению эмоционального интеллекта, коммуникативной компетентности у старших подростков.

Для исследования эмоционального интеллекта была выбрана диагностическая методика: тест эмоционального интеллекта Д. В. Люсина (Эм Ин) — психодиагностическая методика, основанная на самоотчёте, предназначенная для измерения эмоционального интеллекта (EQ) в соответствии с теоретическими представлениями автора.

Вторая выбранная методика исследования — «Тест коммуникативных умений» Л. Михельсона, перевод и адаптация

Ю. З. Гильбуха, в ней максимально представлен когнитивный компонент коммуникативной компетентности.

Под когнитивным компонентом понимается уровень ориентации в ситуациях вербального и невербального общения, способность осознания и понимания коммуникативной ситуации, способность субъекта коммуникации к рефлексии, а также понимание намерений, чувств, эмоций партнера по коммуникации с помощью наблюдения за вербальными и невербальными проявлениями.

Согласно представлениям автора методики, компетентность в общении характеризуется позицией «на равных», без давления сверху и без зависимости.

В тесте определяется количество компетентных реакций (зависимая, пассивная, компетентная, «на равных», уверенная, агрессивная, оказывающая давление).

Вопросы разделяются на 5 типов коммуникативных ситуаций с целью определения тенденций в общении.

Ситуации, в которых требуется реакция на положительные высказывания партнера, ситуации, в которых подросток (старшеклассник) должен реагировать на отрицательные высказывания, ситуации, в которых к подростку обращаются с просьбой, ситуации беседы, ситуации, в которых требуется проявление эмпатии (понимание чувств и состояний другого человека).

Выводы

Развитие эмоционального интеллекта может помочь улучшить коммуникативные способности человека, способствует

повышению уровня развития коммуникативной компетентности у старших подростков. Низкий уровень эмоционального интеллекта может приводить к проблемам в общении, так как старшие школьники не могут эффективно управлять своими эмоциями и не понимают эмоции других людей.

От умения ясно говорить о своих эмоциях частично зависит способность выражать эмоции вербально. В такой связи распознавание эмоций является неотъемлемым качеством успешной коммуникации.

Можно отметить, что чем выше будет уровень эмоционального интеллекта, тем лучше будет проявляться способность понимания собственных эмоций и эмоций других людей, а также тем выше будет способность управлять эмоциями. Сложности в вербализации своих чувств и эмоций могут негативно отразиться на попытках выстроить дружеские отношения с людьми. [3]

В настоящее время проблема связи, влияния и взаимодействия разума и чувств, рационального и эмоционального все больше вызывает к себе интерес.

Исследования взаимосвязей эмоционального интеллекта и уровня развития коммуникативных компетенций очень важны, так как позволят выявлять и прогнозировать риски в поведении подростков.

Литература:

1. Андреева, И. Н. Об истории развития понятия «эмоциональный интеллект» / И. Н. Андреева. — Текст: непосредственный // Вопросы психологии. — 2008. — № 5. — С. 83–95.
2. Дегтярёв А. В. «Эмоциональный интеллект»: становление понятия в психологии [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2012. Том 4. № 2. URL: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n2/53525.shtml
3. Каргинова Е. М. Особенности эмоционального интеллекта у современной молодежи. — Екатеринбург, 2017–75с.
4. Кочетова Ю. А. Эмоциональный интеллект старших подростков: монография. — Москва: МГППУ, 2021. — 104 с. — URL: <https://psychlib.ru/inc/absid.php?absid=412174>.
5. Куницына В. Н., Казаринова Н. В., Погорыша В. М. Межличностное общение. СПб., 2001

К вопросу об исследовательской активности субъекта с позиции патопсихологии

Ходченко Иван Александрович, студент
Уральский государственный медицинский университет (г. Екатеринбург)

Актуальность исследования вопроса как знака мышления определена необходимостью в развитии Отечественных положений патопсихологии и, в частности, в совершенствовании подхода к качественному описанию нормотипичного развития мышления. Новизна исследования заключается в рассмотрении вопроса как знака мышления, в развитии психологического понимания информации, новейших частных экспериментальных психологических исследованиях. Особенную практическую значимость исследовательской работы составляет оригинальный подход к исследованию, перспективные выводы.

Ключевые слова: знак мышления, исследовательская активность, вопрос как знак мышления, мышление, патопсихология, вопросные формы мышления.

Актуальность исследования. Экспериментальные исследования в сфере психологического знания преимущественно реализуются по нейро-направлениям, что является, по сущности проводимых работ, психофизиологическим анализом, а не истинно психологическим (ср. знач. психологический и психофизиологический). Подлинные психологические экс-

На основе полученных данных возможна разработка стратегий, тренингов, направленных на развитие навыков конструктивного взаимодействия и повышения уровня развития коммуникативной компетентности.

Мы можем отметить, что эмоциональный интеллект — это психическое свойство, которое формируется в ходе онтогенеза человека под влиянием факторов, обуславливающих уровень и специфические индивидуальные особенности [5].

Можно выделить группы таких факторов:

- когнитивные способности (скорость и точность переработки эмоциональной информации);
- представления об эмоциях (как о ценностях, как о важном источнике информации);
- особенности эмоциональности (эмоциональная устойчивость, эмоциональная чувствительность и т.д.).

Достоверность результатов и выводов обоснована методологической точностью теоретических положений; комплексным подходом к решению поставленных задач; адекватным применением комплекса методик, соответствующих предмету, цели и гипотезе исследования; а также достаточностью выборки для обеспечения достоверных результатов; единством общенаучных и конкретно-научных методов исследования.

периментальные исследования в современной науке не проводятся — из существующих ученых трудов экспериментальные исследования представляют серию исключительно классических диагностических проб, а не принципиально новую экспериментальную мысль. Проблема исследования: невозможно усмотреть методологическую солидарность научного сообще-

ства при решении фундаментальных вопросов психологии: при существующих развернутых литературных обзорах за авторами сохраняется субъективное представление, а развитие научной мысли той или иной школы психологического знания не прослеживается. В настоящем исследовании решается проблема интрапсихической поисковой деятельности и ее внешним (интерпсихическим, диагностически ценным) означением.

Новизна исследования и его Научная значимость. Впервые «*вопрос*» рассматривается как знак мышления, как диагностический материал для патопсихологического исследования: когда анализируется вопросно-мыслительная деятельность субъекта как на вербальном, так и невербальном уровне. Вопрос понимается в общем, а не частном-лингвистическом смысле, в общем — реализация мышления в поисковой деятельности; или *вопрос как промежуточная форма мышления, преимущественно основанная на операции аналогии (не исключая остальные [анализ, синтез, сравнение, обобщение, классификацию и название]) и служащая для образования новых понятий, для раскрытия закономерностей объективной действительности.*

Описание объекта исследования: восприятие как процесс мышления. Настоящее исследование рассматривает в рамках культурно-исторического подхода вопрос об информации как о специфическом психическом образовании, доступном диагностике через анализ вопросных форм мышления и коррекции. **Описание предмета исследования:** детерминирующие инертность мышления факторы физиологического происхождения в структуре исследовательской / познавательной активности субъекта.

Гипотеза исследования. Исследовательская активность субъекта определяется его общественной средой: в ходе совместного решения социальных задач «общий план выполнения» переносится на «когнитивный стиль».

Методология исследования. Избраны следующие идеи: культурно-историческая теория Л. С. Выготского, понятие о когнитивных стилях М. А. Холодной, генетической психологии Д. Б. Эльконина, эволюционная теория Ч. Дарвина, понятие о евгенике Т. И. Юдина, философские воззрения на психологию Л. Я. Аверьянова.

Материалы и методы исследования. Основными методами являлись наблюдение и экспериментальное (опытно-поисковое) исследование, беседа. В качестве стимульного материала были использованы игры Никитиных.

В исследовательской программе приняли участие обучающиеся Муниципального автономного общеобразовательного учреждения Средней общеобразовательной школы № X г. Екатеринбург. Согласно ст. 13 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 6 марта 2019 г.) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», законные представители ребенка и сам ребенок в праве не сообщать о состоянии здоровья ребенка, что ограничивало возможности психолого-коррекционной программы, т.к. в работе с детьми, имеющими ОВЗ, необходимо ориентироваться на результаты медицинского освидетельствования. Помимо того, что у ребенка ОВЗ (при наличии), психологу ничего более не было известно, за исключением сведений «со слов логопеда-дефек-

толога и/или учителей». — Таким образом, психологическая работа осуществлялась фактически «вслепую»: вместе с коррекционно-развивающим направлением было необходимо осуществлять параллельно диагностику психического статуса для каждого ребенка, проводить экспериментальные исследования в рамках основных занятий.

Оставляем за собой право опустить количественные наблюдения — опишем качественные, т.к. исследовательская выборка не превышала 20 человек и была крайне разнородной.

Опираясь на методологию Л. С. Выготского: «Психика слепого возникает не первично из самого физического дефекта, но вторично из тех социальных последствий, которые вызываются физическим дефектом» [1, с. 52]; «Всякий дефект не ограничивается изолированным выпадением функции, но влечет за собой радикальную перестройку всей личности и вызывает к жизни новые психические силы, дает им новое направление» [1, с. 43], — а также собственные исследования [2, 3, 4], выделяем следующие причины, препятствующие исследовательской активности субъекта:

- или потому, что а.1. у субъекта нарушен физиологический механизм на уровне ствола головного мозга, спинного мозга и/или периферической нервной системы, которые, в частности, обеспечивают тонус коры больших полушарий головного мозга, — отсутствие общей волевой психической активности субъекта на фоне неадекватного возбужденного состояния или тотальной психомоторной слабости;

- или потому, что а.2. у субъекта нарушен корковый физиологический механизм, на субстрате которого строится психическая функция, обеспечивающая работу с той или иной (отдельной) информацией, — и, как следствие, субъект «слеп» на восприятие и воспроизведение соответствующих «стимулов»;

- или потому, что б. при сохранном физиологическом субстрате расстроена собственно психическая функция, обеспечивающая обработку (отдельной) информации, — что проявляется в функциональной дезорганизации системы нервных центров, а конкретно: утрачивается волевой компонент всякой или отдельной психической функции, ассоциирование несвободно и возможно исключительно по признакам, «вычурным» для субъекта;

- или потому, что в. при «перинатальных и ранних детских повреждающих обстоятельствах» в нервной системе возникает патология, препятствующая типично-адаптивной реакции НС и ее соответствующей организации, что проявляется в раннем детстве уже на общесоматическом состоянии (реакция на болезнь), а по мере взросления — особенностями протекания психических процессов с «ядерными комплексами расстройства»;

- или потому, что г. при сохранном физиологическом субстрате и психических функциях субъект существует г.1. в «минимально реагирующей среде» и / или г.2. в избыточно гомогенной-стационарной среде, которая является таковой объективно («педагогическая запущенность», см. п. г) или субъективно (причины а., б. и в.), — восприятие и мышление субъекта лишаются собственной динамики на фоне бедной стимулами и конфликтами среды (такую среду целесообразно обозначить как «адинамичную»);

– или потому, что д. для деятельности субъекта существуют искусственные, управляемые д.1. ограничения в доступе к информации или д.2. социальные идеи «массового характера», препятствующие в свободной интерпретации наблюдаемых явлений, — у субъекта не возникает мотивации к познанию при ‘соответствующих условиях’.

Заключение. Вопрос рождается там, где имеет место общее движение жизни, где активность представляет нормальные, а не вынужденные условия; особое значение имеет общественное сопровождение, вне которого мысли просто не рождаются, не развиваются и не существуют. Вопрос не может быть сформулирован вне понятийного — требующего вычленения закономерностей — мышления; другими словами, на основе одной лишь памяти (конкретного мышления, инертного мышления) подлинный вопрос не развивается. Внутренняя активность субъекта, которая представлена непрерывными фи-

зиологическими процессами, «перетекает» через деятельность в активность внешнюю — субъект возмущает среду, которая возмущает субъекта и так далее. И этот процесс (*представляется что*) непрерывный. Более того, «возмущив среду» субъект влияет не только на себя, но и на других, что и представляет ядро деятельности, культуры. В этом контексте необходимо говорить об информации и упоминать сложный культурно-исторический процесс: только в живой природе существует информация, которая тем или иным образом представлена знаками, доступными к использованию при чувствительности к ним. У человека особая чувствительность к «знакам» порождается знанием. Отсюда становится очевидной причина магического мышления и примитивности — дефицит / искажение первичной информации, информации, с которой столкнулся человек впервые (паттерн работы высших ассоциативных полей).

Литература:

1. Выготский, Л.С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 5. Основы дефектологии/Под ред. Т.А. Власовой.— М.: Педагогика, 1983.—368 с—(Акад. пед. наук СССР)
2. Набойченко, Е.С. Возможности спортивной психологии в профилактике приобретенного продолжительного потребления никотина среди молодежи / Е.С. Набойченко, И.А. Ходченко // Системная интеграция в здравоохранении.— 2021.— № 2(51).— С. 27–55.— EDN HASVSL.
3. Цветков, А.И. Медико-психологическая помощь пациентам паллиативного профиля и их родственникам / А.И. Цветков, Е.С. Набойченко, И.А. Ходченко // Системная интеграция в здравоохранении.— 2021.— № 2(51).— С. 5–21.— EDN QIUBRR.
4. Набойченко, Е. с. К вопросу о студенческой активности в период дистанционного обучения / Е.С. Набойченко, И.А. Ходченко // Системная интеграция в здравоохранении.— 2022.— № 1(54).— С. 14–21.— EDN GUOBFQ.

Специфика психологической защиты и способов совладающего поведения лиц зрелого возраста, зависимых от психоактивных веществ

Черская Анастасия Константиновна, студент магистратуры;
Кочетова Юлия Андреевна, кандидат психологических наук, доцент
Московский государственный психолого-педагогический университет

В статье автор анализирует специфику механизмов психологической защиты, а также способов совладающего поведения, характерных для лиц зрелого возраста, зависимых от психоактивных веществ.

Ключевые слова: механизмы психологической защиты, зрелый возраст, способы совладающего поведения, зависимость, зависимость от психоактивных веществ.

Актуальность проблемы изучения механизмов психологической защиты обусловлена тем, что адекватные механизмы психологической защиты способствуют уменьшению опасности, возможности развития процесса наркотизации, благодаря наличию адекватных механизмов психологической защиты увеличиваются шансы личности на выздоровление от зависимости от психоактивных веществ [1].

Важно, что адекватные механизмы психологической защиты способствуют уменьшению опасности, возможности развития процесса наркотизации, благодаря наличию адекватных механизмов психологической защиты увеличиваются шансы

личности на выздоровление от зависимости от психоактивных веществ. Наличие таких механизмов психологической защиты говорит о зрелости, а также цельности психической жизни человека. Такие механизмы защиты указывают на наличие близости с культурным и социальным миром [4].

Так, согласно взглядам Н.А. Сироты, а также В.М. Ялтонского, снижению риска развития наркотизации, а также повышению возможностей к выздоровлению от химической зависимости, заметно способствует развитие поведенческих копинг-стратегий [3]. Под такими стратегиями подразумевается способ, средство сотрудничества, коммуникации, взаимо-

действия, при помощи которого становится возможным личности действовать с ситуацией, которая возникает и является для неё опасной, проблемной, кризисной, вызывающей стресс, а также тревогу. Копинг-стратегия помогает личности сохранять баланс между выдвигаемыми окружающей личностью социальной средой требованиями, а также возможностями, имеющимся потенциалом и ресурсами, которые этим требованиям потворствовали бы, удовлетворяли [2].

С целью выявления имеющихся у зависимых от психоактивных веществ лиц зрелого возраста, а также способов совладающего поведения был подобран следующий психодиагностический инструментарий:

- опросник «Способы совладающего поведения» ССП, разработанный Р. Лазарусом и С. К. Фолкман, который был адаптирован НИПНИ им. Бехтерева доктором медицинских наук Л. И. Вассерманом);

- методика LSI «Индекс жизненного стиля», разработанная Р. Плутчиком, Г. Келлерманом и Х. Р. Конте, адаптированная Е. С. Романовой и Л. Р. Гребенниковой.

Исследование проводилось на базе реабилитационных центров г. Москвы. В нем принимали участие мужчины и женщины зрелого возраста (40–60 лет). Выборка состояла из двух групп респондентов:

- первую группу составляют мужчины и женщины, не употребляющие психоактивные вещества в количестве 35 человек (15 мужчин, 20 женщин);
- вторую группу составляют мужчины и женщины в количестве 35 человек (20 мужчин, 15 женщин), зависимые от психоактивных веществ, находящиеся на лечении в реабилитационных центрах.

Так, оказалось, что лица зрелого возраста, страдающие зависимостью от психоактивных веществ, чаще всего используют такие механизмы психологической защиты, как «интеллектуализация», «проекция», а также «замещение». Попробуем объяснить, почему именно эти механизмы психологической защиты стали ведущими у них.

В данный момент проблема, связанная с зависимостью от психоактивных веществ, является одной из важнейших, доминирующих, преобладающих в междисциплинарном аспекте. Связано это с наличием потребности со стороны общества в попытках найти и обнаружить наиболее действенные и результативные меры по предупреждению и предотвращению зависимостей от психоактивных веществ, к сожалению, данная проблема сейчас является одной из самых сложных, одним из самых опасных явлений в нашей стране.

Результаты по методике «Индекс жизненного стиля» представлены в диаграмме (Рис. 1)

Так, результаты исследования показали, что лица зрелого возраста с зависимостью от психоактивных веществ, часто прибегают к такому механизму психологической защиты, как **«замещение»**. Действие данного механизма состоит в том, что благодаря ему снижается контроль эмоционально-волевого плана, вследствие чего возникает потребность в эмоциональной разрядке негативно окрашенных эмоций, среди которых находятся агрессия, гнев, а также раздражение. Происходит такая разрядка благодаря их переносу на более простой, достигаемый, доступный объект, который не представляет для личности опасности. В случае, если личность начинает излишне активно пользоваться данным механизмом защиты, то у неё появляются трудности, связанные с межличностными отношениями, может

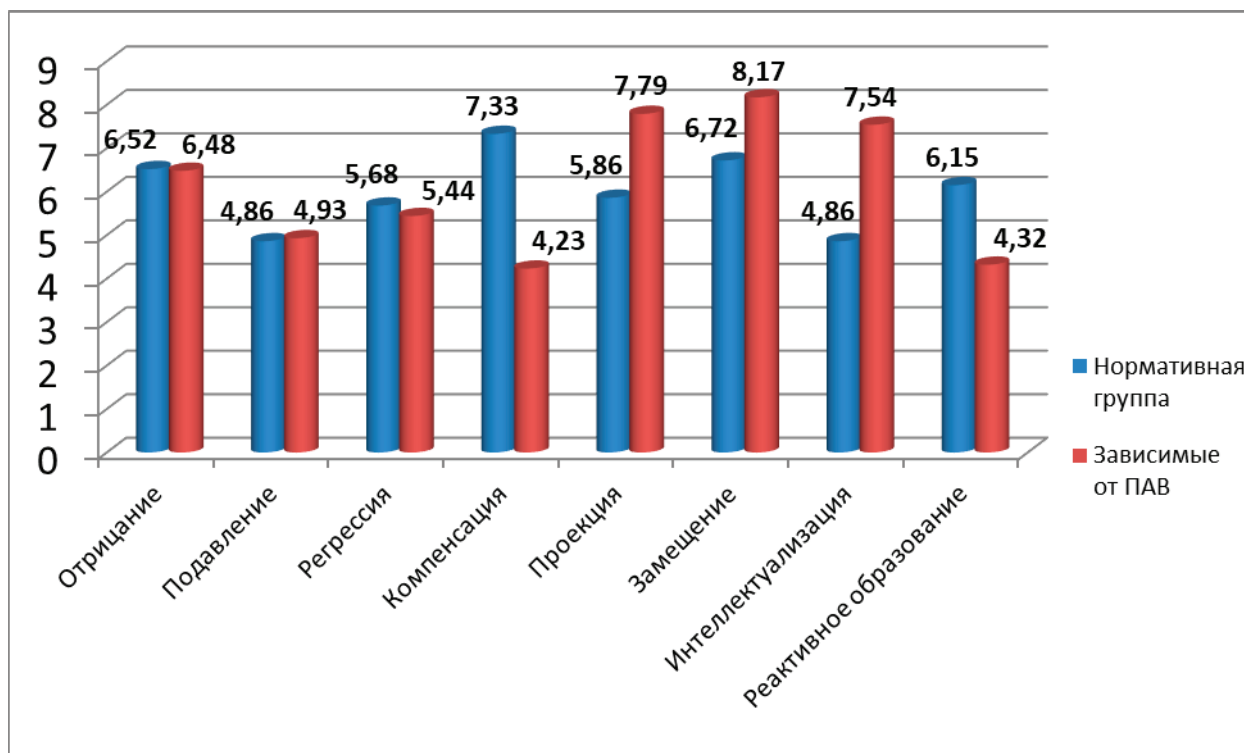

Рис. 1. Средние значения по методике «Индекс жизненного стиля» (Р. Плутчик, Г. Келлерман, Х. Р. Конте)

возникнуть социальная дезадаптация и, как раз, развиться зависимость (в данном случае — от психоактивных веществ).

Другой выявленный механизм психологической защиты, часто используемый зависимыми от психоактивных веществ, является «**интеллектуализация**». Характеризуется этот механизм защиты, как решение тревожащей ситуации путём её когнитивного, а не эмоционального преодоления, переживания. Вполне обоснованно, что в данном исследовании у группы зависимых был выявлен этот механизм — ведь люди, использующие его, ищут причины, основания, поводы и оправдания своей аддикции, обладающие логичностью, а также благовидностью. Такой личности важно и нужно сохранить и поддерживать свои достоинство, самооценку, самоуважение, а также защититься от ощущения стыда и вины за то состояние, в котором она пребывает. Поэтому интеллектуализация только провоцирует дальнейшее развитие зависимости личности от психоактивных веществ.

Третий механизм психологической защиты, выявленный у зависимых от психоактивных веществ лиц зрелого возраста, стал «**проекция**». Это достаточно простой, ограниченный, а также неосознаваемый механизм защиты, содержание которого состоит в том, что личность начинает переносить и приписывать, обвинять других людей в наличии у них каких-то негативных и нежелательных черт, которыми на самом деле обладает эта личность. Таким образом личность ограждает себя от понимания и осознания того, что нежелательные черты присущи данной личности. Выходит так, что личность начинает направлять возникающие негативные порывы и эмоции против другого человека, хотя могли бы направляться против самого себя, если бы у личности возникало истинное чувство вины.

Таким образом личности удаётся сохранить высокий уровень самоуважения. А по отношению к другим людям, в сторону которых наблюдаются обвинения, личность может проявлять целый спектр различных негативных, не приятных чувств и проявлений — обидчивость, подозрительность, несговорчивость, злопамятность, враждебность, несправедливость, мстительность, упрямство, поиск недостатков, эгоизм, а также особенно острая чувствительность к критике.

Результаты по методике «Способы совладающего поведения» представлены в диаграмме (См. Рис. 2).

Полученные результаты позволили сделать выводы о том, что зависимые от психоактивных веществ лица зрелого возраста чаще всего используют такие способы совладающего поведения, как «бегство-избегание», «принятие ответственности» и «самоконтроль».

Первая выявленная стратегия совладания — «**избегание**». Данный способ совладающего поведения является пассивным. Выбор, акцентирование внимания на данной поведенческой стратегии характеризует зависимых лиц среднего возраста от психоактивных веществ, как личностей, не желающих и не способных разрешать трудные жизненные ситуации, используя целенаправленные усилия. Таким образом, зависимая личность специально игнорирует существующие жизненные трудности, нацеливаясь и пытаясь снизить, исключить любое взаимодействие со стрессором. При такой стратегии поведения личность отстраняется от стрессовой ситуации в когнитивном и поведенческом плане, уменьшая степень собственного напряжения. Так, употребление психоактивных веществ способствует, таким образом, снижению или же исключению контакта с проблемой. Именно употребление психоактивных веществ в данном случае

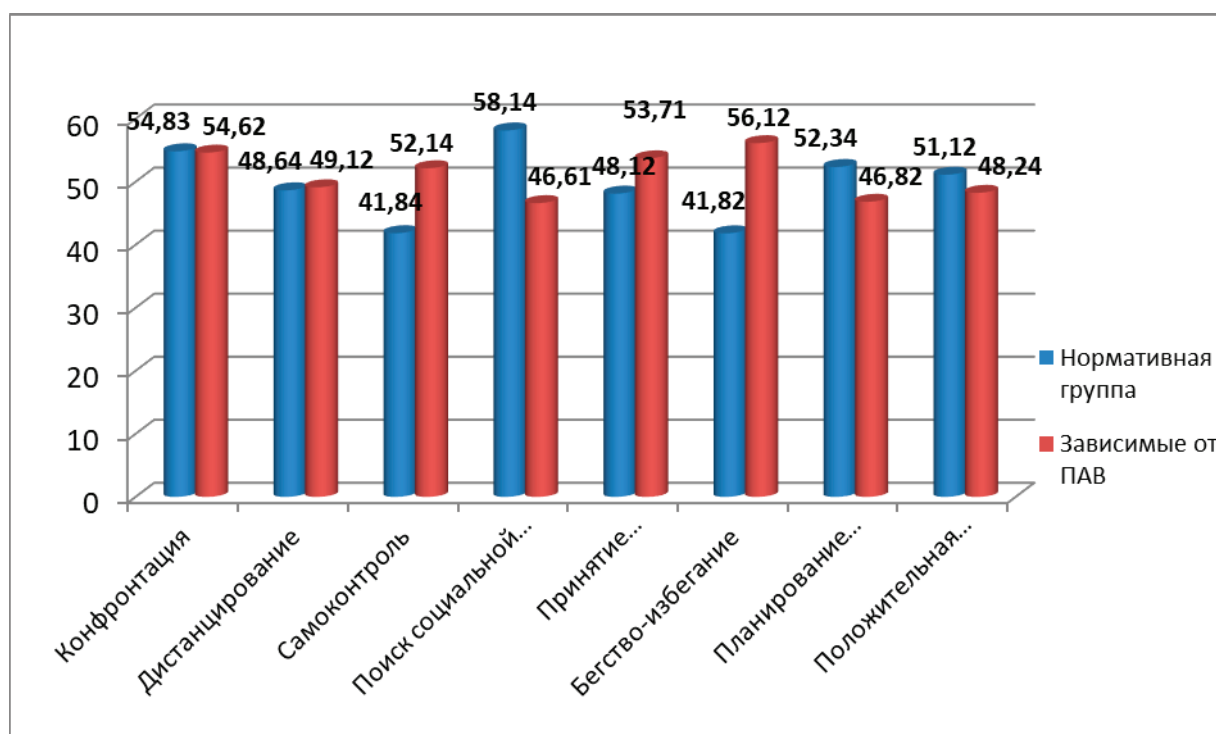

Рис. 2. Средние значения по опроснику «Способы совладающего поведения» СПП (Р. Лазарус, С. Фолкман, версия НИПНИ им. Бехтерева)

позволяет личности в какой-то степени «забыться», самоустраниться, отграничиться, перенестись в мысленном плане из ситуации реальности в ситуацию более благоприятного иллюзорного мира. Интересно, что использующие такую стратегию поведения, практически лишены умения прогнозировать будущие результаты, а также корректировать собственное поведение.

Следующая выявленная стратегия совладания — **«самоконтроль»**. Интересно, что она является полной противоположностью стратегии, представленной выше. Вероятно, что зависимый от психоактивных веществ, склонен пользоваться обеими стратегиями совладающего поведения, в силу того, что в некоторые моменты своей жизни он всё же пытается найти наиболее эффективный и объективный способ решения возникшей трудной ситуации (в данном случае — перестать быть зависимым), поэтому то всячески когнитивно и эмоционально избегает и игнорирует проблему, то пытается взять в себя в руки и решить её раз и навсегда. Так, «самоконтроль» мы можем охарактеризовать, как такую копинг-стратегию, которая позволяет личности предьявлять в окружающую среду не свои эмоции, а своё осознанное поведение. При «самоконтроле» личность пытается осознать и вербализовать имеющиеся эмоции.

Ещё одна выявленная стратегия поведения — **«принятие ответственности»** (выявление которой также можно объяснить, как и предыдущую копинг-стратегию). Личность, использующая данную стратегию, признаёт свою роль, как в возникновении проблемы, так и в её решении. Такая личность понимает и принимает ответственность — она признаёт собственную вину в происходящем перед своими близкими людьми.

Подводя итоги исследования, были сделаны следующие выводы:

Литература:

1. Долгова В. И., Кондратьева О. А. Психологическая защита / монография. — М.: Издательство Перо, 2014. — 160 с.
2. Карвасарский Б. Д., Абабков В. А. и др. Копинг-поведение (механизмы совладания) как сознательные стратегии преодоления стрессовых ситуаций и методы их определения: пособие для врачей и психологов. — СПб.: Изд-во НИПНИ им. В. М. Бехтерева, 2007. — 28 с.
3. Леонова К. М. Копинг-стратегии лиц, страдающих зависимостью от психоактивных веществ, с различным уровнем жизнестойкости // Изв. Саратов. Ун-та. Нов. Сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 2. — С. 203–206.
4. Либи́на А. В. Совладающий интеллект: человек в сложной жизненной ситуации / А. В. Либи́на. — М.: Эксмо, 2008. — 422 с.

1. Лица зрелого возраста, зависимые от психоактивных веществ, используют следующие механизмы психологической защиты:

- «интеллектуализация»;
- «проекция»;
- «замещение».

2. Лица зрелого возраста, не зависимые от психоактивных веществ, используют следующие механизмы психологической защиты:

- «компенсация»;
- «реактивное образование».

3. Лицам зрелого возраста, зависимым от психоактивных веществ, свойственно применять следующие способы совладающего поведения:

- «бегство-избегание»;
- «принятие ответственности»;
- «самоконтроль».

4. Лицам зрелого возраста, не зависимым от психоактивных веществ, свойственно применять следующие способы совладающего поведения:

- «поиск социальной поддержки»;
- «планирование решения проблемы»;
- «положительная переоценка».

Полученные благодаря проведённому исследованию данные возможно использовать при разработке и реализации программ психологической реабилитации лиц с зависимостью от психоактивных веществ, а также для индивидуальной психологической работы с лицами этой категории. К тому же, сегодняшний день наблюдается нехватка информации о специфике психологических защит аддиктов зрелого возраста, а также специфике применения ими способов совладающего поведения, и более глубокое изучение данной темы может стать действительно значимым.

Выявление трансгенерационных связей в процессе психологического консультирования на примере детско-родительских отношений

Чубукова Наталья Сергеевна, студент магистратуры

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

В статье раскрывается понятие передачи трансгенерационных связей, моделей и типов семейных сценариев, которые нуждаются в изучении и диагностики для последующей коррекции. Делается вывод, что трансгенерационные связи оказывают влияние на развитие семейных сценариев, в частности при доминирующем патриархальном или матриархальном типе семейных взаимоотношений.

Ключевые слова: трансгенерационная связь, семья, отношение, ребенок, связь, матриархальный тип, патриархальный тип, родительское отношение

Введение

Трансгенерационные связи — понятие новое и нечасто используемое в консультирующей психологии, так как мало изучено и требует большой работы которое занимает не один сеанс консультирования.

Трансгенерационные связи, или проекции, понимаются как межпоколенческая передача опыта на бессознательном и сознательном уровне. Межпоколенческая передача является своего рода феноменом, разворачивающийся между поколениями, через который реализуется их преемственность, передача от предшествующих поколений потомкам как структурирующих элементов, так и патологических, в частности, психической травмы.

Таким образом, актуальность исследования исходит из того, что современные молодые пары не всегда транслируют адаптивные семейные отношения, то есть вступая в брак будучи не готовыми к ним, они демонстрируют ранее приобретенные посредством трансгенерационных связей (проекций) модели и типы семейных взаимоотношений, которые нуждаются в изучении и диагностики для последующей коррекции. Тем самым определяется потребность в изучении и диагностики трансгенерационных связей в процессе психологического консультирования на примере детско-родительских отношений.

Основателем трансгенерационного подхода в семейной терапии является М. Боуэн, он впервые начал изучение передачи паттернов взаимодействий в семье через поколения. Также в работах З. Фрейда, К. Г. Юнга, Я. Л. Морено, Ф. Дольто, Н. Абрахам, И. Бузормени-Надь, Н. Абрахам, М. Терек и др. прослеживаются раскрытие проблемы трансгенерационных связей и проекций, где говорится о том, что в истории семьи четко прослеживаются повторяющиеся жизненные и семейные сценарии.

Так, например, в работах З. Фрейд уделялось внимание тому, что индивидуальный опыт человека имеет отражение накопленного ранее опыта предков. Так он заявлял о том, что человеку пришлось бы заново учиться жить, не имея ранее приобретенного опыта предками, которые передавались из поколения в поколения, тем самым осуществляя прогрессивное развитие как личности, так и общества в целом [3].

Такие представители как Ф. Дольто, Н. Абрахам, И. Бузормени-Надь ставят сложную проблему трансгенерационной передачи не полностью разрешенного конфликта, семейных тайн, преждевременных смертей и выбора профессии [2].

Так Ф. Дольто говорит о том, что каждый ребенок вынужден преследовать прежний жизненный опыт, доставшийся ему от матери и отца. Изучая механизм передачи трансгенерационных связей, автор приходит к мысли о том, что уже в утробе матери в процессе развития плода возникает тесная связь между бессознательным матери и будущего ребенка [1].

Основная часть

В эмпирическом исследовании приняло участие 10 семей, с одним ребенком в возрасте от 13 до 15 лет, из них 7 полных семей и 3 семьи в разводе. Общее количество испытуемых 27 человек, из них 17 взрослых и 10 детей.

На первоначальном этапе проведения эмпирического исследования, с каждой семьей была проведена беседа и опросник на тему «Семейные традиции» и предложена к составлению генограмма, что позволила нам в дальнейшем провести более глубокий анализ и диагностику.

На последующих встречах были применены психодиагностические методики, позволяющие оценить детско-родительские отношения, выявление трансгенерационных связей. Все процедуры проходили в рамках психологического консультирования.

Участникам исследования была предложена к составлению генограмма позволяющая нам оценить и проследить, какие установки человек перенял от родителей, бабушек и дедушек и какие он передаст своим детям по наследству.

По результатам анализа генограмм, нами были выделены две генограммы полной семьи (СЕМЬЯ А) и семьи в разводе (СЕМЬЯ Б).

Таким образом сделаем заключение что оба участника исследования «СЕМЬИ А» росли в полной семье. Их отношения в семьях были сплоченные и положительные. Анализируя сегодняшние отношения, то данная семья уделяет большое внимание воспитанию своего ребенка, приучают к спорту и активному образу жизни. Оба родителей работают, главой семьи является отец. Также наблюдаем течение трансгенерационных процессов на примере того, как развивались отношения в «СЕМЬЕ А» где мать унифицировала себя со своей матерью и приняла роль хозяйки, встретив властного и мужественного партнера. У отца же наоборот сформировалась позиция, в которой он как мужчина является лидером и главой семьи.

По итогу генограммы «СЕМЬИ Б» делаем заключение о том, что между партнерами были конфликтные взаимоотношения что привели к скорому разводу. Между участницей исследования и ее матерью наблюдаются близкие отношения. В данной семье матриархальный тип, здесь женщина выполняет мужские и женские функции, обеспечивает и воспитывает самостоятельно. Так же по данной генограммы мы можем наблюдать наличие трансгенерационных процессов, которые передавались от матери к дочери. А именно властность, независимость и самостоятельность.

Оценивая каждую составленную генограмму, выделяем несколько критериев оценки типов сценариев развития семей, рассмотрим их на рисунке 1.

Таким образом доминирующими типами сценариев в семьях выступает матриархальный и патриархальный. Вероятнее всего на наш взгляд, это связано с современными тенденциями развития семей. Каждый из партнеров стремится к финансовому

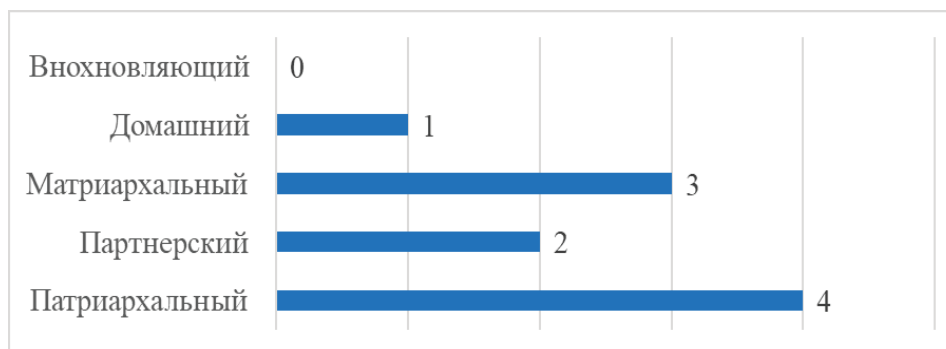

Рис. 1. Доминирующие типы сценариев

благополучию, поэтому наблюдается противостояние гендеров. Современные женщины стали более властны и целеустремлены, а мужчины по своей природе, не готовы уступать.

При анализе ретроспективного интервью, в котором приняло участие 20 представителей старшего поколения. Длительность интервью составляла около часа с каждым представителем старшего поколения. Все вопросы были направлены на изучение наличия традиций, семейных взаимоотношений, травмирующих событий, возможных воспоминаний, оценку семейных сценариев.

Анализируя ответы, приходим к выводу о том, что жизненные сценарии имеют сходства. Так, например, матери женщин, находящихся в разводе, также были в разводе со своими мужьями и имели негативный опыт построения семейных отношений. На момент проведения интервью женщины не имели партнёра. *«Когда отец Е. (имя респондента) ушел, я была разбита, и больше не смогла построить новых отношений», «Развод с моим мужем мне принес много страданий, были и другие мужчины, но я так и не научилась доверять, я так и сказала своей дочери, доверяй, но проверяй, вот и теперь она в разводе»*

Другой пример семей, которые являются полными. Старшее поколение указывало на то, что их семьи были полными и имели много детей. Так, например: *«Мой отец работал в поле, а мать на кухне, нас было много братьев и сестер, мы были дружны и сплочены. Отец любил мать, хотя были разные случаи, но они оставались всегда вместе. Так и у меня с моим мужем».*

Так мы видим, что среди испытуемых, есть отношения, которые не сложились и закончились разводом, где мать выполняет функции мужчины, как и ее мать. Также есть семьи, где каждый член семьи занимает свою роль и живут в гармонии.

Таким образом можно сделать вывод о том, что дети повторяют сценарии своих родителей. Усвоенный пример передается из поколения в поколение.

Далее перейдем к рассмотрению результатов, полученных в ходе проведения опросника. По результатам опроса тему «Семейные традиции», участие в котором приняли взрослые (17 человек), были получены следующие результаты рассмотрим их на рисунке 2.

Результаты данного опросника дают основание полагать о наличии трансгенерационных процессов в семьях. Наличие таких механизмов как знакомство с семейными историями, соблюдение семейных традиций или создание новых, передача реликвий, являются критериями влияния трансгенерационных проекций на развитие внутрисемейных отношений.

Анализ результатов, полученных в ходе применения методики «Шкала оценки семейного окружения» что позволил оценить социальный климат в семьях принимавшие участие.

На рисунке 3 отражены представления о социальном климате в семьях с разными семейными сценариями.

При помощи теста родительского отношения (А. Я. Варга, В. В. Столин) определили родительское отношение к детям. По результатам теста были получены следующие показатели роди-

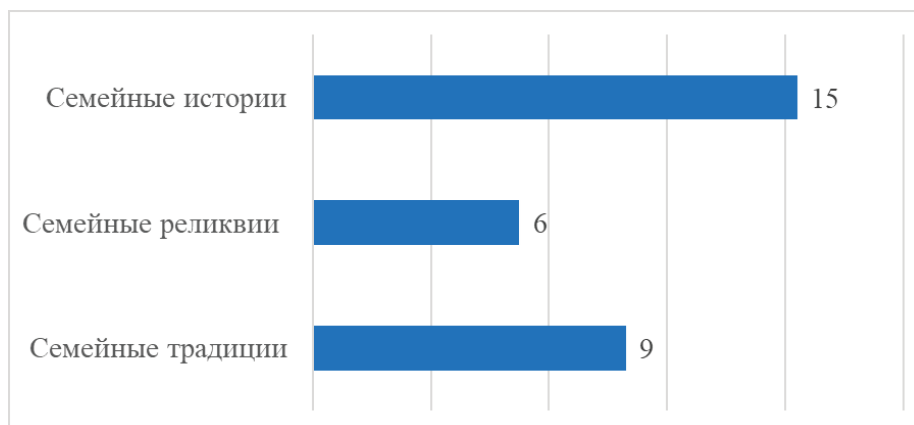

Рис. 2. Доминирующие механизмы трансгенерационных связей

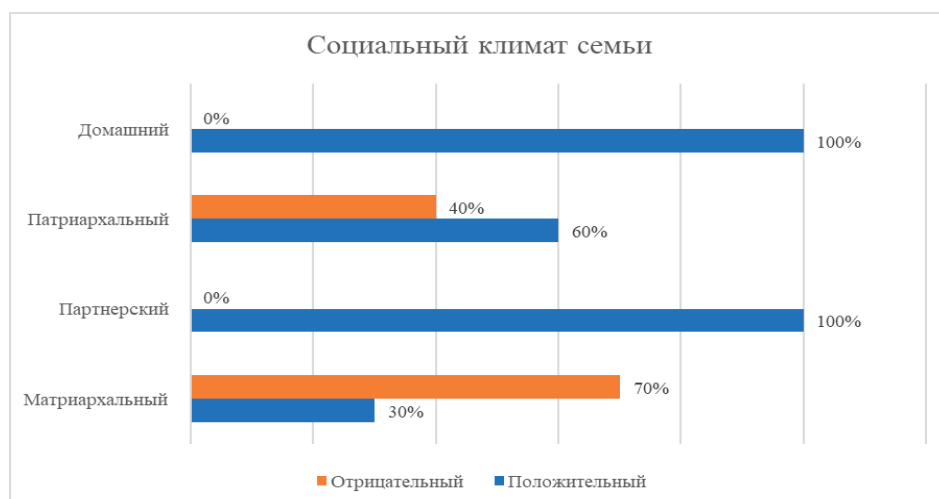

Рис. 3. Социальный климат семьи

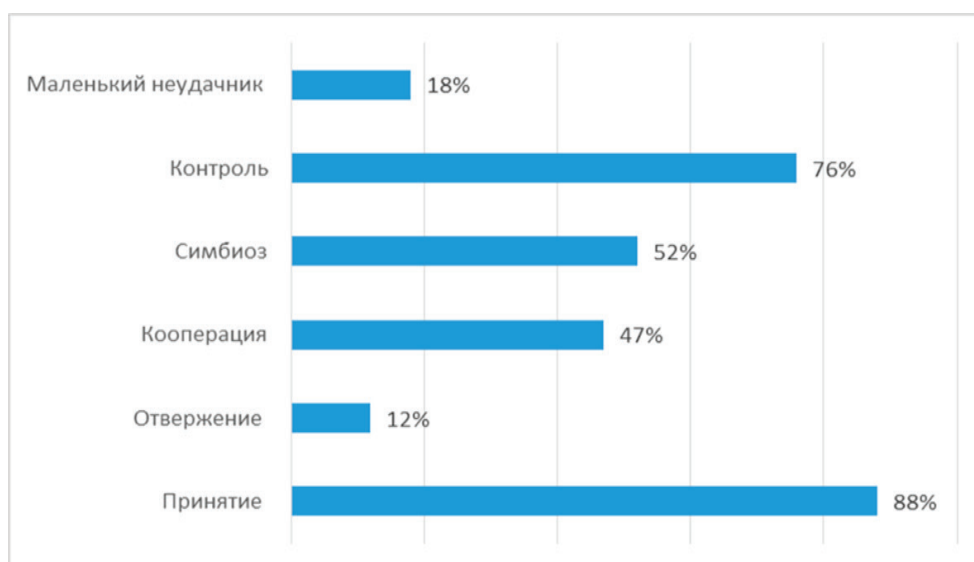

Рис. 4. Типы родительских отношений (Тест родительского отношения (А. Я. Варга, В. В. Столин))

тельских установок по отношению к своим детям. Результаты представлены на рисунке 4.

Таким образом, сделаем заключение о том, что в семьях с патриархальным сценарием, ярко выражены такие параметры как контроль, принятие и кооперация. Здесь наблюдается строгий уклад семьи в совокупности с заботой и вниманием. В семьях с матриархальным сценарием присуще такие виды отношений как отвержение и контроль, а также недооценивание своих детей, прослеживается такой механизм передачи трансгенерационных связей как «долг лояльности семьи».

Далее рассмотрим результаты по методике «Поведение родителей и отношение подростков к ним». Здесь принимали участие 10 подростков, из них 6 мальчиков и 4 девочки, они оценивали поведение и отношение своих родителей. По итогам данной методики были получены следующие результаты рассмотрим их на рисунке 5:

Далее были изучены взаимосвязи ролевых распределений с детско-родительскими отношениями.

Таким образом, сделаем заключение о том, что при патриархальном и матриархальном типе ролевого распределения в семьях, наиболее выражены проявления трансгенерационных связей. Влияние пережитого опыта и травмирующих событий, наличие семейных традиций и вербальных семейных историй оказывают непосредственное влияние на трансляцию семейных сценариев.

Выводы

В результате глубинного анализа было определено, что трансгенерационные связи транслируют семейные сценарии, которые реализуют последующие поколения. Так, в ходе исследования было установлено, что дети, воспитывающиеся в матриархальных семьях, демонстрируют подобное поведение. В патриархальных семьях наблюдается подобная тенденция. Не полные и полные семьи по-разному передают различные семейные сценарии. Не полные семьи в большей степени передают травматичный опыт.

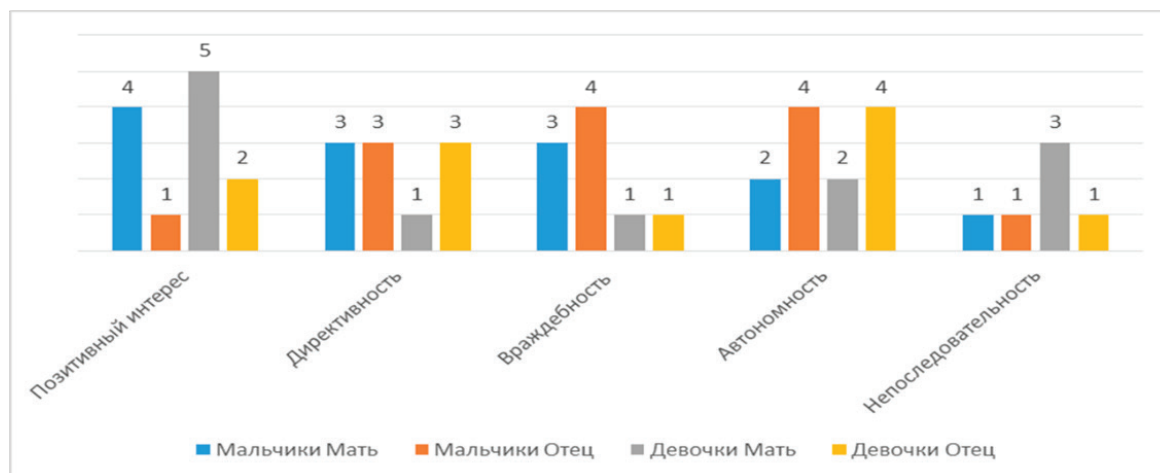

Рис. 5. Поведение родителей и отношение подростков к ним. Е. Шафер (ПОР — Подростки о родителях))

Рольевое распределение	Кр.значение	Параметры детско-родительских отношений
Патриархальный тип	0,68*	Контроль
	0,72**	Автономность
Партнерский тип	0,65*	Позитивный интерес
Матриархальный тип	0,64*	Директивность
	-0,72**	Симбиоз

Рис. 6

Примечание:

* — значение коэффициента корреляции достоверны верны при $p \leq 0,05$ ** — значение коэффициента корреляции достоверны верны при $p \leq 0,01$

Литература:

1. Берн, Э. Люди, которые играют в игры: Психология человеческой судьбы / Э. Берн. — М.: Эксмо. — 2010. — 576 с.
2. Браун, Д. Теория и практика семейной психотерапии. / Д. Браун, Д. Кристенсен. — СПб.: Питер, 2001. — 352 с.
3. Диагностика и коррекция детско-родительских отношений: учебное пособие / под редакцией О.В. Токарь, О.А. Усанова. — 3-е издание, стереотипное. — Москва: ФЛИНТА, 2019—48 с. — ISBN978-5-9765-2012-7 — URL: <https://e.lanbook.com/book/122697> (дата обращения: 18.03.2023).

ФИЛОЛОГИЯ, ЛИНГВИСТИКА

Эксплицированность как прием создания оперного либретто: на материале опер «Тоска» Дж. Пуччини, «Дон Жуан» В.-А. Моцарта, «Эрнани» Дж. Верди, «Борис Годунов» М. П. Мусоргского

Баранова Дарья Евгеньевна, студент
Новосибирский государственный технический университет

В статье рассматривается ключевой прием реорганизации первоисточника в оперное либретто, эксплицированность. На основе авторского алгоритма анализа выявляются варианты проявления в тексте и определяются функциональные особенности приема.

Ключевые слова: либретто, литературный прием, эксплицированность, Тоска, Дон Жуан, Эрнани, Борис Годунов.

Анализ текстов либретто, представленный в нашей статье, направлен на повышение научного интереса к многоаспектному изучению оперного либретто, освещению его специфики и раскрытию жанрового своеобразия. Эксплицированность является неопиcанным ранее приемом, который, на наш взгляд, играет ключевую роль в создании либретто на основе литературного первоисточника. Рассмотрим проявление и функционирование приема эксплицированности на примере либретто следующих опер: «Тоска» Дж. Пуччини, Л. Иллика, Дж. Джакоза (1900), «Дон Жуан» В.-А. Моцарт, Л. да Понте (1787), «Эрнани» Дж. Верди, Ф. Пьяве (1844), «Борис Годунов» М. П. Мусоргский (1874).

Эксплицированность — прием реорганизации сюжетно-фабульной композиции, проявляющийся в результате отражения на текстовом уровне либретто элементов, заложенных в подтекст, контекст, мотивы и лейтмотивы первоисточника. Из определения эксплицированности формируется алгоритм анализа, заключающийся в отдельном рассмотрении имплицитных смысловых уровней первоисточника: подтекста, контекста, мотивной организации и лейтмотивов с последующим сравнением информации, содержащихся в них, на текстовом уровне либретто.

Сюжетно-фабульный анализ драмы В. Сарду «Тоска» и одноименного либретто Л. Иллика и Дж. Джакозы показал, что образ барона Скарпия при переходе от первоисточника к либретто обретает в последнем глубокий психологизм — игра масками превращается в метания между религиозностью и страстью. То, что было заложено в подтексте, контексте, лейтмотивах и мотивах пьесы, перешло в текст либретто, иными словами,

стало эксплицировано. Если в любом литературном жанре наличие имплицитных смысловых уровней создает эффект бездонности, дает почву для бесконечных интерпретаций, то жанр оперного либретто стремится сделать неявное явным. С точки зрения структуры произведения, эксплицированность позволяет либреттисту облегчить фабулу и сюжет, с точки зрения системы персонажей — делает их характер ярче, а образ — более выразительным.

Примером эксплицированности могут послужить мысли героев, отраженные в либретто: «Per ridurre un geloso allo sbaraglio Jago ebbe un fazzoletto... ed io un ventaglio» — «В ней я ревность разжечь легко сумею: Яго помог платочек, у нас есть веер» [5, 3]. Арии, схожие с внутренними монологами, такие как «Te Deum», «Ha più forte sapore», «Vissi d'arte» и «E lucevan le stelle». Так, например, показывая Тоске веер маркизы и видя, как разгорается в ней ревность, барон про себя отмечает: «Ho sortito l'effetto» — «В грудь вонзил я ей жало» [5, 3]. Эта реплика, взятая либреттистами в скобки, подразумевалась, но отсутствовала в первоисточнике, иными словами, была заложена в подтексте пьесы. В опере она выгодно характеризует обоих героев и их отношение к ситуации.

Особое внимание обращает на себя ария «Nel pozzo del giardino». В ней можно заметить эксплицирование военно-политического контекста. В отличие от драмы В. Сарду, в либретто эта сторона жизни Рима практически не представлена, но получила отражение только в одной арии. Именно поэтому внезапное обращение к победе Наполеона накаляет обстановку и обостряет конфликт. Авторы оперы дают нам четко понять, что случилось:

<i>Sciarrone:</i> Un messaggio di sconfitta... <i>Scarpia:</i> Che sconfitta? Come? Dove? <i>Sciarrone:</i> A Marengo... <i>Scarpia:</i> Tartaruga! <i>Sciarrone:</i> Boaparte è vincitor! <i>Scarpia:</i> Melas... <i>Sciarrone:</i> No! Melas è in fuga!...	<i>Шарроне:</i> Сообщение о поражении... <i>Скарпия:</i> Каком поражении? Как? Где? <i>Шарроне:</i> При Маренго... <i>Скарпия:</i> Не тяни! <i>Шарроне:</i> Бонапарт — победитель! <i>Скарпия:</i> Мелас... <i>Шарроне:</i> Нет! Мелас бежал!... [5, 3]
--	--

Кроме этого, в «Тоске» Иллики и Джакозы присутствует эксплицированный мотив молчания. Он проявляется в многочисленных просьбах и желаниях одних героев сокрыть от других тайну, тщетных попытках Тоски и Скарпия раскрыть ее:

Cavaradossi: «E' buona la mia Tosca, ma credente al confessor nulla tiene celato» — «Добра душою Тоска, но доверять тайну женщине я опасуюсь» [5, 3]

Cavaradossi: «Coraggio! Taci! Sprezzo il dolor!» — «Мужайся! Молчи! Я презираю боль!»

Scarpia: «Orsù, Tosca, parlate» — «Что ж, Тоска, говорите»

Tosca: «Non so nulla!» — «Я ничего не знаю!» [5, 3]

Tosca: «Mario, consenti ch'io parli?» — «Марио, позволь, я расскажу?»

Cavaradossi: «Stolta, che sai?... che puoi dir?» — «Глупенькая, что ты знаешь? Что можешь ты сказать?»

Scarpia: «Ma fategli tacere!» — «Заставьте его замолчать!» [5, 3]

Рассмотрим либретто оперы Моцарта «Дон Жуан» в аспекте приема эксплицированности, чтобы выявить скрытые особенности сюжета оперы. Моцарт вводит в свою оперу множество речитативов, с помощью которых герои эксплицируют свои эмоции, например в одиннадцатой сцене I акта: «Mi par ehoggi il demonio si diverta d'opporsi a'miei piacevoli progressi; vanno mal tutti quanti!» — «Точно демон какой то, издеваясь, все мои планы нынче разрушает. Нет совсем мне удачи» [4, 2]. Или в четырнадцатой сцене I акта речитатив принадлежит Дону Оттавио: «Come mai creder deggio di sì nero delitto carace un Cavaliero!» — «Как поверить мне трудно, чтоб на дело такое способен дворянин был!» [4, 2].

В приведенных выше примерах мы видим эксплицирование подтекста и контекста. Ту же функцию выполняют мысли героев, взятые либреттистом в скобки. Например, видя, как Дон Жуан хочет утешить не узнавшую им Донну Эльвиру, Лепорелло про себя отмечает: «Così ne consolò mille e ottocento!» — «Так он утешил уже тысячу восемьсот» [4, 2].

Особого внимания в этом дискурсе требует ария Дон Жуана «Finch'han dal vino», которая представляет собой эксплицирование мотива соблазнения. В момент исполнения этой арии герой восторженно наблюдает за толпой веселящихся девушек и отмечает: «Ah, la mia lista doman mattina d'una decina devi aumentar!» — «Больше десятка их для порядка завтра запи-

шешь в список ты мой» (досл. Ах, мой список завтра на десяток должен увеличиться!) [4, 2].

Основываясь на выявленных в ходе анализа проявлениях эксплицированности, а также привлекая анализ данного аспекта в операх «Эрнани» Дж. Верди и «Борис Годунов» М. П. Мусоргского мы можем выдвинуть гипотезу организации особенности в тексте либретто.

Эксплицированные элементы в подавляющем большинстве случаев, согласно методике Ц. Тодорова, проявляются, когда герой находится в крайне неустойчивом положении или противоречивом состоянии. Так, например когда герой «Эрнани», Дон Руй Гомес де Сильва, вернувшись в замок, обнаруживает в спальне своей невесты двух мужчин, он не сразу обнажает шпагу. Сперва звучит ария «Infelice!.. e tuo credevi», взятая либреттистами в скобки, что уже дает нам основание говорить об эксплицированности подтекста. Сильва называет себя несчастным человеком, поверившим, что невеста будет ему верна. Для героя это крайне неустойчивое положение, в котором он должен выбирать: вызвать наглецов на поединок или уйти от конфликта.

Гораздо ярче описываемая особенность раскрывается в опере «Борис Годунов». В первой картине пролога мы видим связанное с коллективным героем народа эксплицирование подтекста, контекста и мотива принуждения. Приставы собрали народ во дворе Новодевичьего монастыря и заставили молиться. Люди исполняют приказ, но, как только пристав оставляет их одних, звучат реплики: «Митюх, а Митюх, чего орем? / Вона! Почем я знаю!» [1]. Это говорит о том, что народ не понимает происходящего. Контекст эксплицируется посредством мольбы: «На кого ты нас покидаешь, отец наш!», мотив принуждения, раскрывающийся в отношении народа и Бориса, выражается в данной сцене в словах пристава: «Живо, на колени! Ну, же! [...] Аль давно по спинам плетка не гуляла? Прочуч вас я живо! [...] Ну-ка! Только глоток не жалеть!» [1] Подтекст эксплицируется и в речи Бориса. В третьем мотиве оказывается ария «Скорбит душа», в которой только взошедший на царство герой говорит: «Какой-то страх невольный зловещим предчувствием сковал мне сердце» [1].

Таким образом, эксплицированность всегда подразумевает отражение на текстовом уровне подтекста, контекста, мотивов и лейтмотивов первоисточника либретто и служит средством

создания выразительности, акцента на эмоциях, отношениях между героями. Проявление эксплицированности свидетельствует о различии жанров драмы и оперного текста, а также подчеркивает независимость либретто от первоисточника.

В зависимости от особенностей текста первоисточника и цели либреттиста эксплицированность либретто может отражаться на системе персонажей, на тексте и его структуре или на любой другой составляющей текста либретто.

Литература:

1. Мусоргский М.П. Борис Годунов [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://operalib.eu/zpdf/godunov.pdf> (дата обращения: 22.10.2021)
2. Моцарт В. Дон Жуан [Электронный ресурс] / В. Моцарт; пер. А.И. Шеллера. — Режим доступа: <http://libretto-oper.ru/Mozart/don-giovanni> (дата обращения: 09.07.2021)
3. Пуччини Дж. Тоска [Электронный ресурс] / Дж. Пуччини; перевод либретто — Режим доступа: <http://libretto-oper.ru/puccini/tosca> (дата обращения: 17.07.2021)
4. Mozart W. Don Giovanni [Электронный ресурс] / W. Mozart. — Режим доступа: https://www.murashev.com/opera/Don_Giovanni_libretto_Italian_English (дата обращения: 25.03.2023)
5. Puccini G. Tosca [Электронный ресурс] / G. Puccini. — Режим доступа: <http://opera.stanford.edu/Puccini/Tosca/libretto.html> (дата обращения: 03.07.2021)
6. Тодоров Ц. Поэтика / Структурализм: «за» и «против» (Сб. статей). М.: Изд. «Прогресс», 1975. — 112 с.

Заголовки французских СМИ: особенности перевода на русский и английский языки

Галяутдинова Камилла Ренатовна, студент

Научный руководитель: Ибрагимова Анфиса Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет

В данной статье исследуется проблема перевода газетных заголовков, в частности, заголовков франкоязычной прессы, переведенных на русский и английский языки. Для определения особенностей их перевода были изучены существующие переводческие трансформации заглавий новостных статей, рассмотрены основные трудности, с которыми сталкивается переводчик в процессе перевода, а также проанализированы некоторые заголовки русских и английских интернет-изданий, переведенных с французского языка.

Ключевые слова: газетные заголовки, переводческая трансформация, перевод, синтаксическая структура.

French media headlines: the specific features of translation into Russian and English languages

Galyautdinova Kamilla Renatovna, student

Scientific adviser: Ibragimova Anfisa Nikolayevna, candidate of pedagogical sciences, associate professor
Kazan (Volga region) Federal University

This article studies the problem of translating newspaper headlines of the French press into Russian and English languages. To determine the peculiarities of the translation, the authors study the existing theory on transformations of the newspaper headlines while translating, consider the main difficulties that translators face during the translation process, and analyse some headlines of Russian and English online publications translated from French.

Keywords: newspaper headlines, translation transformation, translation, syntactic structure.

В современных условиях распространения средств массовой информации именно газетный заголовок предстает в виде первичного фактора, воздействующего на сознание читателя. Для того, чтобы заголовки могли привлечь внимание реципиента, язык информационных изданий претерпевает постоянные изменения, в связи с чем вопрос об их оптимальном переводе и поиске новых практических решений вызывает новую волну интереса со стороны лингвистов.

Учитывая формы, которые принимают заголовки в итоговой публикации, Е.Г. Карапетова, А.А. Лютая, М.Ю. Доценко предлагают разделять заглавия относительно видов самого предложения. Так, по их мнению, заголовки могут быть представлены в форме простого и сложного предложения. Простое предложение зачастую является распространенным, а сложное, в зависимости от способа синтаксической связи, приобретает вид бессоюзного сложного предложения, слож-

носочиненного предложения и сложноподчиненного предложения [2].

При переводе таких заголовков основным процессом, характеризующим акт понимания со стороны переводчика, являются попытки расшифровать значение всего сообщения и его «подтекста» [4, с. 220]. Последнее связано с тем, что заключенная в заголовке информация лишь на первый взгляд может показаться объективно поданной, в то время как на самом деле она всегда подается под определенным углом зрения. Наличие объективно-когнитивной лексики, нейтральной по своему основному характеру, также может способствовать формированию мнения. Данное явление связано с упоминанием одних и опущением других слов, их местом в сообщении, а также порядком следования [1, с. 95]. Наряду с этим, довольно отчетливо прослеживается стилистический фон, сочетающий в себе письменные литературные нормы языка и черты ее устного варианта. В зависимости от выбранного языка перевода доля разговорной лексики и устных синтаксических структур будет варьироваться по сравнению с оригинальным сообщением.

На основе вышеперечисленного и формируются различного рода переводческие трансформации или приемы перевода, происходящие с исходным текстом. Традиционно разные авторы предлагают свои определения понятию «трансформация», что впоследствии влияет на их классификацию и наш анализ заголовков. В.Н. Комиссаров разделяет трансформации на три вида: лексические, грамматические, лексико-грамматические. Лексические трансформации включают в себя транскрибирование, транслитерацию, калькирование, конкретизацию, генерализацию, модуляцию. К грамматическим принадлежат грамматические замены, синтаксическое уподобление, объединение и членение предложений. Лексико-грамматические состоят из антонимического перевода, экспликации и компенсации [3, с. 175].

Полученные в ходе нашего исследования данные мы соотнесли с изученными теоретическими источниками, но исходя из полученных результатов, мы внесли некоторые изменения в существующую классификацию, представленную В.Н. Комиссаровым. Выглядит она следующим образом: калькирование, лексическое добавление, опущение, конкретизация, генерализация, компенсация, экспликация, модуляция, замена.

Мы рассмотрели ряд французских заголовков из онлайн-версий газет — ‘Le Figaro’, ‘Le Monde’, ‘Libération’ — к политическим статьям. Перевод этих заголовков на русский и английский языки был найден в таких интернет-изданиях, как «ИноСМИ», ‘The Guardian’, ‘The Telegraph’, ‘Daily News’, ‘Euronews’. Из 100 рассмотренных нами заголовков мы выявили 204 случая употребления трансформаций на русском языке и 156 — в английском, так как в процессе перевода переводчик зачастую обращается сразу к нескольким приемам перевода.

При переводе французских заголовков на русский язык переводчики в 23% случаев обращались к приему опущения информации, которая является семантически избыточной. Наиболее ярким примером может послужить следующий заголовок: ‘*L’éditorial du Figaro*: L’Ukraine à quitte ou double’. При его переводе на русский язык была опущена первая часть бессоюзного сложного предложения, а именно словосочетание ‘*L’édito-*

rial du Figaro’. Дословный перевод этого фрагмента — «мнение редакции газеты Le Figaro». Перевод получился следующим: «Украина должна удвоить ставки или все проиграть». В представленном русском заголовке выделенная нами ранее часть исходного сообщения отсутствует, поскольку информация о том, что это мнение редакции газеты, не несет большой смысловой нагрузки для русской аудитории. Более того, мы смеем предположить, что не все русскоязычные читатели знакомы с данным французским периодическим изданием, в связи с чем переводчик решил опустить ненужную информацию, чтобы компенсировать изначальную лаконичность заголовка в его переведенном варианте и дать наиболее яркое представление о самой новости. В ином случае рассматриваемый нами заголовок получился бы слишком длинным.

К опущению прибегают и для того, чтобы не делать двойной акцент на событии, когда место его проведения и так понятно. Например: ‘*Guerre en Ukraine*: la Russie affirme bloquer les forces adverses dans Bakhmout, l’Ukraine dement’. В переводе заголовков выглядит так: «Россия заявляет о блокировке сил противника в Артемовске, Украина все отрицает», где вновь отказались от первой части предложения с бессоюзной синтаксической связью. Опущение этого фрагмента в русском переводе можно объяснить тем, что при упоминании слов «Украина» и «Артемовск», русскому читателю сразу становится понятно, где происходит событие. Во французском заголовке, наоборот, вводится уточнение, поскольку газета выпускает статьи, посвященные не только тому, что происходит в мире, но и уделяет внимание событиям внутри своей страны. Для них важно привлечение такой дополнительной информации, чтобы читатель владел полной картиной события. В английском языке использование данного приема составляет 14%. Приведем следующий пример: ‘*Les Brics sont-ils vraiment devenus* plus puissants économiquement que le G7?’ и его английский аналог ‘*Has the Brics bubble burst?*’. В данном случае переводчик решил опустить предположение, высказанное автором статьи в форме «правда ли?», и задать прямой вопрос по поднятой теме.

Вторым по частоте использования в русском переводе являлся прием компенсации. Его использовали в 20% случаев, тогда как в английском переводе число его применения насчитывает 7%. Компенсация необходима для сохранения эмоциональной окраски оригинального текста. Обратимся к этому примеру: ‘*Visite de Macron en Chine*: Xi Jinping prêt à appeler Zelensky *le moment voulu*’. Выделенное жирным шрифтом словосочетание в дословном переводе означает «в нужный момент» и является ключевым фрагментом сообщения. Если в русском варианте перевода оставить именно это словосочетание, то заголовок теряет заложенный автором статьи эмоциональный оттенок. Переводчику же удалось найти более подходящий перевод путем компенсации исходного фрагмента: «Визит в Китай: Си Цзиньпин готов позвонить Владимиру Зеленскому **в удобный для себя момент**». В свою очередь, английский аналог этого же заголовка является примером не совсем удачного перевода — ‘*Macron seeks China’s help on Ukraine as Xi willing to call Zelensky*’, где условное «в удобный момент» приобрело значение «готов позвонить», в связи с чем смысл оригинального сообщения несколько изменился. В английском за-

головке новость постарались передать в нейтральной манере, чтобы она не указывала на наличие политической симпатии к одной из сторон, когда в русском и французском его аналоге данный оттенок, наоборот, присутствует.

К приему калькирования в русских переводах французских заголовков прибегали в 19% случаев, в английских переводах они встречаются чуть реже (13%). Смысл данной трансформации заключается в создании нового слова или устойчивого словосочетания в переводящем языке. Тем не менее, на сегодняшний день калькирование выполняет еще одну функцию и зачастую является дословным переводом фрагмента или всего оригинального текста. Рассмотрим французский заголовок: ‘Les chefs de la diplomatie du G7 jurent de faire payer **le prix fort** aux pays aidant la Russie en Ukraine’. Выделенное нами выражение полностью сохранило свое значение и в переведенном заголовке — «Главы дипломатии G7 заставят страны, помогающие России на Украине, заплатить **«высокую цену»**». Его не только передали дословно, но и обрамили в кавычки, как это было сделано в исходном сообщении. Примером перевода целой части текста может послужить перевод французского заголовка ‘Seulement 40 pièces d’artillerie disponibles: **quel est vraiment l’état de stocks de l’armée française?**’ на английский — ‘Le Figaro: 40 pieces of artillery only. **What is the real status of the French army’s stockpiles?**’. Выделенные нами части заголовков являются дословным переводом друг друга.

Лексическое добавление в русском переводе встречается в 13% случаев, в английском его показатель равен 4%. Этот вид трансформации применяют, когда перевод лексических единиц или выражения с одного языка на другой требует внесения в текст дополнительных слов для восстановления смыслового пробела. Например: ‘L’Ukraine au cœur de la visite du **pape** en Hongrie’. Для русского общества нехарактерно использование выделенного слова, в переводе означающего «Папа», в связи с чем обратились к приему лексического добавления. Так, заголовок приобрел следующий вид: «Украина — в центре визита **папы римского** в Венгрию». Данный прием был использован и в этом заголовке: ‘Renaud Girard: **La dé-dollarisation** du monde’. Переводчик решил отказаться от словосочетания «дедолларизация мира», поскольку в нем теряется необходимый для заголовка акцент на слове «доллар». По этой причине переводчик предпочел осуществить лексическое добавление — «Рено Жирар: **Освобождение** мира от доллара», благодаря которому слово «доллар» привлекает логическое, с точки зрения русской аудитории, внимание. Это связано с тем, что данный заголовок отвечает принципам построения предложения в русском языке: тема (освобождение) — в начале предложения, рема (доллар) — в конце предложения.

Прием модуляции используют тогда, когда смысл фразы понятен, но не может быть переведен теми же самыми лексическими средствами. Переводчику необходимо перестроить предложение как структурно, так и семантически. В переводе французских заголовков на русский язык модуляция встречается в 9% случаев, в то время как в заголовках, переведенных на английский язык, частота использования этого приема равняется 41%. Подобное явление можно объяснить тем, что английский язык менее гибок относительно того, как строится

предложение и порой приходится полностью изменить оригинальный текст, чтобы он был визуальным и грамматически более привычен читателю. Данную мысль также подтверждает небольшой процент применения рассмотренных нами лексического добавления и опущения по сравнению с русским языком. Приведем такой пример: ‘À Pékin, **Macron veut freiner le rapprochement Xi-Poutine**’. Английский вариант выглядит следующим образом: ‘**Macron tries to convince Xi not to go all-in with Putin**’. Мы можем наблюдать изменение структуры предложения, опущение его смысловых частей в виде словосочетания ‘À Pékin’, а также выбор других по смыслу слов, усиливающих значение исходного сообщения. Обратимся также к случаю применения этой трансформации в переводе заголовка на русский язык. Французское сообщение ‘**En Occident, ces inégalités dont les hommes sont victimes**’ на русском языке выглядит так: «**От какого неравенства страдают мужчины на Западе?**». Данный пример иллюстрирует изменение оригинального сообщения в виде повествовательного предложения на вопросительное в русском заголовке.

К приему замены обращаются в 8% случаях в русском переводе заголовков и в 4% случаев — в английском. Например, французское словосочетание ‘Guerre en Ukraine’ в переводе на русский язык заменяется на схожее по значению выражение «украинский конфликт». Данное явление можно проследить на этом примере: французский заголовок ‘**Guerre en Ukraine: les États-Unis doivent cesser «d’encourager» le conflit, déclare Lula en Chine**’ в переводе выглядит так — «**Украинский конфликт: пусть США перестанут «поджуживать» обе стороны, говорит Лула перед визитом в Россию**». В свою очередь, при переводе французского заголовка на английский язык было зафиксировано следующее применение данного приема: французский фрагмент ‘**l’écrivain nationaliste**’ в английском заголовке преобразовали в ‘**pro-war Russian writer**’. Пример — ‘**Russie: l’écrivain nationaliste Zakhar Prilepine blessé dans une «explosion», un suspect arrêté**’ и ‘**Car bomb injures pro-war Russian writer who called for cultural purge**’.

Применение конкретизации также варьируется: в русских заголовках — 5%, в английских — 10%. Мы связываем это с тем, что английские заголовки рассчитаны на более широкую публику, поскольку на данном языке говорит намного больше людей по сравнению с русским и французским языками, в связи с этим переводчикам приходится сужать значение некоторых слов, выражений или вовсе уточнять происходящее введением новой информации для ее большего понимания со стороны реципиентов. Последнее явление наиболее удачно демонстрирует данный французский заголовок — ‘**Chrétiens d’Orient, ces mots nous feraient-ils peur?**’. В английском переводе он выглядит так: ‘**Persecution of Christians ‘coming close to genocide’ in Middle East**’. Французское выражение «восточные христиане» было конкретизировано английским «христиане на Ближнем Востоке», что сужает описываемую в статье географию события. Благодаря применению этого приема, читатель может предположить, что речь пойдет не о христианах Восточной Европы, а о Пакистане, который также иногда относят к странам Ближнего Востока.

Генерализация — прием противоположный конкретизации. Его смысл заключается в обобщении и переходе от узкого зна-

чения понятия к более широкому. В русском переводе его используют в 2% случаях, в английском — в 4%. Например, французский заголовок *‘Les agriculteurs d’Europe de l’Est victimes de l’afflux doublé ukrainien’* в переводе на английский выглядит так: *‘Influx of Ukrainian grain leaves EU farmers in crisis’*. Французское выражение «фермеры Восточной Европы» в английском переводе было преобразовано в «фермеры Европейского союза», более широкое по значению понятие. Мы объясняем применение данной трансформации следующим образом: Франция — страна, входящая в состав Европейского союза, поэтому для нее важно отметить, что событие происходит в Восточной Европе. Для Великобритании это не столь значительный фактор, поскольку не так давно она вышла из союза европейских стран и больше к ним не относится. Подобная генерализация произошла и при переводе этого заголовка — *‘Guerre en Ukraine: Xi enverra une delegation chinoise à Kiev, Zelensky nomme un ambassadeur à Pékin’*. В его русском аналоге «*Кумай* отправит делегацию на Украину для поиска «политического урегулирования» конфликта» мы можем наблюдать как французское «Си», являющееся именем председателя КНР, меняется на «Китай».

Экспликация предстаёт в виде описательного перевода и используется для передачи незнакомых и малознакомых реалий. В случае, если эквивалент не может быть найден, переводчику необходимо дать свое определение, дополняя его поясняющей информацией. В русских заголовках применение данного приема равняется 1%, в английском языке его используют немного чаще (3%). Применение экспликации в нашем случае было несколько нетрадиционным, во многом данная трансформация играла роль поясняющего фактора. Например, *‘Poutine rapproche la menace nucléaire de l’Union européenne’*. Английский аналог — *‘Russia’s Putin issues new nuclear warnings to West’*, где переводчики решили подчеркнуть, что Путин является прези-

дентом России. Более развернутый вариант использования экспликации мы можем наблюдать на примере этих заголовков: *‘Emmanuel Todd: La Troisième Guerre mondiale a commencé’* и *‘The Third World War has already begun’*, says French historian *Emmanuel Todd*. В английском варианте переводчики дали небольшое пояснение, что Эммануэль Тодд является французским историком.

Проанализировав основные существующие приемы перевода, мы можем говорить о том, что одни и те же французские заголовки переводятся на другие языки по-разному: использование трансформаций варьируется в зависимости от переводимого языка. Для перевода газетных заголовков на русский язык переводчики чаще обращаются к приемам опущения, компенсации и калькирования. Английские заголовки, наоборот, в основном переводятся с помощью модуляции, опущения, калькирования и конкретизации.

Если применение калькирования и опущения в обоих случаях понятно, так как некоторые рассматриваемые нами заголовки аналогичны оригиналу, то частота использования других трансформаций вызывает особый интерес. Во многом это связано с тем, что исследуемые нами языки отличаются друг от друга грамматически и лексически. Не совпадают способы передачи значения времени, темы и ремы внутри предложения или некорректно использование в переводе слов, заявленных в оригинале. На ряду с этим некоторые упомянутые в сообщении явления требуют внедрения большего количества слов, поскольку они не знакомы или не понятны соотечественнику.

В заключение мы хотели бы отметить, что переводчику необходимо обладать богатыми знаниями о культуре и реалиях переводимого языка, а также о предмете повествования, в ином случае — почувствовать и передать задумку автора статьи не представится возможным и перевод получится неудачным.

Литература:

1. Алексеева И. С. Текст и перевод. Вопросы теории. — М.: Междунар. Отношения, 2008. — 184 с.
2. Карапетова Е. Г. Сегментированный газетный заголовок: особенности структуры и перевода / Е. Г. Карапетова // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам: материалы XI Международной научной конференции, посвященной 96-летию образования Белорусского государственного университета, Минск, 25 октября 2017 года. — Минск: Белорусский государственный университет, 2017. — С. 55–56. — EDN YJPVEM.
3. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учебник для институтов и факультетов иностранных языков / В. Н. Комиссаров. — М.: Высш. шк., 1990. — 253 с.
4. Лурия, А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия; под ред. Е. Д. Хомской. — М.: Моск. ун-та, 1979. — 320 с.
5. Лютая А. А. Информативность современного газетного заголовка и его прагматические возможности / А. А. Лютая // Аксиологическая лингвистика: проблемы теории речевых жанров, лингвогендсологии и стилистики: сб. науч. тр. / под ред. Н. А. Красавского. — Волгоград, 2008.
6. Фоменко Л. Н., Спицина С. С. Особенности газетных заголовков в англо-американской прессе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 4. — [Электронный ресурс]. — <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-gazetnyh-zagolovkov-v-anglo-amerikanskoy-pressе> (дата обращения: 30.03.2023)

Когнитивное моделирование семантики пословиц про обувь в русском и китайском языках

Коверсун Александра Сергеевна, студент;
Абдуллаева Фатима Эйвазовна, кандидат филологических наук, доцент
Кемеровский государственный университет

В данной статье мы рассмотрим значение пословиц с компонентами категории «обувь», а также проведем эксперимент и последующий анализ полученных материалов, позволяющий выделить тождественные и различные стороны языковой картины мира представителей разных лингвокультур.

Ключевые слова: языковая картина мира, категоризация, когнитивная лингвистика, ассоциативный эксперимент, лингвокультура.

Современная лингвистика сосредоточена на антропоцентрической парадигме, то есть рассматривает язык через призму говорящего, учитывая его культуру, имеющиеся у него фоновые знания, социальные установки и знания о мире в целом, которые структурируются и передаются посредством языка. Пословицы являются отражением языковой картины мира и коллективного народного опыта, они сохраняют духовные знания и ценностные ориентиры, учувствуют в формировании этнического самосознания, в их семантике отражен длительный процесс развития культуры, зарождения стереотипов и установок, передающихся через поколения. Обувь, в свою очередь, является неотъемлемой частью быта, потому данный фрейм активно функционирует в языковом сознании людей. Наименования предметов одежды, в том числе обуви, приобретают дополнительную символическую нагрузку, являясь исторически значимой составляющей для представителей того или иного культурного сообщества. Выявление и сопоставительный анализ особенностей фрейма «обувь» и пословиц с данным компонентом в русском и китайском языках позволит определить общие и различные черты их семантики, а также особенности языковой картины мира носителей данных языков.

Перед проведением ассоциативного анализа предварительно были рассмотрены 50 пословиц русского и 50 пословиц китайского языка, содержащие наименования обуви или элементы данной категории в своем составе. Сопоставительный анализ позволил выделить семь тематических групп: «богатство», «бедность», «ложь», «товарищество», «приспособленчество», «труд» и «щегольство». Доминирующими в количественном соотношении являются группы: «богатство», «бедность», «ложь». В данной статье мы подробнее рассмотрим материалы, полученные в результате исследования трёх данных категорий.

При предварительном рассмотрении материала исследования, были выявлены лексемы-наименования обуви, отражающие семантику пословиц выделенных тематических групп. Таким образом, в результате анализа было установлено, что в пословицах тематической группы «богатство» в русском языке наиболее часто употребляется лексема «сапоги», а в китайском языке, в свою очередь, значение «богатство» транслируется через лексему 鞋xié, являющуюся собирательным определением, означающим «обувь», а также, наиболее часто, тематика «богатство» транслируется в китайских пословицах от обратного, то есть используются описания избавления от

лексем-наименований, олицетворяющих бедность. К таким лексемам в китайском языке относятся 草鞋 cǎoxié — это устаревший вид сандалий, создававшихся процессом плетения их из соломы, а также 芒鞋 mángxié дословно означающее «сандалии из травы», что является просторечным наименованием упомянутого ранее вида обуви 草鞋 cǎoxié «соломенные сандалии», наиболее частотной, тем не менее, является лексема-собирательное название категории «обувь» — 鞋xié. В русских пословицах категории «бедность» наиболее частотным оказалось наименование обуви «лапти», более того, других вариантов лексем, транслирующих данную тематику, выявлено не было. Лексемами, транслирующими значение последней категории — «ложь», в китайском языке оказались: 鞋xié «обувь», то есть собирательное определение, встречающееся, как можно заметить, в каждой из категорий, данная лексическая единица является универсальной, а специфической лексемой данной категории оказалась 靴xié «сапог». В русском языке, в свою очередь, наиболее частотными лексемами данной категории являются «валенки» и «лапти» в относительно равном количественном соотношении.

Соответственно, совпадений среди лексем в двух языках, транслирующих общие значения — не выделено.

Для проведения эксперимента были выделены по одной пословице от каждого языка из каждой выделенной тематической группы. Для оценки восприятия семантики выделенных пословиц представителями различных лингвокультур, был проведен ассоциативный эксперимент. Информантами выступали по 15 носителей русского и китайского языков в возрастной категории от 19 до 25 лет, являющиеся студентами высших учебных заведений разных университетов, базирующихся в Китае и России. Испытуемым-носителям китайского языка были предложены 7 русских пословиц, дословно переведенных на китайский язык. Русскоязычным информантам, напротив, были предоставлены 7 китайских пословиц в дословном переводе на русский язык. От реципиентов обеих языковых групп требовалось описать собственное представление, предположение о значении предлагаемых пословиц.

В результате проведенного эксперимента, на китайскую пословицу «Сбросить соломенные сандалии» из тематической группы «богатство» были предложены следующие ассоциаты носителями русского языка (в скобках указано количество реципиентов, предложивших данный ответ): *избавиться от ко-го-то/чего-то ненадежного/неприятного* (6), *разбогатеть* (3),

избавиться от ответственности (1), умереть (1), заняться серьезным делом (1), отдыхать (1), заменить что-то некачественное (1), забыть неудачи и двигаться дальше (1). Соответственно, лишь 3 из 15 опрошенных выдвинули предположение, тождественное реальному значению пословицы. При этом, можно сделать вывод, что для большинства русскоязычных информантов лексема 草鞋 sāoxié «соломенные сандалии» ассоциируется с чем-либо ненадежным/неприятным. Среди ассоциаций, связанных с пословицей «Короткое платье, маленькая обувь» тематической группы «бедность», встречаются следующие: неподобающий внешний вид (4), бедность (2), примерная девушка (2), детство/ребячество (2), жадность (1), взросление (1), 3 из опрошенных не смогли выдвинуть предположений, 2 из 15 верно определили семантику пословицы. При этом, наиболее частотной ассоциацией у русскоязычных респондентов оказалась «неподобающий внешний вид». В качестве китайской пословицы в последней из рассматриваемых нами категорий — «ложь» была предложена «Чесать ногу через сапог». Информантами были выдвинуты следующие предполагаемые значения: делать что-то бессмысленное (8), лениться (4), усложнять что-либо (2), делать невозможное (1). Ни один из опрошенных не представил правильного определения, для большинства русскоязычных респондентов данная пословица ассоциируется с выполнением бессмысленных задач. Таким образом, можно заметить, что представление русскоязычных информантов, в абсолютном большинстве случаев, отличаются от реальных смыслов, заложенных в пословицы китайской лингвокультуры.

Опрос носителей китайского языка показал следующие результаты. Пословица «Не лаптем щи хлебаем» тематической группы «богатство» вызвала следующие ассоциации у респондентов: использовать неправильные методы (7), усложнять задачу (1), обращать внимание на что-то неважное (1), не заниматься бесполезным делом (1), придерживаться цели (1), соблюдать правила (1), недооценивать кого-то (1), быть осторожным (1), не работать как попало (1). Ни один из информантов не дал верного определения пословицы, многие также отметили, что обувь под названием «лапти» им неизвестна, в следствии различий в лингвокультурном и историко-культурном фоне русских и китайцев. Соответственно, лексема «лапти» не вызывает у носителей китайского языка ассоциации

с «бедностью». Абсолютное большинство информантов выдвинуло предположение, связанное с использованием неправильных методов достижения цели. Второй пословицей, относящейся к тематической группе «бедность» стала пословица «Сапоги каши просят», которая породила следующие ассоциации: не работай на голодный желудок (4), абсурдный, нелогичный (2), хороший лидер ведет к хорошей жизни (1), дома будь беден — а в дороге денег не жалея (1), что-то требует починки (1), поторопиться и сделать неправильно (1). У 5 из 15 опрошенных данная пословица вызвала затруднение, они не смогли выдвинуть предположений о ее значении, а также ни один из опрошенных не дал верного определения значения пословицы. Большинство опрошенных связало данную пословицу с призывом не работать на голодный желудок. Это также может быть связано с важностью культуры питания для китайцев. Последней пословицей, результаты которой мы рассмотрим, будет пословица «Обули Филю в чертовы лапти» из тематической группы «ложь», респонденты-носители китайского языка выдвинули следующие предположения о ее значении: наказать (9), напугать (1), обрести всевидящее око (1), сильная привязанность к чему-то (1), поставить в затруднительное положение (1), капризничать (1), заставить работать (1). Абсолютное большинство респондентов увидело в данной пословице значение «наказать», не имеющее прямой связи с реальным значением. Опять же, как было упомянуто ранее, лексема «лапти» не известна представителям китайской лингвокультуры, потому и не вызывает тех же ассоциаций, что она вызывает у представителей русскоязычного общества.

Таким образом, результаты ассоциативного эксперимента показывают, что видение и представление о смысле пословиц чужой лингвокультуры, как правило, в абсолютном большинстве случаев является не тождественным реальному их значению. Осведомленность об этой стороне лингвокультурологии и понимание глубины различий в языковой картине мира носителей типологически разных языков, является важным для создания благоприятных условий межкультурной коммуникации и помогает избежать возможных коммуникативных неудач. В дальнейшем, данное исследование будет пополняться фактологическим материалом и привлечением большего числа информантов со стороны исследуемых языков.

Литература:

1. Абдуллаева, Ф.Э. Проявление эмотивности в семантике бионимов (на материале русского и китайского языков) / Ф.Э. Абдуллаева // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Т. 13, вып. 4. — 37–43 с.
2. Араева, Л. А. Языковая картина мира китайцев: на материале фрейма «семейство бобовых» / Л. А. Араева, В. А. Адамовская // Вестник Кыргызско-Российского Славянского ун-та. — Бишкек: Издательство КРСУ, 2017. — 82–85 с.
3. Готлиб, О. М. Китайско-русский фразеологический словарь / О. М. Готлиб, Му Хуаин. — Иркутск: ИГУ, 2019. — 596 с.
4. Воробьев, В. В. Лингвокультурология / В. В. Воробьев. — М.: РУДН, 2008. — 331 с.
5. Большой китайско-русский словарь. — Режим доступа: <https://bkr.info/>

Ценностный аспект лингвокультурного типажа «британский детектив»

Коновалова Елизавета Андреевна, преподаватель;
Марина Карина Ивановна, студент
Красноярский многопрофильный техникум имени В. П. Астафьева

В данной статье проанализирован ценностный аспект лингвокультурного типажа «британский детектив». Цель статьи: выявление доминирующих ценностных признаков ЛКТ «британский детектив» на основе анализа его языковых репрезентаций. Автор приходит к выводу, что персонаж Шерлок Холмс формирует образ англичанина для представителей других лингвокультур.

Ключевые слова: лингвокультурный типаж, ценностный аспект, контекстуальный анализ, ценностный образ.

Value aspect of the linguocultural type «british detective»

The value aspect of the linguocultural type «British detective» is analyzed in this article. The purpose of the article is to identify the dominant value attributes of the linguocultural type «British detective» based on the analysis of its linguistic representations. The author comes to the conclusion that the character of Sherlock Holmes forms the image of an Englishman for representatives of other linguistic cultures.

Keywords: a linguocultural type, value aspect, contextual analysis, value image.

Данное исследование посвящено выявлению и описанию ценностных характеристик лингвокультурного типажа «британский детектив» на основе сериала «Шерлок». Данный сериал снят по мотивам произведения «Приключения Шерлока Холмса» А. Конан-Дойля.

Проблема изучения лингвокультурных образов является актуальной темой исследования на современном этапе изучения лингвокультурологии и лингвоперсоналогии.

Актуальность данной работы обусловлена тем, что детектив представляет собой узнаваемый образ и позволяет увидеть некоторые существенные признаки ментальности.

Лингвокультурный типаж определяется как типизируемая личность, представитель определенной этносоциальной группы, узнаваемый по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации [2, с. 30].

Методика моделирования типажа основывается на выделении и описании понятийного, образного и ценностного аспектов.

Методика моделирования типажа основывается на выделении и описании понятийного, образного и ценностного аспектов, на основе которых будет описан ЛКТ «британский детектив».

Понятийная сторона представляет фиксированный набор языковых единиц. Анализ дефиниций не только толковых, но и синонимических и энциклопедических словарей позволяет выделить в семантической структуре слова компоненты содержательного плана, формирующие значение слова и выявляющие признаки типажа, закрепленные в сознании носителей языка.

Образная сторона — это невербальный компонент, так как в него входит все то, что человек воспринимает органами чувств. Для более удобного и точного отображения образного аспекта О. А. Дмитриева выделила следующие характеристики: внешний облик, одежда, возраст; гендерная принадлежность; происхождение и социальный статус; место жительства, среда оби-

тания, характер жилища; сфера/характер деятельности; досуг; семейное положение; окружение; речевые особенности [1, с. 18].

Ценностная сторона является центральной, так как непосредственно связана с исследованием культуры [2, с. 154]. Она отражается в характерных чертах лингвокультурного типажа, которые и помогают передать ценностные приоритеты определенной лингвокультуры.

В данной работе акцент сделан на ценностный аспект, на основе которого будет описан ЛКТ «британский детектив».

Для описания **ценностных установок** лингвокультурного типажа «британский детектив» был проведен контекстуальный анализ коммуникативных событий высказываний Шерлока Холмса.

Одной из главной ценностной характеристикой Шерлока Холмса является *настоящая дружба*. Известный детектив не обладает большим количеством друзей, поэтому он так ценит дружбу с Джоном Ватсоном.

(1) *I don't have friends, I've just got one (Sherlock, «His last vow»).*

У меня нет друзей, есть только один (Sherlock, «His last vow»).

Также важной ценностью для Шерлока Холмса является *самопожертвование*. Для спасения своих близких друзей от гибели, которая угрожала им от Джима Мориарти, Шерлок Холмс готов был умереть. Британский детектив всегда готов прийти на помощь своему окружению, даже если ему придется пожертвовать собой.

(2) — *Moriarty: Your friends will die if you don't.*

— *Holmes: John?*

— *M: Not just John. Everyone.*

— *H: Mrs. Hudson?*

— *M: Everyone.*

— *H: Lestrade?*

— *M: Three bullets, three gunmen, three victims. There's no stopping them now... unless my people see you jump (Sherlock, «His last vow»).*

— *He умрешь ты — умрут твои друзья.*

— *Джон?*

— Не только Джон. Все.
 — Миссис Хадсон?
 — Все.
 — Лестрейд?
 — Три пули, три стрелка, три жертвы. И ничто их теперь не остановит... Ну, разве что только, твой прыжок (Sherlock, «His last vow»).

Еще одной ценностной характеристикой рассматриваемого лингвокультурного типажа являются умственные способности. Шерлок Холмс ценит ум людей, хотя он не любит признавать, что кто-то умнее его. Детектив не терпит необразованных людей.

(3) *Dear God, what is it like in your funny little brains* (Sherlock, «A study in pink»)?

Боже мой! Что же происходит в вашем маленьком смешном мозгу (Sherlock, «A study in pink»)?

(4) *What's the point of being clever if you can't prove it* (Sherlock, «A study in pink»)?

Какой смысл быть умным, если ты не можешь этого доказать (Sherlock, «A study in pink»)?

Литература:

1. Дмитриева О. А. Лингвокультурные типажи России и Франции XIX века: автореф. дис... д-ра филол. наук: 10.02.20. Волгоград, 2007. 3 с.
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
3. «Sherlock» (the United Kingdom of Great Britain, реж. Mark Gatiss, Steven Moffat, 2010–2017).

Стилистические особенности заголовка современной прессы (на примере газет «Коммерсантъ» и «Ведомости»)

Кораблёв Вадим Сергеевич, студент магистратуры

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург)

В статье автор пытается определить стилистические особенности заголовков современной прессы, причины возникновения стилистических особенностей и функции, которые они выполняют.

Ключевые слова: стилистические функции, газетный заголовок, экспрессивность, характеристика заголовков.

Одна из ключевых особенностей газетной речи заключается в выразительности, экспрессивности, прегнантности высказывания. Все эти стилистические характеристики особенно выражены в газетном заголовке, так как одна из важнейших задач заголовка — привлечение внимания читателя. Также заголовки публикуемого материала имеют большое значение для раскрытия содержания газетного текста. В статье, на примере анализа заголовков за временной период с июня по декабрь 2018 года российской ежедневной общественно-политической газеты с усиленным деловым блоком — «Коммерсантъ» и старейшей газеты России «Ведомости», рассматриваются функции и особенности заголовков современной прессы.

Заголовок является важнейшей частью любого публикуемого газетного или журнального материала, так как он пред-

ставляет собой первое звено, на которое обращает внимание читатель, только взглянув на газету или журнал. На этом этапе заголовок общепринято выполняет функцию привлечения внимания читателя, возбуждение в нём интереса к прочтению материала. Особенно повышается значительность выразительно-экспрессивной функции газетного заголовка в условиях того, что в настоящее время среди средств массовой информации интернет, телевидение и радиовещание пользуются большей популярностью.

(5) *I don't eat when I'm working. Digesting slows me down* (Sherlock, «The blind banker»).

Не ем, пока работаю. Сытость отупляет (Sherlock, «The blind banker»).

(6) *Mrs. Hudson: Oh, I'm sure something will turn up. A nice murder. That'll cheer you up* (Sherlock, «The great game»).

О, я уверена, что-то подвернется. Хорошенькое убийство. Это поднимет тебе настроение (Sherlock, «The great game»).

В заключение можно сказать, что персонаж Шерлок Холмс не только дает представление об истинном детективе, но и формирует ценностный образ англичанина для представителей других лингвокультур: истинного ценителя дружбы, готового пойти на самопожертвование ради своих друзей, интеллектуала, человека, преданного работе. Данные ценности раскрывают англичан с другой стороны, с которой их не привыкли видеть представители других лингвокультур.

Многие исследователи проявляют большой интерес к изучению и анализу газетных заголовков. Многие выдающиеся учёные (Л. А. Коробова, И. В. Фоменко, Г. Г. Хазагеров, В. Г. Костомаров) изучают проблему взаимодействия заголовка с текстом и заголовка с читателем текста.

Актуальность статьи заключается в использовании в качестве примеров современного материала — издания газет «Коммерсантъ» и «Ведомости». В настоящее время газета уступает позицию некогда самого обширно-охватывающего аудиторию средства массовой информации. Данная ситуация привела к трансформации некоторых СМИ — так, многими издательствами создаются электронные варианты печатных изданий, которые и будут использоваться в статье в качестве практического материала. Кроме этого, можно также говорить об изменении внешнего вида публицистического материала — вместо консервативных и сдержанных заголовков появляются яркие, броские, «кричащие» заголовки. Именно новые черты газетного заголовка, на наш взгляд, являются типичной чертой современной публицистики, так как с их помощью происходит привлечение и удержание внимания читателя.

Целью данной статьи является анализ особенностей заголовков современной русскоязычной новостной газеты с деловым блоком, а также характеристика и выявление функций заголовков. Практическим материалом являются заголовки статей, отобранных методом сплошной выборки из электронных версий изданий газет «Коммерсантъ» и «Ведомости» (общее количество заголовков составляет 100 единиц каждой газеты).

Учёными определение «заголовков» трактуется по-разному. Долгое время лингвисты пытаются дать верное, строгое определение газетному заголовку.

Например, Л. А. Манькова даёт такое определение заголовку: «заголовок является компонентом текста, тесно связанным с другими компонентами этой системы. Он занимает стилистически сильную позицию, называет текст и даёт первоначальную информацию о нём. В позиции заголовка газеты употребляются различные синтаксические единицы: синтаксемы, словосочетания, предложения» [4].

В. Г. Костомаров рассматривает газетные заголовки как «особый жанр публицистической речи» и выделяет их главную специфику в «рекламной» функции [2].

И. А. Сыров выводит такое определение заголовка: «коммуникативная единица в позиции перед текстом, являющаяся его названием, имеющая синтаксическое оформление, прямо или косвенно указывающее на содержание текста и ограничивающее одно речевое высказывание от другого» [5].

Ю. А. Белова сформулировала понятие так: «Заголовок — это выделенный графически потенциально свернутый знак текста, выраженный вербальными и невербальными средствами языка, обладающий относительной автосемантической, являющийся абсолютно начальным, единым для всего текста элементом, который именуется или характеризует текст, прогнозирует содержание, интерпретирует текст, сообщая ему дополнительный смысл» [1].

Таким образом, обобщая все определения, можно сказать, что заголовок — это полноправный компонент газетного текста, входящий в него и связанный с другими компонентами текста. Он имеет важное значение, поскольку он является первым, что бросается читателю в глаза, что даёт первоначальное впечатление и возможно сразу же формирует мнение обо всей статье.

Структурно-функциональные особенности заголовка

Среди основных функций заголовка большинством исследователей (Л. А. Манькова, В. Г. Костомаров) выделяется информативная функция. Она понимается нами как способность заголовка в сжатом виде передать адресату основную информацию о содержании текста [3]. Общепринято именно эту функцию заголовка считать доминирующей у заголовков новостных текстов и наряду с краткостью и выразительностью относить её к основным критериям создания заголовков текстов данного жанра.

Примером реализации информативной функции можно считать заголовок «За Сергея Собянина отправились агитировать на самокатах и велосипедах» [Коммерсантъ 16.06.2018]

Следует указать на наличие тесной связи между информативной функцией заголовка текста и его синтаксической структурой. Анализ практического материала исследования показал, что наиболее информативными являются заголовки — повествовательные двусоставные предложения (таких заголовков более 70% исследуемого практического материала. Такого же мнения придерживается большинство учёных-лингвистов из участвующих особенности заголовков (В. Г. Костомаров). Такая конструкция применяется, например, в заглавии «Бедность пенсионеров подвергнется унификации» [Коммерсантъ, 22.06.2018]. Такое название содержит все основные смысловые элементы текста, успешно выполняет информативную функцию и легко воспринимается читателем.

Следующая немаловажная функция газетного заголовка — прагматическая. Эта функция понимается нами как способность заголовка производить необходимый эффект на читателя — удивить, удержать внимание, озадачить. Эту функцию следует воспринимать, как способность заголовка быть эмоционально окрашенным, выразительным и привлекательным для адресата. Э. А. Лазарева в своей работе «Заголовок в газете» отмечает распространенность многочисленных стилистических эффектов, направленных на усиление внимания аудитории. Прагматическая функция также нередко сопровождается использованием в заголовке различных стилистических приёмов, содержащих отрицательную или положительную окраску.

Наличие стилистически окрашенных слов можно проследить в заголовке «Правительство берёт груз болезней на себя» [Коммерсантъ, 21.06.2018]. Использование фразеологизма «брать на себя» и несопоставимость того, как правительство может быть связано с «грузом болезней» не может не привлечь внимание читателя и удивить его.

Говоря о прагматической функции заголовка, нельзя не упомянуть и рекламную функцию. Рекламная функция заголовка связана со стремлением автора настроить адресата на определенное восприятие публицистического текста. В качестве примера данной функции рассмотрим заголовок «Аэрофлот впервые удостоен престижной международной награды Business Traveller Awards» [Коммерсантъ, 16.10.2018 г.]. Данное заглавие отличает броскость, несмотря на его большую величину. Оно способно вызвать интерес у читателя, который объясняется, в первую очередь, благодаря новизне, которая вызывается стилистически окрашенным словом «впервые». Если опустить

это слово, то заголовок сразу же теряет свою привлекательность, так как слово «первые» создаёт ассоциативный ряд, связанный с возможными неожиданными подробностями, так как первые затрагивает какое-то событие.

Также газетные заголовки выполняют прогностическую функцию. Пример реализации такой функции можно проследить в этом заголовке «AliExpress поставит на точки» [Коммерсантъ, 18.06.2018]. Обычно прогностическая функция строится на принципе антиципации — «предопределение, предвосхищение, предугадывание событий. Данная функция связана со способностью заголовка создать благодаря стилистическим приёмам какой-то образ — проекцию текста, обеспечив таким образом «предпонимание» текста. Использование наименования бренда «AliExpress» в заголовке создаёт у читателя чувство антиципации того, что вероятнее всего в статье будет идти речь о чём-либо, связанном с компанией «AliExpress». Однако успешная реализация данной функции зависит не только от стилистически правильно составленного заголовка, но и от фоновых знаний — «бэкграунда» читателя, который является своеобразным ключом к пониманию всего текста.

Одной из характерных черт газетной экспрессии называют выразительность заголовков. Для всех заголовков характерен общий признак — максимальное воздействие на читателя. Давать броское, красивое, подходящее название своему материалу очень непросто. Стилистические особенности заголовков напрямую зависят от функций, выполняемых заголовком. Заглавия могут быть самыми различными, что наглядно показывает проведенный анализ заголовков газет «Коммерсантъ» и «Ведомости». Функции заголовков были определены исходя из того, какое воздействие они создают на рядового читателя. Анализ был проведён с целью того, чтобы, по нашему мнению, проследить какие функции преимущественно выполняет газетный заголовок в современных реалиях.

Результаты анализа не утверждают, например, абсолютное превосходство в употреблении информативной функции, так как почти все заголовки выполняют одновременно несколько функций, представляя собой смешение функций, и тяжело однозначно выделить какую-то одну из них. Тем не менее, по своей задаче воздействия на читателя, информативная и прагматическая функции являются ведущими функциями.

Также в результате анализа материала исследования были выделены несколько самых часто употребляемых лексико-стилистических средств, благодаря которым происходит усиление воздействия на читателя — метафоры, метонимии, перифразы. Такие

лексико-стилистические средства как разговорная и возвышенная лексика не употребляется в данных газетах из-за делового уклона в этих изданиях, что опять же говорит о вариативности употребления заголовков и их стилистических особенностях.

Наиболее часто употребляемой является метафора — около 20% от числа проанализированных заголовков. Например, «ЕГЭ улёгся в потолок» [Коммерсантъ от 25.06.18]. Метафора используется авторами как средство противопоставления стандарту. Средство привлечения внимания читателя. Именно метафора используется чаще всего в заголовках, функции которых — информативная и прагматическая.

Второй по частности была выделена перифраза — около 12% (от числа проанализированных заголовков). В качестве примера можно привести заголовок статьи — «Шестерка английской сборной» [Коммерсантъ от 25.06.18 г.] Авторы используют перифразы в заголовках, чтобы привлечь внимание, однако некоторые достаточно сложно декодировать из-за отсутствия необходимых фоновых знаний. С помощью перифразы авторы часто формируют определенное отношение читателей к тем или иным событиям в мире, давая положительную или негативную оценку в зависимости от стилистической окрашенности перифразы. Было выявлено, что чаще всего перифраза используется, чтобы выполнять прогностическую функцию заголовка, обеспечив таким образом «предпонимание» текста.

Метонимический перенос наименований употребляется примерно в 8% (от числа проанализированных заголовков). Например, заголовок «Россия проголосовала дверью» [Коммерсантъ от 12.07.18 г.] При использовании метонимического переноса заголовков становится образным, выразительным. Чаще всего используется метонимический перенос на основе пространственной смежности — перенос географического названия на название отдельных учреждений, расположенных и функционирующих в этом месте. Метонимический перенос равномерно выполняет все четыре основные функции — информативную, прагматическую, рекламную и прогностическую.

Таким образом, следует говорить о многообразии стилистических средств, используемых в заголовках, а также о том, что стилистическая окрашенность заголовка может зависеть от выполняемой им функции. Анализ же практического материала выявил определенную закономерность использования стилистических средств в зависимости от функции заголовков. Так, например, для реализации прагматической функции используется метафора, перифраз используется преимущественно — для реализации прогностической функции.

Литература:

1. Белова Ю. А. Смысл газетного заголовка: трудности интерпретации // Вестник Башкирского университета. — 2013. — Т. 18, № 3. — 3с.
2. Костомаров В. Г. Из наблюдений над языком газеты: газетные заголовки // Из опыта преподавания русского языка нерусским. — М.: Мысль, 1965. — 241с.
3. Лазарева Э. А. Заголовок в газете. — Свердловск: Изд-во УрГУ, 1989. — 94 с.
4. Манькова Л. А. Лингвистическая типология газетных заголовков (90-е годы XX века): Дис. ... канд. филолог. наук / Л. А. Манькова. — Симферополь, 2000. — 192 с.
5. Сыров И. А. Функционально-семантическая классификация заглавий и их роль в организации текста // Филологические науки. — 2002. — 116 с.

Теоретические проблемы исследования концепта «горец»

Курдугова Мария Хусеновна, студент магистратуры;
Табаксоева Ирина Рамазановна, кандидат филологических наук, доцент
Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова (г. Нальчик)

Ключевые слова: концепт, типаж, лингвистика, лингвокультурология, языковая личность.

Рассмотрение концепта «горец» в контексте антропоцентрической лингвистики, определение динамики его структурно-семантического содержания обуславливает обращение к терминам и понятиям, представляющимся релевантными для данного исследования, в частности, к терминам «концепт», «лингвокультурный типаж».

Не вдаваясь в подробный анализ термина «концепт», отметим, что в лингвистике концепт функционирует как единица той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека (Е. С. Кубрякова). Принимая во внимание направленность настоящей работы, предполагающую определение изменений лингвокультурного поля концепта «горец», необходимо исходить из понимания того, что концепт представляет собой вербализованный символический образ идеального понятия, отражающий ментальное представление носителей языка об объекте действительности, определяющееся системой традиций данной культуры (З. Х. Бижева), как единица коллективного сознания, отражающая предмет реального или идеального мира, хранящаяся в национальной памяти носителей языка в виде познанного субстрата (А. П. Бабушкин).

На современном этапе статус концепта сводится к его функции быть носителем и способом передачи смысла, к способности хранить знания о мире, способствуя обработке субъективного опыта путем подведения информации под определенные выработанные обществом категории и классы [Краткий словарь когнитивных терминов, 90].

По мнению Ю. С. Степанова концепты выступают своеобразными ячейками этнокультурной среды в ментальном мире человека и предстают как «сгустки культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека...то, посредством чего человек...сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов 2001: 43].

Структура концепта, согласно рассуждениям Ю. С. Степанова, включает в себя следующие компоненты: 1) основной, актуальный признак; 2) дополнительный, или несколько дополнительных, «пассивных» признаков, являющихся уже неактуальными, «историческими»; 3) внутреннюю форму, обычно вовсе не осознаваемую, запечатленную во внешней, словесной форме [Степанов 2001: 47].

Лингвокультурное поле концепта «горец» представляется репрезентантом типизированной личности, что мотивирует обращение к понятию «лингвокультурный типаж».

В последние десятилетия в центре внимания лингвистов, занимавшихся изучением концептов, оказывается типизируемая личность, что предопределяет становление нового направления в науке о языке — лингвоперсонологии, концепция которой

была разработана В. П. Нерознаком [Нерознак 1996, 2005]. Теория лингвокультурных типажей как разновидностей концепта получает развитие в работах В. И. Карасика, О. А. Дмитриевой, Н. Д. Голева, Е. В. Дзюбы, Е. А. Дженковой и др.

Развитие лингвоконцептологии и лингвоперсонологии стало основой формирования нового лингвистического направления — теории лингвокультурных типажей и выделения концепта типизируемой личности. По мнению В. И. Карасика, лингвокультурный типаж — «это типизируемая личность, представитель определенной этносоциальной группы, узнаваемый по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации» [Аксиологическая лингвистика 2005: 310]. Являясь разновидностью концепта, типаж также предполагает его характеристику с понятийной, образно-перцептивной и оценочной сторон.

Любой лингвокультурный типаж

- 1) типизирует определенную языковую личность;
- 2) отражает ее значимость в культуре;
- 3) содержит ценностный компонент;
- 4) ассоциируется с конкретным индивидуумом и / или образом литературного произведения и также с лингвокультурологическим, социолингвистическим и этнопсихолингвистическим описанием языковой личности.

О. А. Дмитриева подчеркивает, что «лингвокультурный типаж» коррелирует с такими понятиями лингвоперсонологии, как: «архетип», «языковая личность», «модельная личность», «речевой портрет», «роль», «персонаж», «амплуа», «имидж», «стереотип» [Дмитриева 2007]. Для того чтобы определить понятийную область и границы понятия «лингвокультурный типаж», сопоставим его с некоторыми смежными понятиями.

Языковая личность

В отечественной филологии понятие «языковая личность» сформировалось еще в 1930-х годах в трудах В. В. Виноградова [Виноградов 1930] и Л. Вайсгерберера [Вайсгербер 1993]. Однако осмысление понятия происходит гораздо позже. К 1980-м годам относится определение языковой личности, присутствующее в докторском исследовании «Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов» и работах Г. И. Богина. В частности, в них утверждалось, что это «человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые поступки» и что «языковая личность характеризуется не столько тем, что она знает о языке, сколько тем, что она может с языком делать» [Богин 1980: 3].

Полипарадигмальный подход к описанию национальной языковой личности заложен в трудах Ю. Н. Караулова 70–80-х

годов и созданная на этом фундаменте теория языковой личности объединили представителей едва ли не всех гуманитарных дисциплин, включая этнопсихолингвистику, лингвокультурологию, лингводидактику, социолингвистику и некоторые др. Согласно определению Ю. Н. Караулова, языковая личность — «это совокупность (и результат реализации) способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов), различающихся а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности и в) определенной целевой направленностью. <...> многослойный и многокомпонентный набор языковых способно-

стей, умений, готовностей к осуществлению речевых поступков в разной степени сложности, поступков, которые классифицируются по видам речевой деятельности (аудирование, говорение, чтение, письмо) и по уровням языка» [Караулов 2007: 29].

Таким образом, структура языковой личности рассматривается на трех уровнях: вербально-семантическом (обыденное владение носителем естественным языком); когнитивном (единицами данного уровня являются понятия, идеи, концепты, отдельного индивидуума, формирующие его личную систематизированную «картину мира») и прагматическом (цели, мотивы, интересы и установки языковой личности) [там же: 5].

Литература:

1. Алефиренко Н. Ф. Фразеологические логотипы: архетипы и символы // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 13.
2. Бижева З. Х. Язык и культура. — Нальчик: Каб.-Балк. ун.-т., 2000.
3. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. — 2001.
4. Нерознак В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Сб. науч. трудов Моск. гос. лингв. ун-та. Вып. № 2426. Язык. Поэтика. Перевод. — М., 1996.
5. Нерознак В. П. Языковая личность / В. П. Нерознак, И. И. Халеева // Эффективная коммуникация: история, теория, практика: словарь-справочник / под ред. М. И. Панова. — М., 2005.
6. Дмитриева О. А. Лингвокультурные типы России и Франции XIX века: автореф. дис... д-ра филол. наук. — Волгоград: Волгогр. гос. пед. ун-т, 2007.
7. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ / URSS, 2007.
8. Караулов Ю. Н. Языковая личность // Русский язык. Энциклопедия. — М., 1997.

Сравнительно-сопоставительный анализ лингвокультурных типов «модельный (идеальный) горец», «классический горец», «современный горец»

Курдугова Мария Хусеновна, студент магистратуры;
Табаксоева Ирина Рамазановна, кандидат филологических наук, доцент
Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова (г. Нальчик)

Ключевые слова: концепт, типаж, лингвистика, лингвокультурология, языковая личность.

Лексема «горец» является этнонимом, производным от номинации со значением горного ландшафта. Словарные дефиниции позволяют сформулировать следующее определение горца: горец — житель горных районов (преимущественно Кавказа), абрек, гордый и самолюбивый человек. Лингвокультурологические поля типов «модельный/идеальный горец», «классический горец», «современный горец» позволяют выделить следующие характерные черты:

Место жительства связано с географией среды обитания исследуемых лингвокультурных типов. Модельная личность горца — Горы, Кавказ, Минги тау, Эльбрус, очаг, Большой дом (по Ёзден адет), высокогорье; классический горец — Горы, Кавказ, ущелье, высокогорье; современный горец — Горы, Кавказ, Эльбрус, города России, зарубежье.

Лексемы горец этимологически произошло от слова «горы», что обуславливает сходство в топонимическом наименовании **территории проживания** рассматриваемых типов.

Географические особенности не представляются тем фрагментом, в котором ярко прослеживается динамика концепта «горец». Природные особенности, свойственные горным районам, определяются их географическим местоположением (ветер, снег, водопад, льдина, лавина, холмы, долина, поляна).

Образ жизни типов горца определяется родоплеменными отношениями членов общества. Идеальный и классический горцы — представители рода, семьи, как правило, проживающие в селении. Место жительства современного горца имеет более широкие границы. Где бы ни проживал горец, его корни восходят к определенному ущелью.

Особенности места жительства горца передают эпитеты *родной, роскошный тихий, пустынный*, в которых подчеркивается эмоциональный отклик на родные места.

Образ деятельности. Модельная личность горца — военный, земледелие, ремесла, строительство жилищ, государственная деятельность. Следует отметить и этнически обуслов-

ленные мероприятия, связанные с разными этапами жизни (например, рождение ребенка, свадьбы и др.). Классический горец — земледелие, скотоводство, оружейное дело, кузнечное дело, а также воинская служба. Образ деятельности современного горца маркирован условиями жизни.

В данной характеристике типажей пересечения характерны для идеального и классического горца.

Внешний образ горца, атрибуты. Внешним прообразом современного горца является образ модельной и классической личности. Анализ фрагментов, репрезентирующих внешность горца, позволяет выделить следующие типичные характеристики портрета горца:

модельному и классическому типажам свойственна национальная традиционная одежда, национальные атрибуты;

современному типу свойственна одежда, соответствующая тенденциям в развитии мира моды.

Оценочные категории, применимые к внешнему виду модельной, классической и современной личности, не совпадают.

Окружение модельной, классической и современной личности горца обусловлено образом его жизни и этнокультурными особенностями. Он окружен членами семьи, родственниками, соседями. При этом подчеркивается иерархия половозрастных и статусно-ролевых отношений: старший / младший, мужчина/женщина, хозяин/гость, свой/чужой.

Устои и ценностные ориентиры поведения классического горца, характеристики его внутреннего мира

Нравственные ориентиры анализируемых лингвокультурных типажей в целом схожи.

Трепетное отношение имеют национально маркированные обычаи и традиции, атрибуты, одежда, представляющиеся соответствующему типу условием этнического самосознания и самоопределения. Особую значимость имеют нравственные ценности.

Анализ и систематизация языкового материала позволяет заключить, что концептуальные составляющие идеального и классического горца имеют пересечения, позволяющие говорить

о близости этих типажей. Достаточные сходства проявляются в нравственном микрополе макроконцептуального поля «горец».

Классический положительный типаж горца дополняют следующие отрицательные характеристики поведения: дерзость, лукавство, упрямство.

Универсальные характеристики и составляющие данных типажей дают основание полагать, что цельный лингвокультурный типаж «горец» — этнокультурная личность, в которой эксплицированы специфические, национально маркированные фрагменты культуры горских народов.

Различия нравственных ориентиров у модельного, классического типажей и современного типажа представляется обусловленным изменившимися условиями жизни, социального развития. Расширение культурных и пространственных границ вносит в систему ценностей современного типажа горца дополнительные смысловые оттенки.

Различия в основополагающих жизненных ценностях классического и современного горцев проецируют определённые недопонимания.

Религиозные взгляды идеального, классического, современного типажа совпадают. Не углубляясь в подробный анализ данной характеристики, отметим, что различия проявляются в формах и способах реализации стратегий религиозного дискурса.

Отношение к горцам: модельный типаж горца: положительное; классический типаж горца — как отрицательное, так и положительное; современный типаж горца — двойственное. Отношение определяет степень знакомства с культурой.

Несмотря на имеющиеся различия, рассматриваемые типы достаточно близки в понятийных, образных и ценностных характеристиках. Отмеченные различия не стирают в современной личности типичные характеристики, присущие модельному и классическому образам, что позволяет говорить об узнаваемости, яркости, знаковости, типичности современного горца. Эмоциональные реакции доказывают его этнокультурную значимость.

Литература:

1. Башиева с. К., Геляева А. И. Толерантность как лингвокультурная ценность // Известия Кабардино-Балкарского государственного университета. — Нальчик, 2011. Т. 1. № 2. — С. 71–74.
2. Башиева с. К., Геляева А. И., Мокаева И. Р. Концепт «толерантность» как составляющая нравственной категории «намыс» в северокавказском лингвокультурном пространстве // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Хетагурова, 2010, № 1. — С. 152–159.
3. Башиева с. К., Дохова З. Р., Шогенова М. Ч. Категория «намыс» как лингвокультурный маркер речевого портрета билингвальной языковой личности // «Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты» / Под ред. проф. А. А. Воровжитовой. — Сочи: РИО СГУТ и КД, 2013. № 18. — С. 28–31.
4. Башиева с. К., Шогенова М. Ч. Тенденции развития поликультурного и полилингвального образовательного пространства в полиэтнической Кабардино-Балкарской Республике // Полилингвальное образование как основа сохранения языкового наследия и культурного разнообразия человечества. Материалы II международной научной конференции. Владикавказ, 12–13 мая 2008 г. — Владикавказ, СОГПИ, 2008. — С. 20–23.
5. Бгажноков Б. Х. Адыгская этика. — Нальчик: Эль-фа, 1999, 96 с.
6. Бгажноков Б. Х. Основания гуманистической этнологии. — М.: Изд-во РУДН, 2003. — 272с.
7. Бижева З. Х. Язык и культура. — Нальчик: Каб.-Балк. ун.-т., 2000.
8. Нерознак В. П. Языковая личность / В. П. Нерознак, И. И. Халеева // Эффективная коммуникация: история, теория, практика: словарь-справочник / под ред. М. И. Панова. — М., 2005.

9. Дмитриева О. А. Лингвокультурные типы России и Франции XIX века: автореф. дис... д-ра филол. наук. — Волгоград: Волгогр. гос. пед. ун-т, 2007.

Конструирование индивидуального профиля публичной личности (на примере аккаунта Джордана Питерсона в социальной сети Facebook¹)

Леоненко Андрей Сергеевич, студент магистратуры
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

Статья посвящена изучению конструирования индивидуального профиля, создаваемого пользователем в социальной сети в Интернете. В ней выявляются, анализируются и систематизируются используемые для этого языковые и дискурсивные средства. В ходе исследования были выделены 4 направления деятельности Джордана Питерсона, которые получают свою дискурсивную репрезентацию и, как следствие, позволяют публичной личности транслировать собственные идеи и ценности: «инфлюенсер», «психолог», «предприниматель» и «человек, репрезентирующий себя».

Ключевые слова: индивидуальный профиль, публичная личность, Джордан Питерсон, медиаресурс, медиадискурс, социальная сеть.

Ежедневно в мире возникают события различного масштаба. Некоторые люди благодаря публичной деятельности вместе с активным продвижением идей и ценностей обретают популярность. Их путь и стремления являются примером факторов, от которых зависит успех взаимодействия с аудиторией.

Благодаря развитию электронных технологий человечество осваивает новые форматы коммуникации и трансляции собственного мнения. С появлением сети интернет-коммуникация с массовой аудиторией стала быстрой и низкочастотной. На сегодняшний день любой интернет-пользователь имеет доступ к интересующей информации, в том числе и к биографии известных личностей.

В современную эпоху люди активно используют социальные интернет-сети, представляющие многофункциональный инструмент, который помимо общения даёт возможность транслировать собственную гражданскую позицию, высказываться относительно общественных проблем или делиться впечатлениями о повседневной жизни с широкой публикой. Это во многом объясняет активное использование подобных ресурсов учёными, политиками, музыкантами, философами и многими другими, с целью популяризации собственной персоны.

Деятельность публичных личностей, как правило, обсуждается широким кругом людей, что является показателем заинтересованности публики. Соответственно, особый научный интерес вызывают особенности дискурсивного взаимодействия известных личностей с широкой аудиторией.

Целью данного исследования является выявление и анализ языковых средств и дискурсивных единиц конструирования индивидуального профиля в социальной интернет-сети одной из известных мировых персон — канадского психолога, профессора и блогера Джордана Питерсона.

В качестве основного метода исследования выступает дискурсивный анализ [6, с. 110], с помощью которого анализируются текстуальный и контекстуальный уровни репрезентации публичной личности. Семантический анализ [5, с. 10] задействован для выявления эксплицитно выраженной информации, транслируемой автором. При работе с графическим материалом используется мультимодальный анализ [1, с. 35]. Метод классификации необходим для систематизации направлений активности Джордана Питерсона.

Джордан Питерсон, как и большинство публичных личностей, имеет индивидуальные профили в различных социальных интернет-сетях, собственные сайты и блоги. Являясь инструментами работы с информацией в электронной среде, подобные ресурсы входят в состав медиа. Согласно И. М. Дзялошинскому, медиа «это не только средства массовой коммуникации (пресса, телевидение, радио, Интернет-СМИ), но и пользовательские «новые медиа» (блоги, социальные сети, сайты и порталы), а также все технические средства производства, передачи, восприятия и потребления информации (смартфоны, ноутбуки и т.д.)» [2, с. 24]. Подобные явления предоставляют широкий спектр инструментов, с помощью которых пользователи могут работать с информацией в различных форматах.

Самыми популярными медиа на сегодняшний день являются социальные интернет-сети. По своей жанровой специфике социальная интернет-сеть — это «жанр персонального интернет-дискурса, обеспечивающий преимущественно фатическое общение между языковыми личностями» [10, с. 199].

¹ Социальная интернет-сеть Facebook признана экстремистской на территории Российской Федерации. В данной работе использованы материалы, которые были собраны до решения Тверского суда Москвы от 21 марта 2022 года.

По мнению Н.Б. Эллисон, такие социальные сети, как *Facebook* «представляют собой идеальный способ для быстрого общения и поддержания контакта с большим количеством других пользователей при низких ресурсных затратах, т.к. данный тип медиаресурса обеспечивает взаимодействие через различные каналы связи и широкое распространение сообщений»² [12, с. 874].

Продуктом деятельности в медиа и социальных сетях, в частности, становится медиадискурс. По мнению Т.Г. Добросклонской, медиадискурс представляет собой «совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия» [4, с. 21]. Н.Н. Оломская вводит в научный обиход понятие «медиапространство», описывая данное явление как «среду, в которой существует медиадискурс в широком его понимании» [8, с. 252].

Медиадискурс включает в себя понятие «медiateкст», который является его важной частью. Медiateкст представляет собой «актуализированное в определённом медиаформате и объединённое общим смыслом последовательное сочетание знаковых единиц вербального и медийного уровней» [4, с. 33].

В процессе деятельности пользователем в социальной интернет-сети и публичной личностью, в частности, формируется индивидуальный профиль. Он характеризуется особенностями речемыслительной деятельности, которая, в свою очередь, индивидуальна у каждого человека. В данном случае внимание акцентируется на языковых конструкциях, которые указывают на коммуникативные роли пользователя, благодаря которым происходит конструирование индивидуального профиля.

Индивидуальный профиль пользователя социальных интернет-сетей отражает все признаки языковой личности, который, в свою очередь, представляет собой «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им текстов, которые различаются: степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, а также определенной целевой направленностью» [7, с. 245].

Н.С. Полева подчёркивает, что индивидуальный профиль пользователя социальной интернет-сети можно рассматривать не только как нарратив, но и как явление, в котором отражаются субъективные пространство и время, короткие отрезки жизни, складывающиеся в большие, что обеспечивает целостность идентичности человека / личности [9, с. 314].

Индивидуальный профиль Джордана Питерсона в социальной интернет-сети *Facebook* конструируется на его публичном профиле в рамках аккаунта *@drjordanpeterson*. На данный аккаунт, в котором Джордан Питерсон размещает ссылки на собственные подкасты и медиапродукты, а также публикует свои размышления, подписаны свыше полутора миллиона человек. Общее количество постов за выбранный для анализа период (2021 год) составляет 458. Среднее количество постов в месяц равно 37.

Для получения более подробной картины исследования было решено проанализировать все записи Джордана Питерсона в социальной интернет-сети *Facebook* за 2021 год. Удалось установить, что данная публичная личность представляет себя своей аудиторией в качестве инфлюенсера, психолога, предпринимателя и человека, репрезентирующего себя.

Выступая в коммуникативной роли инфлюенсера, Джордан Питерсон публикует короткие видеозаписи с обсуждениями вопросов различной направленности с одним и более собеседником. Во всех случаях автор публикует ссылку на полную запись на видеохостинге *YouTube*. В таких записях, как правило, используются языковые средства с семантикой призыва совершить определенное действие или задуматься о важных, по мнению автора, явлениях. В большинстве случаев это предложения с императивной модальностью. Например:

Пример	Перевод на русский язык	Интерпретация
— Don't remain in stasis	Не стойте на месте	призыв не стоять на месте, а действовать
— Get out there in the world	Выйди в мир	призыв к выходу из зоны комфорта
— Have your adventure	Найди своё приключение	мотивация разнообразить повседневный быт чем-то новым
— Clean up your bedroom	Приберись в комнате	мотивация начать что-то с малых действий

Например, одна из записей, в которой прослеживается коммуникативная роль «инфлюенсер» (*Which is more frightening? Action or inaction?* / Another clip from Chris Williamson's podcast — *Modern Wisdom*) (Что более пугающе? Действие или бездействие? / Ещё один отрывок из подкаста Криса Уильямса — *Современная Мудрость*) начинается с риторического вопроса к аудитории: *Which is more frightening?* (Что более пугающе?). Использование оценочного прилагательного (*frightening*) (пугающе) мотивирует обратить внимание на рассматриваемый вопрос [Oxford Dictionary, 2022]. Антитеза в предложении *Action or inaction?* (Действие или бездействие?) подчёркивает полярность аспектов обсуждаемой проблемы. Далее в посте представлен короткий ролик, в котором описана жизненная ситуация в контексте представленного высказывания, чем Джордан Питерсон подкрепляет свое мнение:

² Здесь и далее перевод наш. — А. А.

Пример	Перевод на русский язык
1 ↑ You are in this job you hate and it is 10 years from now	Вы находитесь на работе, которую ненавидите вот уже 10 лет
2 (..) How does that look? (..) Think about that	Каково это? Подумайте об этом
3 You already know (..) you are in a little hell	Вы уже давно поняли, что находитесь в маленьком аду
4 ↑ You know perfectly well it is going to get worse	Вы прекрасно понимаете, что в будущем станет только хуже
5 Which is more frightening? (..) Action or inaction?	Что более пугающе? Действие или бездействие?

С помощью данного видеосюжета автор подводит свою аудиторию к обсуждаемой теме, описывая возможную ситуацию в их жизни: *You are in this job you hate and it is 10 years from now*. Джордан Питерсон задаёт вопрос: *How does that look?* и подкрепляет вопрос фразой *Think about that*, призывая задуматься о собственной жизни.

Используя метафору во фразе *You already know you are in a little hell*, инфлюенсер сравнивает потенциально неприятную ситуацию для слушателя с адом, чем усиливает негативный эффект описываемых событий. В высказывании *You know perfectly well it is going to get worse* автор использует императивную модальность по отношению к слушателям с целью задуматься. Запись завершается повтором первых двух строк (*Which is more frightening? / Action or inaction?*), что позволяет инфлюенсеру еще раз привлечь внимание аудитории к серьезности принять индивидуальное решение по обсуждаемой проблеме. Использование автором высокого регистра речи и пауз позволяет усилить убедительный эффект высказываний.

Коммуникативная роль «психолог» представлена группой постов, в которых автор описывает особенности восприятия человеком определённых жизненных явлений, сопровождая каждую подобную запись собственной цитатой. В таких записях часто описываются ситуации, связанные с мыслительной деятельностью:

Пример	Перевод на русский язык	Интерпретация
— <i>People experience positive emotion in relationship to the pursuit of a valuable goal;</i>	Люди испытывают положительные эмоции при достижении важной цели	описание ситуации, вызывающей положительные эмоции
— <i>If you analyze that memory, you can determine</i>	Если вы проанализируете подобный опыт, то поймёте	выбор алгоритма процесса мышления
— <i>Anxiety isn't just an unpleasant psychological state</i>	Тревога не просто отрицательное психологическое состояние	комментирование одного из видов психологического состояния
— <i>Improve your ability to think by learning to write</i>	Улучшите свою способность мыслить, научившись писать	указание на письмо как один из способов улучшить мыслительные способности
— <i>IQ tests are the most reliable and valid measures</i>	IQ-тесты — самые надежные и достоверные измерения	оценка средств определения уровня интеллекта

Коммуникативная роль «психолог» ярко проявляется в записи, посвященной основной функции памяти:

Пример	Перевод на русский язык
People think that the purpose of memory is to remember the past. That's not the purpose of memory	Люди считают, что предназначение памяти — это помнить прошлое. Но это не так
The purpose of memory is to extract out, from the past, lessons to structure the future. That's the purpose of personal memory. So, you're done with a memory when you've extracted the information that you can use to guide yourself properly in the future	Предназначение памяти заключается в умении извлекать из прошлого уроки для построения будущего. Именно это цель личной памяти. Так, вы извлекаете информацию из памяти, которую можете использовать для правильного поведения в будущем
If you have a traumatic memory, for example, that's obsessing you, if you analyze that memory to the point where you figured out how you put yourself at risk, you can determine how you might avoid that in the future	Например, если у вас есть неприятное воспоминание, которое вас угнетает, то проанализировав его до того момента, когда определите причину, то сможете узнать, как избежать подобного в будущем
People don't really repress the things they don't want to face, they just fail to unpack them	Люди не могут избежать событий, с которыми потенциально не хотят сталкиваться просто из-за того, что не вспомнят о похожем опыте

Являясь учёным в области психологии, Джордан Питерсон в начале поста подчёркивает ошибочность представлений о главном предназначении памяти, указывая на причину данного заблуждения *People think that the purpose of memory is to remember the past. That's not the purpose of memory.* Автор описывает правильный, по его мнению, тезис, делая акцент на основной функции памяти (*The purpose of memory is to extract out, from the past, lessons to structure the future*), и приводит пример, как избежать получение болезненных воспоминаний в будущем (*If you have a traumatic memory, for example, that's obsessing you, if you analyze that memory to the point where you figured out how you put yourself at risk, you can determine how you might avoid that in the future*).

С помощью цитаты психолог описывает проблему многих людей — отсутствие навыка вспомнить и проанализировать негативный опыт прошлого для предотвращения неприятных ситуаций: *People don't really repress the things they don't want to face, they just fail to unpack them.* В конце цитаты Джордан Питерсон подчёркивает главную причину проблемы — *they just fail to unpack them.*

Коммуникативная роль «предприниматель» характерна для записей, в которых автор рекламирует собственную продукцию:

Пример	Перевод на русский язык	Интерпретация
— <i>Tickets are now available on my upcoming tour</i>	Билеты на мой будущий тур доступны сейчас	сообщение о начале продаж билетов на свои выступления
— <i>The «Hail Lobster» merchandise will only be available until Sunday</i>	Товары из серии «Хайль Лобстер» можно приобрести только до воскресенья	информирование о том, что определённый товар скоро будет недоступен для покупки
— <i>Click the link to purchase something from the store</i>	Нажмите на ссылку, чтобы купить что-нибудь в магазине	прямой призыв совершить покупку в магазине автора
— <i>Merch link: linktr.ee/HailLobster</i>	Ссылка на товар: linktr.ee/HailLobster	указание ссылки на собственный онлайн-магазин
— <i>Buy a limited edition «Hail Lobster»</i>	Купить лимитированную серию «Хайль Лобстер»	призыв купить эксклюзивный товар

Коммуникативная роль «предприниматель» получает дискурсивную репрезентацию в записи о продаже новой книги:

Пример	Перевод на русский язык
<i>Rule X from my new book Beyond Order: 12 More Rules for Life — Plan and work diligently to maintain the romance in your relationship</i>	Правило X из моей новой книги «За гранью порядка: еще 12 правил жизни» заранее планируйте и усердно работайте, чтобы сохранить романтику в ваших отношениях
Illustrated by Juliette Fogra	Проиллюстрировано Джульеттой Фогра
Pre-order at: https://www.jordanbpeterson.com/beyond-order-12-more-rules-for-life/	Сделайте предзаказ на: https://www.jordanbpeterson.com/beyond-order-12-more-rules-for-life/
See merchandise at: https://jordanbpeterson.teespring.com/	Посмотрите товары на: https://jordanbpeterson.teespring.com/

Используя словосочетание *my new book*, автор придаёт собственному продукту статус новизны и эксклюзивности, чем актуализирует внимание и одновременно уведомляет читателя. Глагол *to pre-order* обладает императивной модальностью призыва сделать предзаказ продукта на сайте, указание ссылки на ресурс подкрепляет интенцию предпринимателя реализовать продукт. *To see* также призывает перейти в онлайн-магазин. Наличие контактной информации подчёркивает намерения автора продать собственную продукцию.

Коммуникативная роль «человек, репрезентующий себя» представлена группой постов, в которых публикуются короткие записи с фотографиями о простых и обыденных вещах, происходящих в жизни автора. Соответственно, дискурс представлен описаниями повседневных ситуаций:

Пример	Перевод на русский язык	Интерпретация
— <i>With Bugzy Malone yesterday</i>	Был вчера с Багзи Мэлоун	упоминание имени человека, с которым автор встречался
— <i>We had a great time</i>	Мы прекрасно провели время	информирование читателей о хорошо проведённом времени
— <i>Where else? NYC!</i>	Где же еще? В Нью-Йорке!	указание на место события
— <i>Happy Father's Day</i>	С днём отца	поздравление читателей с праздником
— <i>Holding an Isaac Newton notebook</i>	Держу блокнот Исаака Ньютона	описание события на фотографии

Данная коммуникативная роль иллюстрируется одной из записей о личной поездке:

On the way to NYC to talk to the Penguin people... (Направляюсь в Нью-Йорк, чтобы поговорить с людьми из Пингвина...)

Рис. 1. Личная фотография Джордана Питерсона

Использование аббревиатуры NYC (*New York City*) указывает на неформальный стиль поста. Автор иронично называет сотрудников издательства «*Penguin Random House*», используя существительное неформального регистра *people*. На прикрепленной фотографии (рис. 1) изображен автор, который, судя по окружающей обстановке и наличию специальной техники для связи, находится в вертолёте. Мужчина держит телефон и смотрит в иллюминатор. Неформальность обстановки прослеживается в стиле одежды автора: джинсы, солнцезащитные очки.

Количественный анализ постов за 2021 год позволил получить следующие результаты (таблица 1):

Таблица 1

Коммуникативная роль	Количество постов	Доля от общего количества постов
Инфлюенсер	341	74.45%
Психолог	58	12.66%
Предприниматель	35	7.64%
Человек, репрезентующий себя	24	5.25%

Коммуникативная роль «инфлюенсер» представлена наибольшим количеством записей — 341. Коммуникативная роль «психолог» найдена в 58 постах. Роль «предприниматель» является основной в 35 записях, «человек, репрезентующий себя» — в 24 записях.

Таким образом, в основе медиаресурса социальных интернет-сетей лежит медиадискурс, в рамках которого пользователи взаимодействуют посредством медиатекста и тем самым формируют особое медиапространство. Публичные личности используют социальные интернет-сети не только как средство общения, но и как инструмент распространения информации на большую аудиторию. Благодаря подобным ресурсам известные люди конструируют свою личность в различных аспектах, связывая их с ведущими направлениями деятельности и собственными интересами. Виды деятельности могут варьироваться для достижения публичной личностью своих целей.

Джордан Питерсон предстаёт представлен перед читателями по большей части как инфлюенсер за счёт употребления языковых единиц с семантикой призыва совершить определенное действие или задуматься о значимых явлениях; психолог благодаря описанию особенностей восприятия человеком определённых жизненных явлений; предприниматель, так как использует глаголы с императивной модальностью чем продвигает собственную продукцию; в меньшей степени блоггер представляется как человек, репрезентующий себя, из-за использования неформального регистра при создании постов и демонстрации повседневных событий.

Перспективы дальнейшего исследования использования социальных интернет-сетей как инструмента собственной популяризации заключается в изучении применения подобных ресурсов в различных сферах деятельности (например, в политической, научной деятельности, искусстве и др.).

Литература:

1. Детинко Ю. И., Куликова Л. В. Политическая коммуникация: опыт мультимодального и критического дискурс-анализа: монография. Красноярск: Сибирский федеральный университет. — 2017. — 168 с.
2. Дзялошинский И. М. Медиа и информация: пространственный подход // Медийно-информационная грамотность в России: дорога в будущее. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Медиа- и информационная грамотность в информационном обществе». — Москва: МЦБС, 2014.
3. Добросклонская Т. Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — 2006. — Вып. 2. — С. 20–33.
4. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления — Москва: «КДУ», «Добросвет», 2020. — 178 с.
5. Емельяненко А. В. Моделирование индивидуального сознания в психосемантическом исследовании: монография. Ульяновск: УлГУ, — 2017. — 148 с.
6. Ерофеева И. В. и др. Лингвокультурологическое моделирование медиатекста: монография. Чита: ЗабГУ, — 2017. — 202 с.
7. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — Москва: ЛКИ, 2009. — 264 с.
8. Оломская Н. Н. К вопросу о жанровой классификации медиадискурса // Научный диалог. Серия: Филология. — 2013. — Вып. 5. — С. 250–259.
9. Полева Н. С. Профиль пользователя социальной сети как виртуальная модель психологического хронотопа // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека. — Москва: Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Государственный социально-гуманитарный университет», 2018. — С. 313–317.
10. Сидорова И. Г. Персональный интернет-дискурс: параметры жанровых форматов // HOMO LOQUENS (Вопросы лингвистики и транслятологии). Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2016. — С. 196–204.
11. Definition of frightening adjective from the Oxford Advanced Learner's Dictionary // Oxford Learner's Dictionaries — URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/frightening?q=frightening>
12. Ellison N. B., Steinfield C., & Lampe C. Connection strategies: Social capital implications of Facebook-enabled communication practices // New Media & Society, 2011. — Vol. 13 (6). — P. 873–892. DOI: <https://doi.org/10.1177/146144481038538>. — URL: https://www.researchgate.net/publication/258173687_Connection_Strategies_Social_Capital_Implications_of_Facebook-Enabled_Communication_Practices

Metaphor as a Means of Understanding Writer's Creativity (the case of S. King and V. Pelevin)

Lyubimova Arina Alekseevna, student;
Putrya Mayya Sergeevna, student
National Research University «Higher School of Economics» (Moscow)

The concept of creativity within the framework of metaphor studies has been subject to a number of investigations. The purpose of this article is to study the way fiction authors reflect on the concept of creativity via meta discursive prose and interviews. For the empirical part of the study two authors were selected: Victor Pelevin (Russia) and Steven King (USA). To fulfill the research objectives, content and comparative analysis were carried out in order to identify the most frequently used types of metaphors and the prevailing source domains they refer to in regard to the phenomenon of creative writing or the state of writer's block.

Keywords: conceptual metaphor, metaphor studies, creativity, creative writing, cultural dimensions, Steven King, Victor Pelevin

Creativity in all its forms and manifestations has long been subject to continuous research due to the fact that a driver or a source of novelty and innovation has no evident source of its own. A fundamental mechanism applied for creation of new products and an integral part of everyday human activity, creativity is often characterized through some rather abstract concepts (Aimable, 1996). The linguistic means applicable to the definition of creativity are quite scarce regardless of the language potential for the most vivid and detailed description. The reason for that is mainly

the specificity of scientific observations which cannot be conducted with the same success in the case of creativity. One can trace reactions, document the process, assess the results, but creativity is too much of an implicit and intangible entity to be examined the same way. Being a «still-to-be-unraveled» concept, creativity lacks the descriptive language means one could rely upon. This paper proposes a potential way to overcome this obstacle — conceptualizing creativity through figurative language, metaphors in particular.

The aim of the study is to analyze the way creativity is interpreted by fiction writers — those who professionally tame it — on the example of interview transcripts and meta discursive prose produced by Steven King and Victor Pelevin. The notion of meta discourse implies the type of prose where the author elaborates on the process of writing and elaborates on the background information. This empirical data was chosen as it somewhat resembles the method of introspection — a practice where the object and the subject of the study coincide, the person engaged in the process «looks inside themselves» and is capable to examine their cognitive processes from the first-hand perspective. The method is often criticized for its subjective nature yet some phenomena like creativity do not give the methodological freedom one would wish for. The authors chosen for the analysis — Steven King and Victor Pelevin — were selected for a number of reasons: shared literary aesthetic, comparable volumes of produced literature, affiliation to the modern writers. Steven King is known for the ornate language of his and the ingenious use of stylistic devices among which is metaphor while meaning that with him alone this research would be a justified endeavor. Nevertheless, Pelevin was added to the sampling for the sake of a hypothesis that the choice of metaphors, the prevailing types and the source domain could be conditioned by cultural background. To test this hypothesis the representatives of two often opposed cultures (USA and Russia) were chosen and subjected to consequent comparative analysis.

Speaking of the analysis conducted within the framework of this paper — to fulfill the objective of the study and provide a multi-faceted overview of the phenomenon a mixed method approach was implemented. The sources chosen for the study included 46 interviews with Victor Pelevin, 18 interviews with Steven King and his autobiographical book «On writing: A memoir of the craft» (2000).

The main tool during the first stage of the research was content analysis: the empirical material was thoroughly examined in search of metaphors and the accumulated data was organized into matrices. Afterwards, thematic analysis was performed to identify the types of metaphors, the most frequently encountered source domains and the general tendencies that could be traced in the way the writers self-reflected on the writing process. The envisioned results of the study were of both qualitative and quantitative nature so as to elaborate not only on the semantic aspect but also on the statistical component which required basic calculations: the total sum of metaphors discovered and the number of metaphors referring to the most popular source domains and types of metaphors.

The theoretical basis of this research consists of two major parts with the first one being dedicated to the approaches to studying metaphor and the second one taking into consideration creativity-related theories. A brief overview of the theoretical part is in order to provide the necessary background to the empirical findings.

The notion of metaphor dates back to ancient times and Aristotle who is considered to be the author of the first metaphor definitions. He called metaphor a «better version of simile» and did not quite distinguish the two. Furthermore, another stylistic device which became an autonomous entity only with the rise of conceptual metaphor theory (CMT) is analogy. The so-called traditional view implied that metaphor was a purely language property which did not overlap with cognition and could be easily removed due to its rather redundant nature. The functions of metaphor were down to the exclusively

aesthetical ones and did not consider it a valuable tool for knowledge acquisition. The neglect of cognitive components ended with Lakoff and Johnson proposing a new conceptual metaphor theory in the 1980s. The essence of it lies in understanding one conceptual domain through another. It revealed the fundamentally metaphoric nature of the conceptual systems people rely on in everyday life and stated that the functions of metaphor go far beyond the artistic ones — they structure the way people think.

At this point in metaphor's «career» the terminology of traditional view is replaced with a new one: tenor turns into target domain, vehicle — into source domain, ground becomes salient features. On the example of life is a journey metaphor these terms can be exemplified the following way: life is a target domain, the entity one is aiming to conceptualize; journey is a source domain, a tool with the help of which one is trying to conceptualize life; salient feature in that case is the duration of the endeavor, the obstacles one might face along the way, the final destination, etc.

Within the framework of CMT metaphors are classified into three types: structural, orientational and ontological. Structural metaphors follow the «A is B» or «to A is to B» logic. For example, life is war, anger is fire, love is a flower, etc. Orientational metaphors rely on spatial organization making a quality or phenomenon more or less intense given its orientation in space: up and down, front and back, in and out, etc. For instance, to feel up/down, to feel out of sorts, etc. Ontological metaphors are used to conceptualize experiences or intensify the description by making, for instance, inanimate objects or animals do something only humans are known for and vice versa: the clouds can cry, a person can crawl out of their apartment on a rainy day, a misfortune can knock on one's door, etc.

The final aspect to be addressed in CMT's regard is the cooperation of Lakoff, Johnson and Zoltán Kövecses in the early 2000s resulting in the concept of metaphorical competence. The notion deals with one's ability to produce and use original or unconventional metaphors and/or their linguistic manifestations (Kövecses, 2015).

Despite the overall prevalence of CMT in contemporary metaphor theory, another approach was introduced quite recently as a way to compensate for what CMT is lacking. Deliberate metaphor theory (DMT) introduced by Steen in 2008 takes into consideration the context in which the metaphorical utterance takes place and the factors influencing the choice of it. Within the framework of DMT metaphors are divided into deliberate and non-deliberate ones according to the assumption that some metaphors require cross-domain mapping and some do not. According to DMT, a «true» metaphor is the deliberate one as, presumably, the cognitive processes behind the creation process add validity to the figurative nature of the utterance.

Having looked through the metaphorical component of the theoretical part we are to move onto the creativity aspect. Defining the phenomenon has been a challenge ever since creativity became a subject of scientific research. The definitions varied from a trait that is most characteristic of creative people (Guilford, 1950) to the more exhaustive ones like «the production of novel, appropriate ideas in any realm of human activity, from science, to the arts, to education, to business, to everyday life» (Amabile, 1996). Some authors even came to a conclusion that the process of introducing something creative regardless of the applicability of its product can still be addressed as creativity (Drazin et al., 1999).

The way the approaches to understanding creativity differ among cultures is also to be taken into consideration. Niu and Sternberg (2011) came to a conclusion that Eastern people tend to view creativity as a part of social and moral values, the link between tradition and innovation is an indispensable part of their mindset. Westerners, on the contrary, prioritize the individual component of creativity and do not perceive the products of creative activity as a contribution to the common heritage. This discrepancy may be explained by the differences in the way the cultures see the world — holistically or analytically. This paper hopes to discover similar correlations in the way creativity is described through metaphors depending on culture yet the conclusion made within its framework serve as a starting point for future research rather than the final destination.

Moving on to the findings, throughout the course of the research 85 metaphors and «potentially metaphorical utterances» have been accumulated and analyzed. It is to be highlighted that two thirds (57) of the metaphors belong to Steven King, while Pelevin's use of metaphors was rather scarce (28). Since Pelevin ended up using a rather laconic and not so figurative language when it came to metaphors specifically, a necessary alteration to the initial premise was made — for the case of Pelevin we also took into consideration simile and analogy with a notice that with certain modification to the utterance a metaphor could take place.

Based on comparative conducted afterwords the following conclusions were drawn:

— both authors tend to use personification (Pelevin — 5, King — 17), the compare creativity to an autonomous living being which

is self-sufficient to the extent where the writer's only function is to follow its lead;

— both King and Pelevin also talk about creativity being a mysterious and uncontrollable entity which puts the writer in some sort of a trance state;

— the most frequently source domains are life and death, presumably because of the milestones these two entities imply;

— Pelevin conceptualized creativity with the help of everyday activities — food, drinks, walking, cleaning, doing sports, while King compared creativity to a tool or an artifact;

The gap in the use of metaphors between Pelevin and King can be explained by the fact that Russia, according to The World Values Survey, prioritizes survival values. In other words, Russian people tend to be rather direct and straightforward and consider figurative language a redundancy. USA, on the contrary, propagates self-expression values which may be positively correlated with the extensive metaphoricality of King's utterances.

Although the objectives of the paper were fulfilled, the limitations identified within the framework of this study such as sampling serve as a ground for future research to expand this paper's framework and build upon its findings. This work is believed to contribute to both linguistic, cultural and creativity-related studies as it takes into consideration the way these three components can be interrelated. The way the accumulated data can be implemented further to comprehend the polyvalent nature of creativity seems to be a reason to unleash one's creativity on the way to define it.

References:

1. Amabile, T.M. (1996). Creativity in context. Colorado: Westview Press, Inc.
2. Boden, M. A. (2004). The creative mind: Myths and mechanisms. Routledge.
3. Drazin, R., Glynn, M.A. & Kazanjian, R.K. (1999). Multilevel theorizing about creativity in organizations: A sensemaking perspective. The Academy of Management Review, 24(2), 286–307.
4. Guilford, J.P. (1950). Creativity. American Psychologist, 5(9), 444–454.
5. Hartman, C. O. (1982). Cognitive Metaphor. New Literary History, 13(2), 327–339.
6. Kövecses, Z. (2015). Where metaphors come from: Reconsidering context in metaphor. Oxford University Press, USA.
7. Lakoff, G., & Johnson, M. (1980). The metaphorical structure of the human conceptual system. Cognitive science, 4(2), 195–208.
8. Lakoff, G., & Johnson, M. (1980). Conceptual metaphor in everyday language. The journal of Philosophy, 77(8), 453–486.
9. Niu, W., & Sternberg, R. (2002). Contemporary studies on the concept of creativity: The East and the West. The Journal of Creative Behavior, 36(4), 269–288.
10. Steen, G. (2008). The Paradox of Metaphor: Why We Need a Three-Dimensional Model of Metaphor, Metaphor and Symbol.

Градационные отношения в синонимических рядах русских качественных имён прилагательных с семантикой величины, размера человека или предмета

Нгуен Мань Хай, кандидат филологических наук, преподаватель
Ханойский государственный университет (Вьетнам)

В статье представлены градационные отношения в синонимических рядах качественных имён прилагательных, обозначающих величину, размер человека или предмета в современном русском языке. Отмечается важность образования векторных синонимико-антонимических комплексов данных имён прилагательных, где осуществляется градуирование. Определение градуальных отличий

членов одного и того же синонимического ряда позволяет иностранным обучающимся, а также носителям языка более точно и эффективно передать градуальные оттенки семантики адъективных лексем для достижения своей коммуникативной цели.

Ключевые слова: адъективные лексемы с семантикой размера, векторный синонимико-антонимический комплекс, градусема, антонимы большой — маленький, градационные отношения.

В лингвистике категория градуальности принадлежит к атрибутивным понятийным категориям, а также является функционально-семантической категорией языка, объединяя различные языковые единицы, поскольку способностью обозначать изменяемый и измеряемый признак обладает большинство лексем русского языка. Градуальность представлена в языке множеством разноуровневых средств с семантикой изменяемого или измеряемого признака [5, с. 48]. Сущность градуальности заключается в выражении нарастания или убывания степени величины признака, качества, свойства, действия, процесса, состояния, явления и др. Функционально-семантическая категория градуальности соотносима с важным понятием градационные отношения, которые формируются говорящим субъектом и воспринимаются слушающим. Данные отношения представлены имплицитно и эксплицитно и служат основой для формирования оппозиции, образуя синонимико-антонимический комплекс (ср.: красный — покрасней — краснее — очень красный — слишком красный — самый красный (краснейший, наикраснейший), красный — красновенький — красноватый и др.) [4, с. 78].

Векторный синонимико-антонимический комплекс — это градуальная оппозиция, передающая такой тип отношений, при которых внутренние члены характеризуются различной степенью одного и того же признака, а внешние, крайние члены оппозиции представляют собой состоявшийся переход в новое качество, состояние, явление или процесс [Там же].

С целью определения степени градуирования введено понятие **градосема**, выступающая в качестве единицы измерения градуальности. Под градосемой понимается любой (один) шаг, одна ступень вверх (в направлении возрастания) или вниз (в направлении убывания) по шкале градаций [4, с. 80].

Имя прилагательное является стержневым языковым средством выражения градуальности, потому что вслед за В. В. Виноградовым в основу значения имени прилагательного положено понятие «качества» [1, с. 182]. Отношение к предмету служит основанием качественного признака. При этом только небольшое количество качественных имён прилагательных обозначает непосредственно признак предмета за счёт своей лексической семантики (*высокий дом, красивая певица, синее платье...*). Данные имена прилагательные обладают грамматическими и лексико-словообразовательными особенностями (способность изменяться по степеням сравнения, способность сочетаться с наречиями меры и степени, способность вступать в антонимичные пары...), относящимися к категории градуальности [7, с. 198].

Под лексико-семантической группой понимаются «слова одной части речи, объединённые ядерной (основной) семой» [3, с. 174]. Имена прилагательные, обладающие значением градуальности и способные вступать в градационные связи друг с другом, объединяются в разные семантические классы. Ком-

понентами данной лексико-семантической группы служат языковые единицы, обладающие различными градуальными семемами, то есть по-разному представляющие одно и то же (схожее) качество в его отношении к норме.

В русском языке в каждой из лексико-семантических групп слова объединяются в синонимические ряды. Одной из основных тематических групп (ТГ) имён прилагательных русского языка являются синонимические ряды качественных имён прилагательных, обозначающих величину, размер человека или предмета. Характеристика человека или предмета по размеру очень важна для говорящего. Например: имя прилагательное *большой* «выполняет выделительную функцию, характеризуя как конкретные явления, предметы, лица, так и отвлечённые понятия» [9, с. 95]. Адъективные лексемы с семантикой размера объединяются в тематическую группу, ключевые слова которой *большой — маленький*. *Большой* обозначает «значительный по величине, размерам», «превосходящий по своим размерам ряд однородных предметов, явлений» [2], *маленький* имеет следующие основные значения: «небольшой по размерам, по величине», «немногочисленный, небольшой по количеству» [10]. Архисемой в обоих значениях является «размер», дифференциальные семы — соответственно «значительный по размеру» и «небольшой по размеру». Градосемы — «превосходящий по своим размерам» и «меньше других по размеру».

Данные семантические характеристики создают условия для формирования градуальных рядов, каждый компонент которых будет отличаться от соседних компонентов степенью выражения признака, будет увеличивать значение или уменьшать его (см. таблицу ниже).

В центре тематической группы находятся антонимы *большой — маленький*, а остальные элементы градуального ряда — компоненты соответствующих синонимических рядов, градуальное значение которых возрастает или убывает по сравнению с ключевыми словами.

В словаре синонимов под редакцией А. П. Евгеньевой представлен синонимический ряд: «*большой, крупный, немалый, немаленький, здоровый (прост.), знатный (прост.)*» [8, с. 84]. Антонимы: «*маленький, небольшой, крошечный, крохотный*» [Там же, с. 85]. В данном словаре дан и второй синонимический ряд: «*большой, великий, огромный, громадный, большущий (прост.), здоровенный (прост.), здоровущий (груб.-прост.)*» [Там же, с. 85]. Ещё один синонимический ряд — с доминантой *громадный*: «*громадный, огромный, колоссальный, гигантский, исполинский, грандиозный, циклопический*» [Там же, с. 255]. Отдельный синонимический ряд находим по доминанте *маленький*: «*маленький, небольшой, крошечный, крохотный, малюсенький, махонький (разг.), малый, невеликий, миниатюрный, микроскопический и микроскопичный, капельный (разг.), чуточный (прост.)*» [Там же, с. 524]. В каждой из словарных статей толкуются значения компонентов данных синонимических рядов, причём обя-

Таблица. ТГ «Большой — маленький»

Индикаторы	Компоненты ТГ	Значения
–5	микроскопический	‘употребляется обычно для характеристики предметов по своей природе небольших, чтобы указать, что даже для небольшого размера они малы’ [8, с. 525]
–4	махонький (разг.)	‘маленький, крохотный’ [2]
–3	мизерный	‘маленький, незначительный по размерам’ [10]
–2	крохотный	‘очень маленький, крошечный’ [10]
–1	миниатюрный	‘маленький и изящный’ [10]
0	маленький	‘небольшой по размерам, по величине’ [10]
	небольшой	‘такой, который не является большим, хотя он и несколько больше маленького’ [8, с. 524]
	немаленький	‘довольно большой, значительный’ [2]
	большой	‘превышающий обычный, свойственный данным предметам размер, объём, количество и т.д.’ [8, с. 84]
+1	огромный	‘очень большой по размерам, по величине’ [10]
+2	громадный	‘очень большой, огромный’ [10]
+3	колоссальный	‘громадный, огромный’ [10]
+4	гигантский	‘огромный, необычайно больших размеров’ [10]
+5	исполинский	‘необыкновенно большой, огромный, гигантский’ [10]
+6	циклопический	‘огромный, исполинский (обычно о зданиях, сооружениях)’ [2]

зательно выделяются градуальные компоненты значений. См., имя прилагательное *небольшой*: ‘такой, который не является большим, хотя он и несколько больше маленького’ [Там же, с. 524], градусема здесь — ‘несколько больше маленького’. А слово *микроскопический* ‘употребляется обычно для характеристики предметов по своей природе небольших, чтобы указать, что даже для небольшого размера они малы’ [Там же, с. 525]. Его градуальный индекс наиболее значителен, градусема — ‘даже для небольшого размера они малы’.

Тематическая группа «Большой — маленький» является наиболее продуктивной и многокомпонентной из тематических групп синонимических рядов качественных имён прилагательных современного русского языка.

В конкретном употреблении в синтагматической последовательности компоненты тематической группы выступают в конкретных значениях. Особенно это очевидно, если слова являются многозначными, например, *большой дом*, *большой ум*. Эти имена прилагательные универсальны, входят в различные тематические группы. Например, приведённая выше тематическая группа (вышеуказанная таблица) соответствует прямому значению имени прилагательного *большой* (*большой дом*), а переносному значению (*большой ум*) будет соответствовать другая тематическая группа (*небольшой — маленький — большой — огромный — великий*), состав которой менее значителен, что обусловлено семантическими изменениями, произошедшими в структуре слова. Она будет входить не в ядерную, а в периферийную часть анализируемой системы тематических групп.

Компоненты данной тематической группы стремятся максимально эффективно реализовать свой градуальный потенциал в тексте: «Это был *крохотный* черепашонок, величиной с ладошку, с *маленьким*, словно игрушечным, панцирем» (М. С. Аромштам. Мохнатый ребёнок). В данном примере сред-

ствами, подчёркивающими небольшой размер объекта, являются не только синонимы крохотный и маленький, но и диминутивы (черепашонок, ладошка), а также сравнительные конструкции (величиной с ладошку, словно игрушечным).

Из двух функций синонимов — «замещения и уточнения» [6, с. 229] в данном случае актуальной является функция уточнения, и синонимы, обладающие градуальным отличиями, «используются здесь для выявления и раскрытия различных сторон, свойств, характерных признаков обозначаемого предмета (явления) действительности» [6, с. 231].

Таким образом, синонимические ряды имён прилагательных предоставляют говорящему возможность сосредоточиваться на тончайших нюансах градуальной семантики, заложенных в именах прилагательных — компонентах синонимических рядов. Тематическая группа на основе синонимических рядов имён прилагательных с семантикой величины, размера человека или предмета формируется как векторный синонимико-антонимический комплекс, в основе (ядерной части) которого находятся антонимы (*большой — маленький*), а остальные компоненты располагаются векторно, со всё более возрастающими от центра к периферии индексами градуальности (по типу соответственно восходящей и нисходящей градации величины, размера человека или предмета). Вышеизложенный синонимико-антонимический комплекс является несимметричным, поскольку в нём наблюдается неравное количество имён прилагательных с положительными (6 компонентов) и отрицательными (5 компонентов) градуальными индикаторами и наличие в ядерной части компонентов с приставкой *не-* (*небольшой, немаленький*). В речи, в тексте говорящий активно использует богатые возможности синонимических рядов качественных имён прилагательных для передачи оттенков значений, уточнения градуальных смыслов.

Литература:

1. Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. — М.; Л.: Учпедгиз, 1947. — 784 с.
2. Ефремова Т. Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. — М.: Дрофа, 2000. — 1233 с. (онлайн-версия) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova.htm>.
3. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. — Назрань: Пилигрим, 2010. — 486 с.
4. Колесникова С. М. Градуальность: системные связи и отношения: монография. — М.: Изд-во «Прометей», 2012. — 283 с.
5. Колесникова С. М. Функциональная грамматика: предикативность, градуальность, оценочность: учебное пособие. — М.: МПГУ, 2016. — 288 с.
6. Новиков Л. А. Семантика русского языка: учебное пособие. — М.: Высшая школа, 1982. — 272 с.
7. Розенталь Д. Э., Голуб И. Б., Теленкова М. А. Современный русский язык. — 11-е изд. — М.: Айрис-пресс, 2010. — 448 с.
8. Словарь синонимов русского языка: В 2 т. Т. 1: А-Н / ИЛИ РАН; под ред. А. П. Евгеньевой. — М.: ООО «Изд-ство Астрель»: ООО «Изд-ство АСТ», 2003. — 680, [8] с.
9. Сулибанова А. А. Лексико-семантические особенности прилагательного «большой» в рассказах В. М. Шукшина // *Lingua-universum*, 2006. № 3. — С. 95.
10. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. — М.: Астрель, АСТ, 2000 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp>.

Разнообразие стилистических приемов в предисловии к произведению Оскара Уайльда *The picture of Dorian Gray*

Никитинская Лариса Владимировна, кандидат филологических наук, доцент;

Львова Екатерина Михайловна, студент

Чувашский государственный педагогический университет имени И. Я. Яковлева (г. Чебоксары)

Данная статья посвящена изучению разнообразия стилистических приемов, представленных в предисловии к самому известному произведению Оскара Уайльда «The Picture of Dorian Gray». В работе рассматриваются такие стилистические приемы как антитеза, аллюзия, анафора, эпифора, ирония, симп्लока и анадиплосис (композиционный стык). Продемонстрированы конкретные примеры приемов, встречающиеся в художественном произведении.

Ключевые слова: стилистика, стилистический прием, английский язык, литература.

На протяжении многих лет стилистические приемы изучаются различными исследователями-лингвистами. Однако на сегодняшний день в науке о языке до сих пор не существует единой общепризнанной классификации стилистических приемов. Кроме того, ученые-языковеды по-разному трактуют и само понятие стилистического приема. Так, например, С. Е. Никитина и Н. В. Васильева под стилистическим приемом понимают «способ организации высказывания/текста, усиливающий его выразительность» [4, с. 131]. Они также отмечают, что фигуры речи «употребляются как стилистический прием», при этом стилистический прием и фигура речи рассматриваются как родовидовые понятия. В. Я. Пастухова дает аналогичное определение данного понятия: «Стилистический прием мы понимаем, как способ, который сознательно, с определенной целью используется поэтом, для более точного выражения своей мысли, для усиления образно-выразительной функции речи. Он выступает как общее, родовое по отношению к частному, видовому — троп, фигура» [5, с. 29].

И. Р. Гальперин разграничивает понятия «выразительные средства» и «стилистические приемы». Под выразительными средствами языка он понимает такие морфологические, син-

таксические и словообразовательные формы языка, которые служат для эмоционального или логического усиления речи. Стилистический прием И. Р. Гальперин определяет, как обобщенное, типизированное воспроизведение нейтральных и выразительных фактов языка в различных литературных стилях речи [2, с. 43, 47].

По мнению З. И. Хованской, стилистическим приемом может стать любое языковое средство, если оно включается в реализацию литературно-композиционной и эстетической функций [6, с. 309]. В данной работе мы придерживаемся точки зрения В. Я. Пастуховой и рассматриваем стилистический прием как более широкое понятие, включающее в себя тропы и фигуры. Для дальнейшего исследования нам необходимо рассмотреть данные понятия подробнее.

В художественном произведении тропы — это слова и выражения, используемые в переносном значении с целью усилить образность языка, художественную выразительность речи. Именно поэтому их также называют изобразительными средствами. Изобразительные средства служат описанию и являются по преимуществу лексическими. К основным видам тропов относят метафору, метонимию, эпитет, гиперболу, ли-

тоту, сравнение, перифраз, аллгорию, олицетворение, иронию и др. [1, с. 89].

Выразительные средства, или фигуры речи, не создают образов, а повышают выразительность речи и усиливают ее эмоциональность за счет особых синтаксических построений. К фигурам речи относятся лексические повторы (анафора и эпифора), синтаксические повторы (параллелизм и антитеза), фразовые повторы (бессоюзие, многосоюзие, парцелляция), а также эллипсис, градация, инверсия, оксюморон и др. [там же].

Для анализа разнообразия стилистических приемов в художественном тексте нами была выбрана часть произведения Оскара Уайльда «The Picture of Dorian Gray», а именно — предисловие, которое на сегодняшний день считается манифестом эстетизма. Сам роман стал культовым, а предисловие к нему ввело в повествование центральный персонаж — самого автора, чей голос звучит в парадоксах, открывающих данное произведение.

«The Preface» («Предисловие») состоит из 25 афоризмов, в которых Уайльд излагает квинтэссенцию эстетизма, провозглашает культ чистой красоты, авторского субъективизма и обосновывает концепцию «искусства ради искусства». Анализ текста предисловия показал, что для более точной передачи своих мыслей в предисловии к роману автор прибегает к использованию таких стилистических приемов, как антитеза, аллюзия, анафора, эпифора, ирония, синекдоха, анадиплосис (композиционный стык) и метафора.

Рассмотрим употребление такого стилистического приема как ирония. Иронией называют контраст видимого и скрытого смысла высказывания, создающий эффект насмешки; чаще всего — заведомое несоответствие положительного значения и отрицательного подтекста [3, с. 391]. Так, например, в тексте предисловия ирония встречается в предложении «*Even things that are true can be proved*». Данное предложение целиком является ироническим высказыванием. Под словосочетанием *true things*, Оскар Уайльд подразумевает правду, истину, неоспоримые факты, которые соответствуют действительности и не требуют доказательств. В данном слишком очевидном утверждении содержится другой, скрытый смысл: бессмысленно доказывать истину. Именно поэтому, как написал сам Уайльд, «художник не стремится что-то доказывать». Произведение для создавшего его художника истинно уже по своей сути. Доказывать что-либо с помощью этого произведения — такое же бесполезное занятие, как и доказывать истину.

Антитеза является стилистической фигурой, состоящей в сопоставлении логически противоположных понятий или образов, подчиненных одной общей идее или единой точке зрения [4, с. 50]. И. В. Арнольд подчеркивает, что данная стилистическая фигура усиливает выразительность именно за счет столкновения в одном контексте прямо противоположных понятий [1, с. 65]. Первый пример антитезы в предисловии к роману «The Picture of Dorian Gray» мы находим уже во втором предложении «*To reveal art and conceal the artist is art's aim*». В данном случае антитеза создается за счет противопоставления полных антонимов, которыми являются глаголы *reveal* ‘раскрыть’ и *conceal* ‘скрыть’. Второй пример антитезы можно увидеть в предложении «*The highest as the lowest form of criticism is a mode of autobiography*». Здесь антитеза создается за счет

качественных прилагательных в превосходной степени, *highest* ‘высший’ и *lowest* ‘низший’, которые образуют антонимическую пару, являясь полными антонимами. Однако в данном предложении автор не столько противопоставляет высшую и низшую формы критики, сколько сопоставляет их. В результате этого сопоставления приходит к выводу, что оба понятия, даже будучи противоположными, имеют нечто общее — оба являются видами автобиографии.

Еще два примера антитезы присутствуют в предложении «*Those who find ugly meanings in beautiful things are corrupt without being charming*». Как и в предыдущем примере, в данном предложении в основе антитезы тоже лежат качественные прилагательные. При этом прилагательные *ugly* ‘дурной’, ‘неприятный’ и *beautiful* ‘красивый’, ‘прекрасный’ являются полными антонимами, а *corrupt* ‘порочный’ и *charming* ‘прелестный’ — контекстуальными.

Аналогичные случаи антитезы мы находим в предложениях «*There is no such thing as a moral or an immoral book*» и «*The moral life of man forms part of the subject-matter of the artist, but the morality of art consists in the perfect use of an imperfect medium*». Антонимичные пары прилагательных в обоих примерах образованы путем добавления префикса *-im*, который несет в себе отрицательное значение, к основному прилагательному. В результате автор создает два противопоставления, которые являются антитезами. В первом примере противопоставляются прилагательные *moral* ‘нравственный’ и *immoral* ‘безнравственный’, которые при этом относятся к одному и тому же существительному *book* ‘книга’. Во втором примере Оскар Уайльд противопоставляет прилагательное *perfect* ‘совершенный’, относящееся к существительному *use* ‘применение’, и прилагательное *imperfect* ‘несовершенный’, относящееся к существительному *medium* ‘средство’.

Следующий пример антитезы, образованной с помощью полных антонимов, присутствует в предложении «*Books are well written, or badly written*». В данном случае автор противопоставляет наречия *well* ‘хорошо’ и *badly* ‘плохо’.

Оскар Уайльд также прибегает к антитезе в предложении «*Vice and virtue are to the artist materials for an art*». Сопоставляя резко отличные по смыслу существительные *vice* ‘порок’ and *virtue* ‘добродетель’, писатель высказывает мысль о том, в искусстве сочетаются оба данных понятия, что делает его разноплановым и порой противоречивым.

Последний проанализированный пример антитезы встречается в следующем контексте: «*The nineteenth century dislike of realism is the rage of Caliban seeing his own face in a glass. The nineteenth century dislike of romanticism is the rage of Caliban not seeing his own face in a glass*». Движения, известные как романтизм и реализм, являются противоположными стилями художественных представлений и двумя яркими литературными направлениями. Изначально ключевые идеи романтизма были основаны на индивидуальности, свободе воли и естественности. Писатели-реалисты же были сосредоточены на аспектах настоящего и стремились как можно правдивее отразить в своих произведениях окружающую их действительность. В данном случае Оскар Уайльд также пишет о противопоставлении этих двух концептов.

Проанализируем такие стилистические фигуры, как анафора и эпифора, которые целесообразно рассматривать вместе, т.к. они обе являются разновидностями повторов. По Н.Г. Комлеву, анафора представляет из себя повторение звуков, словосочетаний, ритмических и речевых конструкций в начале параллельных синтаксических периодов или стихотворных строк [3, с. 60]. Эпифорой является тождество звуко сочетаний, слов, ритмических и речевых конструкций в конце стихотворных строк, фраз и т.п. [там же, с. 1151].

Первый пример анафоры мы находим в отрывке «*No artist desires to prove anything. [...] No artist has ethical sympathies. [...] No artist is ever morbid*». Каждое новое предложение через одно начинается с повторяющейся конструкции *no artist* 'ни один художник', что создает определенный ритм и эффект постепенного нагнетания смысла в данном отрывке.

Следующий случай использования анафоры можно увидеть в предложениях «*From the point of view of form, the type of all the arts is the art of the musician. From the point of view of feeling, the actor's craft is the type*». Оба предложения начинаются с одинаковой синтаксической конструкции *from the point of view of* 'с точки зрения'. В данном случае с помощью анафоры автор усиливает значение своей идеи о соотношении двух важных понятий в искусстве, а именно, формы и чувства.

Здесь же необходимо рассмотреть такую стилистическую фигуру, как симплока. С.Е. Никитина и Н.В. Васильева симплокой называют совместную встречаемость двух стилистических фигур — анафоры и эпифоры [4, 124]. Аналогичное определение приводит Н.Г. Комлев: «Симплока — стилистическая фигура, состоящая в том, что два отрезка речи имеют сходные начала и окончания» [3, с. 882].

Данный стилистический прием мы можем заметить в следующем отрывке из текста: «*Those who go beneath the surface do so at their peril. Those who read the symbol do so at their peril*». Оба предложения начинаются с конструкции *those who* 'те, кто' и заканчиваются конструкцией *do so at their peril* 'идут на риск'. Автор прибегает к симплоке, чтобы придать убедительности своим словам путем концентрации внимания читателя на ключевых частях утверждения.

Одновременное использование анафоры и эпифоры, т.е. симплоки, присутствует и в предложениях «*The nineteenth century dislike of realism is the rage of Caliban seeing his own face in a glass. The nineteenth century dislike of romanticism is the rage of Caliban not seeing his own face in a glass*». В данном случае в пределах одного и того же отрезка текста повторяются начальные слова обоих предложений, а именно, *the nineteenth century dislike of* 'ненависть девятнадцатого века к', и конечные слова — *his own face in a glass* 'свое лицо в зеркале'. Имея тождественное начало и окончание, данные смежные предложения различаются только срединными участками, которые таким образом приобретают повышенную значимость на фоне общих элементов.

Рассмотрим следующую стилистическую фигуру, которая наряду с анафорой и эпифорой является композиционной формой

повтора, а именно, анадиплосис. Анадиплосис также называют композиционным стыком или подхватом [2, с. 261]. По определению Н.Г. Комлева, данная стилистическая фигура состоит в повторе заключительного созвучия, слова или словосочетания в начале новой фразы или стихотворной строки [3, с. 56].

Анадиплосис, как и другие стилистические фигуры, присутствует в тексте предисловия: «*No artist has ethical sympathies. An ethical sympathy in an artist is an unpardonable mannerism of style*». В данном случае словосочетанием *ethical sympathy* 'этическая симпатия', стоящим во множественном числе, заканчивается первое предложение, и с него же, но стоящим в единственном числе, начинается следующее предложение. Автор как бы подхватывает свою мысль, отраженную в предшествующем предложении, и развивает ее дальше с помощью повтора словосочетания.

Перейдем к анализу такой стилистической фигуры, как аллюзия. По определению Н.Г. Комлева, аллюзией является стилистическая фигура, заключающаяся в соотнесении описываемого или происходящего в действительности с устойчивым понятием или словосочетанием литературного, исторического, мифологического порядка [3, с. 42]. Другими словами, это употребление некоторого выражения в качестве намека на хорошо известный в данном лингвокультурном (микро)социуме факт [4, с. 36].

Аллюзию мы находим в отрывке, уже проанализированном нами ранее на наличие в нем антитезы, анафоры и эпифоры: «*The nineteenth century dislike of realism is the rage of Caliban seeing his own face in a glass. The nineteenth century dislike of romanticism is the rage of Caliban not seeing his own face in a glass*». Аллюзия в данном случае заключается в словах «*the rage of Caliban seeing his own face in a glass*» 'ярость Калибана, увидевшего свое лицо в зеркале' и «*the rage of Caliban not seeing his own face in a glass*» 'ярость Калибана, не увидевшего свое лицо в зеркале'. Это отсылка на трагикомедию Уильяма Шекспира «*The Tempest*», главным персонажем которой является Калибан. Сам Шекспир охарактеризовал Калибана, как уродливого невольника-дикаря. Именно на эту характеристику ориентируется Оскар Уайльд, сравнивая недовольство реализмом с яростью увидевшего свое уродство в зеркале Калибана, поскольку реализм, как направление, заключается именно в отражении действительности такой, какая она есть, без приукрашивания, со всеми ее недостатками. Недовольство романтизмом же Уайльд отождествляет с яростью не видящего себя Калибана, т.к. для романтизма характерны черты, полностью противоположные идеям реализма. Романтизм, в отличие от реализма, ставит перед собой задачей бегство в «идеальный мир», отвергает действительность.

Таким образом, можно сделать вывод, что уже в предисловии к своему роману «*The Picture of Dorian Gray*» Оскар Уайльд активно прибегает к использованию различных стилистических приемов, которые можно найти практически в каждом предложении в данной части произведения.

Литература:

1. Арнольд, И.В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. 10-е изд. М.: Флинта: Наука, 2010. 383 с.

2. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. 459 с.
3. Комлев, Н. Г. Словарь иностранных слов. М.: Эксмо, 2000. 1168 с.
4. Никитина, С. Е. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи / С. Е. Никитина, Н. В. Васильева. М.: Рос. акад. наук, Ин-т языкознания, 1996. 172 с.
5. Пастухова В. Я. Парадигматическая и синтагматическая связанность компонентов оксюморонного сочетания.: дис. канд. филол. наук. Ростов н/Д., 1980. 176 с.
6. Хованская З. И. Принципы анализа художественной речи и литературного произведения. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1975. 432 с.
7. Wilde O. The Picture of Dorian Gray. Oxford: Oxford University Press. 2008. 230p.

Специфика языковой объективации труда в русских паремиях

Обмочиева Ангелина Михайловна, студент
Ставропольский государственный педагогический институт

В статье рассматривается проблематика языковой объективации труда в русском языке, в контексте пословиц и поговорок. Описывается роль пословиц и поговорок, как материала для лингвистических исследований, их значимость для понимания языковой картины мира и укоренения в ней тех или иных концептов или абстрактных понятий. Делается вывод о том, что в рамках русских паремий труд оценивается в основном положительно, негативные коннотации возникают в случае его неправильной организации или бесцельности.

Ключевые слова: труд, объективация труда, паремии, русский язык, лингвистический анализ.

На текущий момент времени одним из ключевых направлений лингвистических исследований выступает лингвокультурология, что подразумевает особый интерес к изучению языковой картины мира и лингвистическому анализу места в рамках данной картины различных концептов и абстрактных явлений. Такой анализ дает возможность детально и глубоко понять менталитет народа, через отражение в языке отношений к тем или иным феноменам действительности [2].

В рамках данной статьи будет рассмотрено то, как в русском языке проявляется феномен труда, в качестве языкового материала выбраны паремии, поскольку они выступают устойчивым языковым материалом, в котором отражено отношение носителей языка к труду на протяжении многих поколений.

Для начала обратим внимание на специфические особенности паремий, как источника лингвокультурного материала. В частности, В. Н. Телия в рамках своих исследований определяет паремии к «мощным источникам интерпретации, поскольку они есть по традиции передаваемый из поколения в поколение язык веками сформировавшейся обыденной культуры, в котором в синтаксической форме отражены все категории и установки этой жизненной философии народа — носителя языка» [3, с. 241]

Важно отметить то, что фразеологические номинации по сравнению с лексемными являются семиотически более сложными, отличаясь на порядок более сложной знаковой структурой, при этом многие из них и в первую очередь паремии, определяются в качестве так называемых «микротекстов», поскольку для них характерны как формальные, так и содержательные признаки текста как такового [4]. При этом в рамках такого «микротекста» может содержаться крайне высокий объем информации, культурно маркированной и культурно зна-

чимой, что, собственно, и делает паремии лучшим источником лингвокультурологических знаний.

Также крайне значимым выступает факт того, что паремии выполняют кумулятивные функции, воплощая в себе ситуацию или отношение к феномену. Исходя из исследований О. А. Дмитриевой, «паремии вызывают в сознании носителей языка определенную сумму сведений, которая, с одной стороны, определяет логическую конструкцию выражения, а с другой — обуславливает границы употребления данного выражения, связь с определенными жизненными ситуациями, явлениями истории и культуры народа» [1, с. 67]

При этом надо понимать, что паремии имеют временную локализацию и не должны истолковываться вне социального и временного контекста, именно этим объясняется противоречивость тех или иных пословиц и поговорок. Как отмечает В. Н. Телия, тем, что «язык может отражать и доминирующие в той или иной культурной среде и в то или иное социальное время факты группового или корпоративного, а не только общенародного самосознания» [3, с. 235]

Далее обратим внимание непосредственно на особенности объективации труда в русских паремиях.

В большей части русских паремий труд, и работа как таковая оцениваются как правило позитивно, в пользу чего свидетельствует множество пословиц и поговорок, в частности:

Без труда жить — только небо коптить.

Землю солнце красит, а человека — труд.

Без труда не выловишь и рыбку из пруда.

Труд, труд и труд — вот три вечных сокровища.

Благо людей в жизни, а жизнь в труде.

Человек рожден для труда.

Труд обогащает страну.

Каждая из приведенных выше паремий выражает позитивное отношение к труду, однако апеллирование к причинам такого отношения дифференцировано, с одной стороны это признание высшей ценности труда и трудолюбия, как качества человека, так и общества, с другой стороны это признание пользы труда как для отдельного индивида, так и для общества в целом для достижения целей и результатов. Тем самым, с одной стороны, можно сказать, что существует моральная апелляция к признанию труда ценностью, а с другой прагматическая. Важно отметить, что в русском языке обе рассмотренные детерминанты равно представлены.

В русских паремиях часто встречается апелляция к тому что труд должен сочетаться с отдыхом, в пользу чего свидетельствуют следующие паремии:

*Мешиай дело с бездельем, проводи век с весельем.
Есть время работать, есть и веселиться.
Умей дело делать — умей и позабавиться.
В субботу — на работу, в воскресенье — на веселье.
Веселье делу не помеха.
Умей работать, умей и веселиться.*

При этом праздность является в русской языковой картине мира крайне негативным явлением, отдых выступает как награда за хорошо выполненную работу.

*Сначала пахать, а потом уж отдыхать.
Хорош отдых, когда работа сделана.
Сделал дело — гуляй смело.
Повеселимся и спляшем, только пашиню вспашем.*

Стоит отметить то, что важное место занимают паремии с семантикой «справедливое или несправедливое вознаграждение за труд», в частности:

*В поле серпом да вилой, так и дома ножом да вилкой.
У ленивого что на дворе, то и на столе (ничего).
Что заработал, то и получил: ударник — хлеб, а лодырь — пост.
Какова работа, такова и плата.
По одежде заплата, по работе плата.
В пашне огрехи, а на кафтане прорехи.*

Литература:

1. Дмитриева О. А. Об этнокультурной специфике пословиц и афоризмов. // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. Волгоград; Архангельск: Перемена, 1996. — 112 с.
2. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2020. — 349 с.
3. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический, лингвокультурологический аспекты. — М., Академия, 2019—522с.
4. Финикова И. В. Содержательный и функциональный потенциал понятия языковая картина мира в современных лингвистических исследованиях // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. № 1 (817). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhatelnyy-i-funktsionalnyy-potentsialponyatiya-yazykova-ya-kartina-mira-v-sovremennyh-lingvisticheskikhissledovaniyah> (дата обращения: 15.02.2023).

Часто встречаются примеры, осуждающие несправедливость вознаграждения за труд и несправедливость общества в целом, в рассматриваемом контексте.

*Золото моем, <а сами> голосом воем.
Мужики век хлеб сеют, а есть его не смеют.*

Важно отметить то, что встречаются и паремии негативно описывающие труд, из-за явлений эксплуатации и критики общественных отношений, в частности:

*От трудов праведных не нажить палат каменных.
И с топора не богатеют, а горбатеют.
От работы не будешь богат, а будешь горбат.
От работы <и> лошади дохнут.*

Высказывается суждение о том, что предпочтительнее бедная жизнь, чем выполнение тяжелой работы:

Хоть корку глодать, да не пеня ломать.

Иногда утверждается, что человеку ни к чему предпринимать какие-либо действия, стараться сделать что-либо, поскольку от него ничего не зависит, все тщетно. Если Богу будет угодно поощрить человека, то он это сделает в любом случае:

Бог даст, <и> в окно подаст.

Важным мы считаем выявление самой системы понятий, в которую включен признак отношения к труду. Собранный материал показывает, что труд как понятие связан с достатком, богатством, бедностью, моралью, здоровьем, отдыхом, общественной пользой, прилежанием, честностью, почетом, счастьем, удачей, воспитанием, наказанием, бездельем, ленью, свободой. Отрицательная же характеристика труда русскими объясняется прежде всего его неразумной организацией, тяжестью, вредом для здоровья, несправедливостью материального вознаграждения, отсутствием стимула, социальной несправедливостью распределения материальных благ.

Тем самым можно сделать вывод о том, что как правило труд оценивается положительно, в русских пословицах и поговорках, отмечается его важность и значимость, однако имеются и негативные коннотации относительно того, справедливо ли вознаграждение за труд.

Язык и культура. Взаимосвязь и влияние

Савина Елена Александровна, преподаватель иностранного языка
Красноярский строительный техникум

Понятие «культура» в переносном значении изначально соотносилось с культурой чего-то: культурой души, культурой разума и т.д. Близок понятию культуры и другой термин — «окултизм» (лат. *Ocultis* — тайный, сокровенный). В античном сознании понятие культуры отождествляется с падейей, то есть образованностью. Платон определял падейю как руководство к изменению всего человека в его существе.

В средние века слово «культура» стало обозначать прогрессивный метод возделывания зерновых. Таким образом, возник термин *agriculture* или искусство земледелия. Но в 18 и 19 веках стали употреблять и по отношению к людям (следовательно, если человек отличался изяществом манер и начитанностью, его считали «культурным»). Тогда этот термин применялся главным образом к аристократам, чтобы отделить их от «некультурного» простого народа. В качестве самостоятельного слово «культура» появилось в трудах немецкого юриста и историкографа С. Пуфендорфа (1632–1694)

На земле одновременно соседствует множество различных культур. В современную эпоху интерес к феномену культуры определяется многими обстоятельствами. Современная цивилизация стремительно преобразует окружающую среду, бытовой уклад. В этой связи культура оценивается как фактор творческого жизнеустройства, источник общественных нововведений. Отсюда стремление выявить потенциал культуры, ее внутренние резервы. Рассматривая культуру как средство человеческой самореализации, можно выявить новые неистощимые импульсы, способные оказывать воздействие а исторический процесс и самого человека. [4, с. 6–7]

Представляется оправданным согласиться с мнением А.И. Арнольдова, который считает, что, в общем и целом культура — настоящий букет характеристик, сложная дефиниция, понятие настолько широкое и многогранное, включающее в себя такое количество совершенно разнородных компонентов, что обобщить все это богатство одной дефиницией означает либо сжать его содержание, либо ограничиться самой общей абстракцией. [1, с. 10]

Таким образом, культуру следует воспринимать как динамичный творческий процесс, синтез созданных человеком материальных и духовных ценностей, гармоничных форм отношений человека к природе, обществу и самому себе, как результат его связи с миром и его утверждения в нем.

Каждый человек принадлежит к определенной культуре. Это и национальные традиции, и язык, и история, и литература. Людям, живущим в обществе, свойственны политическая культура, юридическая, экономическая и т.д. По мнению Л.З. Немировской, культура — то, чем обладает каждый культурный человек (его знания, умения, производственная и общественная деятельность, образование и воспитание, творчество и духовно-нравственная активность) [8, с. 4]

Культура — это созданное и накопленное человечеством материальное и духовное богатство.

Такие предметы как станок, инструмент, завод, трактор могут быть отнесены к материальной культуре, т.к. они являются продуктами материального производства. «Материальная культура всегда является воплощением идей, творчества, знаний. Только это и делает производство культурой» [8, с. 5].

Так, в материальной культуре можно выделить культуру производства, которая начинается с взаимных отношений человека и техники, с создания предметов и вещей, обеспечивающих нужды общества; профессиональную культуру, где соединены практические навыки и умения в области конкретной деятельности, специальные теоретические знания, а также моральные нормы и правила, необходимые в системе производства; культуру быта; физическую культуру, включающую в себя культуру отношения человека к собственному телу, направленную на поддержание физического и духовного здоровья.

Таким образом, материальная культура — это мир вещей созданных или преобразованных человеком.

Что же тогда такое культура духовная? «Духовное творение, ставшее фактом общественной жизни (написанная книга, картина, снятый кинофильм и т.д.), становится предметом духовной культуры» [8, с. 6]. Другими словами, духовная культура — это весь духовный опыт человечества, накопленный за тысячелетия его существования, нынешний уровень его интеллектуального, нравственного, эстетического развития. Это науки, образование, искусство, ремесла, мифология, религия, философия, политика, право. Духовная культура охватывает сферу сознательной деятельности, духовного производства.

Обобщая и систематизируя вопрос о материальной и духовной культурах, необходимо акцентировать, что духовная культура — это идея, а материальная культура — ее определенное воплощение. В реальной жизни духовная и материальная культуры практически неразделимы. Так, например, книга или картина, с одной стороны, материальны, с другой — духовны, т.к. имеют определенное идейное, нравственное и эстетическое содержание. Даже музыка материализуется в нотах. «Иными словами, нет предмета чисто материальной культуры, каким бы примитивным он ни казался, который не имел бы «духовного» элемента, как не может быть и продукта духовной культуры, который был бы не способен материализоваться» [7, с. 61]. Таким образом, духовная и материальная культура органически взаимосвязаны, а человек существует в единстве материального и духовного, и является носителем культуры как целого.

Одна из наиболее сложных задач культурологического знания — объяснение и понимание роли языка в становлении и развитии культуры и цивилизации, постижение смысла языков социокультурных систем. Для писателя Ф. Искандера «язык — величайшее мистическое явление человеческого су-

ществования», и он сомневается, возможны ли вообще «какие-то достоверные объяснения его появлению» [6, с. 32]. Математик Н. Лобачевский утверждал, что «не столько уму нашему, сколько дару слова одолжены мы всем нашим превосходством над прочими животными» [6, с. 32]

По мнению В. М. Лейчик, вопрос о соотношении (точнее, о взаимоотношениях) между культурой и языком далек от своего разрешения, хотя он и обсуждается уже около двух столетий [5, с. 17]. Некоторые специалисты думают, что язык и культура — это разные, не совпадающие по содержанию и функциям сущности. Но все же правильнее было бы согласиться с точкой зрения Н. И. Толстого, подчеркивающего неразрывность и единство культуры и языка, и утверждающего, что можно рассматривать отношение целого и его части, что язык — это компонент культуры и орудие культуры и что язык в тоже время автономен по отношению к культуре и может изучаться отдельно от культуры или в сравнении с культурой как равнозначным и равноправным феноменом.

Многоязычная роль языка изучается рядом наук, в том числе и в методологическом плане философией культуры. По мнению И. Я. Левяша, в культурологическом ключе выясняются не только природа и сущность, но и функции языка, такие как информационная, кумулятивная, коммуникативная, координационная, рефлексивная.

1) Информационная функция означает выработанный человечеством способ символического обозначения знания о родовых и видовых свойствах предметов, явлений и процессов, вовлеченных в общественную деятельность.

2) Кумулятивная функция заключается в способности языка быть не только хранителем, но и накопителем знания о социальном опыте человечества. Язык и его динамичная пластика в состоянии почти полностью заместить генетическую память, наследуемую каждым поколением, но главное — обеспечивают их способность опереться на предшествующий опыт и быть инструментом его обновления.

3) Коммуникативная функция языка обеспечивает универсальное и опосредованное общение между людьми. По аналогии с образом П. Сорокина можно утверждать, что люди, не владеющие языком, никогда не найдут ключа к часам старых соборов. Достаточно сослаться на почти всеобщий отечественный дефицит знания иностранных языков как серьезное препятствие к открытому обществу.

4) Координационная функция языка проявляется в двух ипостасях: по «горизонтали» и по «вертикали». В первом случае язык служит средством согласования совместных действий людей на основе консенсуса значимых для них образов, процессов и явлений. Другой ракурс — необходимость постоянного обозначения намерений и действий по руководству людьми. Такая потребность вездесуща: от воспитательных императивов старших младшим в семье и школе до руководства обществом.

5) Рефлексивная функция языка — способ самопознания и самовыражения человека. Человечество прошло путь от сократовского «Познай самого себя» до роденовского «Мыслителя». Без этого пути были бы невозможны ни становление человека, ни его совершенствование как субъекта культуры и цивилизации.

А. С. Кармин считает, что если язык выполняет столь важные функции, если общество постоянно навешивает на предметы мышления словесные «ярлыки», описывает мир словесными конструкциями и аккумулирует знания о нем в определенном языке — русском, английском, китайском и других, то встает вопрос о том, сказываются ли особенности различных языков на мышлении людей, говорящих на них. Иначе говоря, нельзя ли предположить, что люди, говорящие на разных языках, должны и мыслить по-разному. Это предположение получило название «гипотезы лингвистической относительности» или «гипотезы Сепира-Уорфа (по именам разработавших ее ученых). Согласно этой гипотезе, язык есть не просто средство выражения и оформления мыслей. Он определяет ход наших мыслительных процессов и их результаты. Человек расчленяет, структурирует и классифицирует наблюдаемые явления так, как того требует лексика и грамматика языка. А поскольку от используемого людьми языка зависят процессы и результаты их мышления, постольку в культурах, различающихся по языку, формируются и разные представления о мире, китаец не только говорит, но и мыслит иначе, чем англичанин, а потому и мир ему представляется не таким, каким его видит англичанин; русский язык регулирует мыслительные процессы одним образом, а арабский язык — по — другому, а поэтому картина мира в русской культуре — одна, а в арабской совсем другая.

Различия между языками наиболее заметно проявляется в том, что в каждом из них есть так называемая безэквивалентная лексика, т.е. слова, которые не переводятся на другие языки однословно. В русском языке она составляет 6–7%. К ней относятся такие слова, как «гармонь», «сглазить», «воскресник». В западноевропейских культурах русскому слову «рука» соответствуют два слова: «кисть руки» и «часть руки от кисти до плеча» («hand» и «arm»). Поэтому немец или англичанин не могут сказать «я поранил руку». Ему надо обязательно указать, какую часть руки он поранил.

Отсутствие в языке слов, соответствующих безэквивалентной другого языка, называют лакунами. Как безэквивалентные слова, так и лакуны становятся заметными только при сопоставлении языков. Лакуны обусловлены различием между культурами. В одних случаях они вызваны отсутствием в одной культуре тех реалий, которые имеются в другой. Так, в английском языке наряду со словом «lawyer» есть еще несколько слов для обозначения разновидностей адвокатской профессии, которым в русском языке нет соответствующего однословного эквивалента: «barrister» «solicitor» «counsel» «counselor» «advocate». В других случаях лакуна образуется в языке потому, что в данной культуре не столь часто приходится проводить различие между тем, что в другой культуре различается постоянно. Например, двум английским словам «bank» и «shore» соответствует одно русское «берег». Напротив, двум английским словам «девочка» и «девушка» соответствует одно английское «girl».

Тесная взаимосвязь культуры и языка очевидна. Язык — кладовая, копилка культуры. Он хранит культурные ценности в лексике, грамматике, идиоматике, пословицах, поговорках, фольклоре, в художественной и научной литературе, формах

письменной и устной речи. Также язык является передатчиком, носителем культуры, он передает сокровища национальной культуры, хранящейся в нем, из поколения в поколение. Кроме того, язык — орудие, инструмент культуры. Он формирует личность человека, носителя языка, через навязанные ему языком и заложенные в языке видение мира, менталитет, отношение к людям и т.п., то есть через культуру народа, пользующегося данным языком, как средством общения.

Языковая картина мира отражает реальность через культурную картину мира. Языковая картина мира — это часть культурной (концептуальной) картины, хотя и самая существенная. Однако языковая картина беднее культурной, поскольку в создании последней участвуют, наряду с языковой, и другие виды мыслительной деятельности. По-видимому все-таки правильнее говорить не о соотношении часть — целое, язык — часть культуры, а о взаимопроникновении, взаимосвязи и взаимодействии. Язык — часть культуры, но и культура — только часть языка. Значит, языковая картина мира не

полностью поглощена культурной, если под последней понимать образ мира, преломленный в сознании человека.

Итак, культурная и языковая картины мира тесно взаимосвязаны, находятся в состоянии непрерывного взаимодействия и восходят к реальной картине мира, а вернее, просто к реальному миру, окружающему человека.

Путь от внеязыковой реальности к понятию и далее к словесному выражению неодинаков у разных народов, что обусловлено различиями истории и условий жизни этих народов, спецификой развития их общественного сознания. Соответственно, у разных народов различная языковая картина мира. Это проявляется в принципах категоризации действительности, материализуясь и в лексике, и в грамматике.

Таким образом, в данной статье правомерно определить язык как мощное общественное орудие, формирующее людской поток в этнос, образующий нацию через хранение и передачу культуры, традиций, общественного самосознания данного речевого коллектива.

Литература:

1. Арнольдов А. И. Введение в культурологию. - М: Просвещение, 1993. — 349с.
2. Андреев А. Н. культурология. Личность и культура. - Минск: «Дизайн ПРО», 1998. - 159с.
3. Горелов А. А. Культурология. — М: Юрайт-М, 2001. - 398с
4. Гуревич П. С. Культурология. — М: Знание, 1996. - 286с.
5. Лейчик В. М. Отношения между культурой и языком // Научный журнал «Вестник» Московск. Университет. - 2003. — № 6. - с 16–27.
6. Левяш И. Я. Культурология. Минск.: ТетраСистемс, 2000. — 543с.
7. Мамонтов С. П. Основы культурологии. - М: Знание, 1995. — 317с.
8. Немировская Л. З. Культурология. История и теория культуры. — М: МГП «Кадры», 1992. - 92с.
9. Сорокин Ю. А. Понятие «чужой» в языковом и культурном контексте. - Днепропетровск, 1988. - 240с
10. Соколов Э. В. Понятие, сущность и основные функции культуры. — Л: Ленинградский ордена Дружбы народов гос. институт, 1989. - 133с.

Теория речевых актов и теория речевых жанров: сходства и различия

Сиразетдинова Юлия Олеговна, студент
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Колосовская Елизавета Валерьевна, студент
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)

В современном языкознании можно выделить наличие огромного количества различных направлений и школ лингвистической мысли с присущими им специфическими идеями и принципами, подходами к изучению разнообразных отношений и событий, которые возникают в ходе развития языка. При этом нельзя не заметить, что границы некоторых понятий в лингвистике очерчены куда четче других. Так, порою теория речевых актов и теория речевых жанров отождествляются в научном дискурсе под предлогом того, что эти понятия являются эквивалентными и отличаются лишь тем, что развивались в рамках разных языковедческих школ в разных странах примерно в одно и то же время. Однако другие ученые напротив противопоставляют теорию речевых актов и теорию речевых

жанров, употребляя данные понятия в диаметрально противоположных дефинициях. В результате перед нами оказывается одна из наиболее туманных областей в лингвистическом дискурсе. Целью нашего исследования в данной статье стал поиск наиболее точной трактовки понятий теории речевых актов и теории речевых жанров, а также выявление критериев, по которым данные понятия было бы целесообразно соотносить.

Отправной точкой для данной работы мы выбрали анализ основных аспектов теории речевых актов и теории речевых жанров, а также рассмотрение основных существующих классификаций речевых актов и речевых жанров. Так, речевой акт представляет собой высказывание, рассматриваемое на трёх уровнях: локутивном, подразумеваемом под собой непосред-

ственно процесс говорения, иллокутивном, предполагающем наличие у высказывания внеязыковой цели, и перлокутивном, отражающем результат, к которому оно привело. При этом необходимо понимать, что новаторство французского ученого Джона Остина, основоположника теории речевых актов, заключается именно в изучении иллокутивного уровня. Позже, с точки зрения вышеупомянутой внеязыковой цели новую классификацию иллокутивным актам предложил американский ученый Джон Сёрль. Лингвист подразделил их на репрезентативы, основная задача которых заключается в отражении положения дел, директивы, побуждающие собеседника к определенным действиям, комиссивы, выражающие намерение говорящего связать себя какими-либо обязательствами, экспрессивы, передающие внутреннее состояние говорящего и декларации, превращающие произнесенное в реальное положение дел. На основе базовых аспектов теории речевых актов можем сделать вывод, что в ее центре находится ничто иное как анализ цели однократного высказывания, которую ставит перед собой продуцирующий речь.

Теперь рассмотрим основные положения теории речевых жанров и постараемся найти параллели и различия. Согласно концепции М.М. Бахтина, основной характеристикой речевого жанра выступает триединство темы, стиля и композиции. Отсюда сразу же вытекает представление о речевом жанре как о законченном тексте, анализ которого может затрагивать не только область лингвистического знания, но и литературоведческого. Помимо этого, нельзя не отметить, что речевые жанры также подразделяются на первичные, складывающиеся в условиях естественного общения (например, реплика бытового диалога или приказ), и вторичные, подготовленные искусственно (например, роман).

Исходя из общих характеристик теории речевых актов и теории речевых жанров, резюмированных выше, мы можем прийти к первичному выводу об уже отмеченном немалым количеством лингвистов тождестве первичных речевых жанров, являющих собой единичное высказывание, и речевых актов. Несмотря на это, мы не имеем возможности на основе этого факта сделать окончательного вывода о тождестве теории речевых актов и теории речевых жанров, так как данные научные концепции всё же предлагают различные критерии для анализа того или иного высказывания. Следуя данной логике, мы также

можем сделать вывод, что представление о речевых актах как о компонентах речевых актов является столь же ошибочным.

Нельзя не отметить, что попытки унификации теории речевых актов и теории речевых жанров небезызвестны в лингвистике. К примеру, попытка создать классификацию речевых жанров по иллокутивно-целевому критерию была предпринята Т.В. Шмелевой. Лингвист совершила шаг в направлении объединения теории речевых актов и теории речевых жанров, предложив свою собственную классификацию, подразделив речевые жанры на информативные, императивные, этикетные и оценочные с помощью критериев, характерных для речевых актов. Тем не менее, нетрудно заметить значительное количество недостатков данной классификации. Одним из наиболее очевидных ее минусов является то, что она может считаться актуальной исключительно для первичных речевых жанров, что не позволяет ей охватить все речевые жанры, упоминаемые в оригинальной теории. Таким образом, теория Т.В. Шмелевой не может свидетельствовать о существенном сходстве двух теорий, не говоря об их тождестве.

Таким образом, мы можем сделать вывод о недостаточности доказательной базы для отождествления и даже сближения теории речевых актов и теории речевых жанров на данный момент. На наш взгляд, принципиальное различие между данными научными концепциями лежит в предметах их изучения. Теория речевых актов фокусируется на иллокутивной цели единичного высказывания, в то время как в основе теории речевых жанров находится классификация текста с точки зрения поднятой темы, стиля написания и внутренней композиции. Помимо этого, речевые жанры зачастую выходят далеко за пределы единичного высказывания, а значит они по определению не могут быть предметом анализа с точки зрения теории речевых актов. В ходе данного исследования мы пришли к выводу, что рассматриваемые нами теории являются самостоятельными. Теория речевых актов и теория речевых жанров являются параллельными теориями, так как с их помощью может быть проанализировано одно и то же высказывание, при условии, что оно относится к одному из первичных речевых жанров, с точки зрения своего аналитического аппарата. При этом необходимо признать, что изначальные различия в этом аппарате делают невозможным полное единение или взаимодействие теории речевых актов и теории речевых жанров.

Литература:

1. Авраменко О. В. «Речевой акт и речевой жанр как прагматические особенности дискурса» // http://www.rusnauka.com/11_NPRT_2007/Philologia/22034.doc.htm
2. Дементьев В. В. «Теория речевых жанров» // в. — М.: Знак, 2010. — 600 с.
3. Иркабаева М. В. «Речевые акты и речевые жанры. Соотношение понятий» // <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevye-akty-i-rechevye-zhanry-sootnoshenie-ponyatiy/viewer>
4. Комлева Е. В. «Соотношение понятий »речевой жанр« и »речевой акт« (на материале немецких аппеллятивных текстов)» // <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-ponyatiy-rechevoy-zhanr-i-rechevoy-akt-na-materiale-nemetskih-apellyativnyh-tekstov-1/viewer>

Функциональная роль вводных слов в публицистическом стиле

Чуева Эльвира Витальевна, кандидат филологических наук, доцент;
Якимова Ираида Сергеевна, студент
Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова (г. Чебоксары)

В статье авторы пытаются определить, какую роль выполняют вводные слова в публицистическом тексте.

Ключевые слова: вводные слова, публицистика, стиль речи, хайли лайкли.

Слово «публицистический» переводится с латинского как «общественный, государственный». Он служит для воздействия на людей через СМИ. Публицистический стиль характеризуется наличием общественно-политической лексики, логичностью, эмоциональностью, оценочностью.

Для публицистического стиля речи характерно широкое использование общественно-политической лексики, а также лексики, обозначающей понятия морали, этики и различных сфер жизнедеятельности человека. Для придания контексту различных оттеночных смысловых характеристик используются также вводные слова.

Вводное слово — это слово или словосочетание, которое входит в состав предложения, но не вступает с его членами в синтаксическую связь. Обычно дает сведения об источнике сообщения или связи с контекстом, а также выражает отношение к высказыванию [1].

Рассмотрим употребление вводных слов в публицистической статье на конкретном примере. Прочитаем короткий отрывок статьи Арега Галстяна «Россия — это Америка наоборот» [2].

— Действительно, институты власти стали слишком разбалансированными: ветви власти больше ориентировались на узкие корпоративные интересы, а фактор отдельной личности порой затмевал всю систему. ...Эрозия этой системы привела к тому, что сегодня можно безнаказанно сжигать флаги своей страны, рушить памятники историческим деятелям, наносить ущерб частной собственности. ... Иными словами, произошло внутреннее перенапряжение, и теперь Америка находится в глубоко расколотом состоянии.

К великому для нее сожалению, Трамп — не Джордж Вашингтон, а Джо Байден — не Джеймс Мэдисон, поэтому достойно и безболезненно выйти из нынешнего кризиса страна не сможет.

Журналист использует много вводных слов, тем самым придавая статье авторскую оценку. В первом предложении он употребил слово «действительно», придавая высказыванию уверенность. Вводное слово «иными словами» помогает автору сформулировать правильный порядок своих мыслей, чтобы читателю было легче воспринимать текст. «К великому для нее сожалению» — это вводное слово показывает отношение автора к происходящему.

В публицистическом стиле значительно сильнее проявляется авторская индивидуальность, чем в научном, официально-деловом стилях. Однако в данном случае автор проявляет себя не только как конкретная личность, но и как представитель общества, выразитель определённых социальных идей, интересов и т.д.

Поэтому основным признаком публицистического стиля является социальная оценочность, что и проявляется как в самом

отборе фактов, степени внимания к ним, так и в использовании экспрессивных языковых средств.

Вводные слова, выражая те или иные значения, придают экспрессивную оценку высказыванию. Чаще всего они используются в таких жанрах, как аналитическая статья и эссе, так как эти жанры являются жанрами-рассуждениями, где полно авторского слова.

Еще одной функцией вводных слов в публицистическом стиле, конечно же, является выражение уверенности, достоверности. Чтобы убедить читателя в чем-то, используются такие вводные слова, как *конечно, разумеется, бесспорно, несомненно, без сомнения, безусловно, действительно, в самом деле, правда, само собой, само собой разумеется, подлинно и др.*

Вот маленький кусочек из статьи Дениса Драгунского «Обратный билет» [4]:

«...Конечно, за границу отдыхать ездит небольшой процент россиян. Но если среди них окажутся «возвращенцы», им придется помучаться...»

Слово «конечно» выражает полную уверенность автора в своем высказывании.

Вот еще один отрывок из этой же статьи:

«...Кстати, молодая жена, «выписавшись» от своих родителей, автоматически теряет право на их жилплощадь даже в случае их смерти. Никакого наследования недвижимости в СССР не было...» Слово «кстати» здесь используется с целью дополнения к сказанному.

Слова «вероятно», «возможно» используются для того, чтобы показать степень неуверенности в сказанном. Вот отрывок из статьи Аллы Боголеповой «Близость разрыва» [3]:

«...Семейная жизнь как-то незаметно превратилась в заблокированный отсек подводной лодки, которая терпит бедствие: умом мы все понимаем, что экономия ресурсов, возможно, даст дотянуть до спасения...»

Но в последнее время возникло такое понятие, как «хайли лайкли». Фразу начали употреблять после отравления семьи Скрипалей в Англии. Английское выражение «highly likely» можно перевести на русский язык как «с высокой степенью вероятности» или просто «весьма вероятно». Речь идёт о событии, в котором нет стопроцентной уверенности, однако улики и признаки позволяют предположить, что так оно и было. То есть возникает подмена понятий «вроде бы» на «точно». После этого в 2019 году все чаще и чаще люди стали использовать фразу «хайли лайкли», которая используется для того, чтобы суждения без конкретных примеров и фактов прозвучали как достоверная информация.

Таким образом, вводные слова в публицистическом стиле служат для информирования, передачи общественно значимой

информации с одновременным воздействием на читателя, слушателя, убеждением его в чем-то, внушением ему определенных

идей, взглядов, побуждением его к определенным поступкам, действиям.

Литература:

1. Что такое вводные слова? // Грамотное написание слов и выражений URL: <https://xn-80aafnnb8afgdhr.xn--7sbbh7ak-dldfh0ai3n.xn--p1ai/writing-words/vvodnye-slova-eto-slova-ili-slovosochetaniya-s-pomoschyu-kotoryh-govoryaschiy-vyrazhaet-svoe.html> (дата обращения: 08.05.2023).
2. Галстян А. Россия — это Америка наоборот / А. Галстян. — Текст: электронный // Газета.ру — URL: <https://www.gazeta.ru/comments/column/s77257/13258279.shtml> (дата обращения: 09.05.2023).
3. Боголепова А. Близость разрыва. О том, как долгий совместный карантин разрушает браки / А. Боголепова — Текст: электронный // Газета.ру — 2020. — URL: <https://www.gazeta.ru/comments/column/bogolepova/13350031.shtml> (дата обращения: 09.05.2023).
4. Драгунский Д. Обратный билет / Д. Драгунский. — Текст: электронный // Газета.ру — 2020. — URL: <https://www.gazeta.ru/comments/column/dragunsky/13271263.shtml> (дата обращения: 09.05.2023).

Особенности перевода глуттонического дискурса (на материале русского и французского языков)

Шатковская Ангелина Валерьевна, студент магистратуры
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Данная статья посвящена типу дискурса, который занимает центральное место в любой культуре — глуттоническому дискурсу (гастрономическому), целью которого является достижение коммуникации, связанной с историческими, религиозно-этническими и другими аспектами процесса питания у различных народов. Различия в сложившихся гастрономических нормах порождают проблемы для межкультурной коммуникации и для перевода. В статье рассматриваются приёмы, с которыми переводчики сталкиваются при переводе глуттонических текстов.

Ключевые слова: гастрономический дискурс, глуттонический дискурс, перевод, лексема, процесс питания.

За последние десятилетия понятие «дискурс» стало одним из центральных в гуманитарных науках. Оно используется в философии, социологии, лингвистике, психолингвистике и литературоведении. Разумеется, семантический объём понятия различен в зависимости от области научного знания и её предмета.

В лингвистике понятие «дискурс» имеет огромное количество определений и трактовок. Дискурс — это многозначный термин, который означает речь, процессы языковой деятельности и предполагающие их системы понятий. В современной лингвистике виды и типы дискурса в основном организуются или объединены общей темой. Приобретая большую популярность, данный термин стал центром многих дискуссий и споров. В свете изучения этого феномена родилась не одна теория о существовании его разновидностей, к которым можно отнести политический дискурс, аксиологический дискурс, юридический дискурс, изучаемый в работе гастрономический дискурс и другие. Интерес к сфере питания как культурному и языковому феномену в этнографической и лингвистических науках возник в XIX веке, поскольку еда является одной из базовых потребностей человека.

Глуттонический или гастрономический дискурс — один из наиболее распространённых дискурсов в социальной коммуни-

кации. Это самый исследуемый тип дискурса, который занимал центральное место в любой культуре, поскольку еда является одной из базовых потребностей человека.

Исследователь А. В. Оленичев ввёл понятие «глуттонический дискурс» в 2003 году по теории презентационного дискурса, (от латинского «glutire» — «поглощать, проглатывать») который говорит о лингвокультурной и этнокультурной специфике номинаций, связанных с приготовлением пищи. Термин «глуттонический» соотносится с понятием гастрономией и соотносится с когнитивной системой глuttonии любой этнокультуры. [2, с. 168]. М. В. Ундринцова даёт термину «глuttonия» более широкое определение, характеризующее её как дискурс. Она считает, что под глuttonическим дискурсом понимается особый вид вербально-социального дискурса в совокупности с социально-культурными, религиозно-этическими, лингвофилософскими свойствами, целью которого является достижение глuttonической коммуникации» [5, с. 86]. Вопросы глuttonического дискурса освещались в работах авторов Д. Ю. Гулиновой (2004), П. П. Бурковой (2005), Э. А. Гашимова (2005), А. В. Оляничка (2003, 2005) и других. Изучение языковой концептуализации сферы «питание» способствует более глубокому пониманию этнокультуры языковой общности.

Центральной фигурой языковой картины мира, в частности гастрономической, выступает человек, так как он является источником гастрономического дискурса, также сам язык часто используется в качестве базовых признаков «человеческих» качеств для наименования продуктов. Например, выражение «café allongé» означает «кофе с большим количеством воды», но дословно переводится как «удлиненный кофе», прилагательное «allongé» используется при описании формы лица человека [7, с. 47].

Специфической чертой гастрономического фрагмента языковой картины мира выступает наличие в языке наименований самого процесса и времени потребления пищи и напитков. У русского народа — завтрак, обед, полдник и ужин. Общее название для потребления пищи — еда. Для русского народа существует термин «закуска», который понимается, как «еда принимаемая после употребления спиртного напитка». Исторически данный термин обладал более широкой семантикой и обозначал «холодные кушанья для лёгкой еды» [1, с. 335].

Традиционные французский официальные обеды обычно состояли из пяти блюд: Сначала «L'hors d'œuvre» — закуска (буквальный перевод «вне работы»), затем «entrée» — основное блюдо, обычно блюдо из рыбы; далее «le plat principal» (plat de resistance, piece de resistance) — главное блюдо; затем «fromage» — сыр; и, наконец, «dessert» — десерт [2, с. 9].

Но несмотря на большой интерес к данной проблематике, её изучению посвящено немного работ. К текстам, содержащим глуттоническую лексику, обычно относят тексты рецептов национальной кухни, меню, кулинарные статьи, фрагменты из художественной литературы. Целью гастрономического дискурса является формирование пищевых предпочтений потребителя и культурных доминант (столовый этикет, правила поведения за столом), которые связаны с поддержанием жизни посредством потребления пищи [6, с. 39].

Различия в сложившихся гастрономических нормах порождают проблемы для межкультурной коммуникации и для перевода. Зачастую перевода лексемы недостаточно, чтобы понять гастрономическую картину другого народа. При переводе приходится прибегать к различным трансформациям, комментариям, адаптациям, чтобы донести смысл оригинала до читателей. Можно выделить ряд трудностей, таких как перевод заголовков, ингредиентов, кулинарных лексем, сокращений, приборов, обозначающих способ приготовления, в соответствии с которыми вырабатываются переводческие стратегии.

Можно выделить методы перевода, к которым прибегают переводчики при переводе лексем глуттонического дискурса:

- Перевод названий.

Заголовок является первым элементом на что обращает посетитель. Несмотря на то что названия блюд в меню более изолированные, чем те названия, что мы употребляем в повседневной жизни, их можно отнести к реалиям, отображающим быт и нравы народов. Например, блюдо «Ris de veau» дословно переводится как «телячий смех», но на самом деле означает «сладкое мясо», т.к. для его приготовления используются внутренние железы секреции телёнка или поросёнка.

Наиболее частотными приёмами являются: транскрипция или транслитерация («мильфей» от фр. «mille-feuille»), каль-

кирование («шоколадно-малиновый торт» от фр. «Tarte choco-framboise», блинчики с ромом «crêpes au rhum»), адаптация («сырники» от фр. «Ramequins»).

Франция — одна из величайших гастрономических империй, и поэтому мы часто можем увидеть в переводах с французского языка употребление транскрипции и транслитерации с дополнительным переводом ингредиентов, причём многие языки в дальнейшем начинают использовать данные названия повсеместно, несмотря на иностранное происхождение, и часто, воспринимая это как нечто дикованное и необычное для произношения.

- Перевод ингредиентов.

В меню, для того, чтобы не было непредвиденных ситуаций, если название блюд не считается популярным или в нём присутствует добавление какого-то ингредиента или нужна подача с каким-то дополнительным элементом для полного раскрытия вкуса, то нужно пояснение. В этих случаях нужен перевод ингредиентов, которые входят в состав блюда.

Перевод ингредиентов также вызывает трудности. Зачастую в кулинарных рецептах и в меню могут быть указаны ингредиенты из других культур, отображающие иностранный колорит, для которых не всегда есть эквивалент в иностранном языке, что также представляет сложность для переводчика, который может быть не знаком с этой кухней. В таком случае выбирается продукт с похожим вкусом и консистенцией, а в меню пишут краткое пояснение [10; 44]. Например, название французского блюда «Andouillette» нам ни о чём не говорит, но переводчик должен не просто дать краткое описание этого блюда, но и с чем обычно подают его или salade Niçoise. («Andouillette» — это разновидность колбасы, которую готовят из свинины и телячьих кишок. Обычно блюдо подают с картофельным пюре или картошкой фри. Может быть приправлена красным перцем и луком. «Salade Niçoise» — вкусное блюдо французской кухни из листьев салата, маслин, анчоуса и дополненное нарезанными на четвертинки отварными яйцами) [9].

Среди основных приёмов перевода можно встретить: транскрипция или транслитерация (La ganache — «ганаш» — вид крема, приготовленный из шоколада и свежих сливок); калькирование (Poivre de cayenne — кайенский перец); адаптация.

В процессе двуязычной коммуникации помимо собственно межъязыковой имеет место межкультурная коммуникация. Эффективность данного вида коммуникации зависит от полноты взаимопонимания участников коммуникативного акта, которые принадлежат к разным культурам. Отличия культур настолько велики, что цель перевода в современном виде заключается не только в передаче смысла с одного языка на другой, но и преодолении барьера между культурами, что порой составляет наибольшую трудность для переводчика, стремящегося достичь адекватности при переводе культурно-маркированной лексики, передаче значения гастрономических реалий [4, с. 107]. Передача культурных реалий при переводе остаётся одной из наиболее трудновыполнимых задач. Экзотическая лексика является частым предметом дискуссий и споров в вопросах наиболее эффективных способов передачи непередаваемой лексики.

В процессе двуязычной коммуникации помимо собственно межъязыковой имеет место межкультурная коммуникация.

Эффективность данного вида коммуникации зависит от полноты взаимопонимания участников коммуникативного акта, которые принадлежат к разным культурам. Отличия культур настолько велики, что цель перевода в современном виде заключается не только в передаче смысла с одного языка на другой, но и преодолении барьера между культурами, что порой составляет наибольшую трудность для переводчика, стремящегося достичь адекватности при переводе культурно-маркированной лексики, передаче значения гастрономических реалий [4, с.107]. Передача культурных реалий при переводе остаётся одной из наиболее трудновыполнимых задач. Экзотическая лексика является частым предметом дискуссий и споров в вопросах наиболее эффективных способов передачи непередаваемой лексики.

Существующие способы перевода гастрономических реалий довольно часто не позволяют в полной мере передать их семантическое значение. Иногда в процессе перевода лексических единиц следует использовать сразу несколько приёмов для достижения желаемого уровня эквивалентности. В связи с этим, данная проблема всё ещё остаётся актуальной для современных лингвистов и, скорее всего, найдёт своё отражение в дальнейших исследованиях по переводоведению.

Для выполнения адекватного перевода таких текстов переводчик должен обладать достаточной компетенцией в данной области и учитывать лингвокультурологические, социолингвистические и функционально-стилистические особенности, воздействующие на гастрономическую номинацию.

Литература:

1. Библия французской кухни Поля Бокюза. М.: АСТ, 2014 С. 787, 38–523 [Электронный доступ]// Режим доступа: <https://archive.org/details/cuisineofpaulboc0000bocu>
2. З.Ван Дейк Т. Язык. Познание. Коммуникация. Волгоград: Перемена, 1992. С. 161 — URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1655198816>
3. Влахов С., Флорин С. Непередаваемое в переводе. М.: Международные отношения, 1980 С. 383 — URL: http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/vlahovdoc.shtml/
4. Глуттонический дискурс как объект лингвистического исследования // М.: Наука, образование и культура, 2016, С. 45–48 — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/glyuttonicheskiy-diskurs-kak-obekt-lingvisticheskogo-issledovaniya>
5. Гребёнкина И.Н. Универсальные и уникальные стереотипы французской и русской культур // Вестник ТГПУ, Томск, 2013.— № 10 — С. 8–12 — Текст электронный.— URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/universalnye-i-unikalnye-stereotipy-frantsuzskoy-i-russkoy-kultur-na-materiale-russkih-i-frantsuzskih-frazeologizmov-s/viewer/>
6. Ермакова, Л.Р. Глуттонические прагматонимы и национальный характер (на материале русской и английской лингвокультур): дис. ... канд. филол. наук // — Белгород, 2010–240 с.
7. Олянич А.В. Гастрономический дискурс в системе массовой коммуникации: (семантико-семиотические характеристики); Массовая культура на рубеже XX — XXI веков: человек и его дискурс. М.: Азбуковник. — 2003.— С. 438
8. Олянич, А. В. Путешествие как потребность и потребление. — СПб.: Изд-во СПбГУ. — 2003.— С. 43–47.
9. Онлайн-статья El Caracol Ancient Mayan Observatory.— URL: <https://osr.org/blog/kids/el-caracol-ancient-mayan-observatory/>

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 20 (467) / 2023

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 31.05.2023. Дата выхода в свет: 07.06.2023.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.